

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2023. Т. 45, № 7

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2023. Т. 45, № 7

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Россия)
- К. А. МЮКЛЕБУСТ**
д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2023. Vol. 45, No 7

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2023

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŪNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

VII Международная конференция «Россия и Греция: диалоги культур»

От редакции

Захаров В. Н.

Уроки афинской школы в Петрозаводске 7

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Данилина Н. И.

Прагматический компонент в научной речи XVIII века (на материале текстов М. В. Ломоносова) 8

КЛАССИЧЕСКАЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Попова Т. Г.

Византийские версии Жития преп. Иоанна Лествичника: к вопросу о развитии агиографического канона 13

Чернышева М. И.

Иеронимическое ядро в системе византийско-славянских именовании 20

Анашкин А. В.

Морфология и семантика совершенных форм в византийской канонико-правовой вопросоответной литературе 28

Забудская Я. Л.

Изобретая варварство: переводы, комментарии и трактовки Eur. IT 74–75 36

Лейбенсон Ю. Т., Мамудов Э. Р.

Лексические и культурно-исторические реалии текстов «Hermeneumata Pseudodositheana» 43

Приходько Е. В.

Гомер в поэзии потомков «славных солимов» 49

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алтынбаева Г. М.

Античный код романа Аси Володиной «Протагонист» 57

Наумчик О. С.

Античный код в диалогии Г. Л. Олди «Золотой лук» 65

Литинская Е. П.

Греческая антология на страницах журнала «Современник» (1836–1866) 71

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

Савиных О. И., Шарыпина Т. А.

Интермедиаальный дискурс в русско-немецких драматургических трансформациях сюжета о Меде XX–XXI веков 80

Каяниди Л. Г.

Трагедия Вяч. Иванова «Прометей» в свете исследований культа Кабиров в немецкой классической филологии XIX века 90

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Смирнова Е. Л.

Плиний-естествоиспытатель: образ римского ученого-энциклопедиста в забытом очерке середины XIX века 98

ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Климова К. А.

Пищевой код греческой культуры в России: (не)реализованная этническая идентичность 108

Никитина И. О.

Ритуал гурбан в религиозной жизни греков Кавказских Минеральных Вод 114

Память

Абрамова О. Г., Кунильский А. Е., Шарапенкова Н. Г.

Памяти Л. И. Мальчукова 120

Тарланов Е. З.

Человек из семидесятых 122

Научная информация

Скоропадская А. А.

Седьмая Международная научная конференция «Россия и Греция: диалоги культур» 123

Contents 124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.10.2023. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Изд. № 115

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОГО
СОВЕТА ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор
Петрозаводский
государственный университет
В. Н. Захаров

Vladimir N. Zakharov
Editorial Board Member
Dr. Sc. (Philology), Professor
Petrozavodsk State University

**УРОКИ АФИНСКОЙ ШКОЛЫ
В ПЕТРОЗАВОДСКЕ**

Этот номер посвящен прошедшей в Петрозаводском государственном университете международной научной конференции «Россия и Греция: диалог культур», которая состоялась в седьмой раз. Концепция конференции, как и всё, что в ПетрГУ связано с античностью и классической филологией, принадлежит Татьяне Георгиевне Мальчуковой. Она создала кафедру классической филологии, школу античной и византийской словесности, научила учеников. В основе нашей научной и просветительской деятельности лежит ясная и понятная, но не всегда узнаваемая мысль, что античность и христианство едины, их преемство органично, что Россия впитала в себя мудрость эллинизма и откровение христианства, российские университеты усвоили уроки афинской школы (платоновской академии и аристотелевского лицея), греческие философы и богословы сформировали научный и церковный тезаурус русского языка, да и само имя России живет в греческой огласовке.

Мы едины в содружестве ученья и наук.

Обширна география конференции, которая собрала ученых из Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Афинского национального университета имени И. Каподистрии, Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Нижегородского и Саратовского национальных исследовательских государственных университетов имени Н. И. Лобачевского и Н. Г. Чернышевского и Фракийского университета имени Демокрита, Института российской истории РАН, Мариупольского государственного университета имени А. И. Куинджи, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Смоленского государственного университета и, конечно же, Петрозаводского государственного университета.

На пленарном и секционных заседаниях, которые были посвящены классической филологии, византистике, неозэллинистике, греческой теме в мировой литературе и культуре, культурно-историческим связям России и Греции, прозвучали доклады, отражающие широкий спектр культурных, исторических, языковых связей России и Греции. Они представлены в статьях этого выпуска.

Завершает номер рубрика «Память», посвященная доктору филологических наук, профессору Льву Ивановичу Мальчукову.

НАТАЛИЯ ИВАНОВНА ДАНИЛИНА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и латинского языков
Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского
(Саратов, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-8804-2157; danilina.ni@staff.sgm.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В НАУЧНОЙ РЕЧИ XVIII ВЕКА (на материале текстов М. В. Ломоносова)

А н н о т а ц и я . Цель исследования – выявить языковые средства реализации прагматической функции научного текста. Материалом выступают письмо М. В. Ломоносова Л. Эйлеру от 5.07.1748 и диссертация «De ratione quantitatis materiae et ponderis» – тексты, почти дословно совпадающие, но различающиеся прагматическими интенциями. Установлено, что одно и то же научное содержание получает у Ломоносова различное языковое оформление. Личное письмо предполагает поддержание комфортного общения, поэтому выбираются языковые средства, подчеркивающие близость отношений и повышающие статус адресата, научные размышления даны в форме я-изложения, допускается повышенная эмоциональность и категоричность. Жанр доклада предполагает презентацию объективного знания, поэтому используются языковые средства, снижающие категоричность: мы-изложение, пассивные и неопределенно-личные конструкции, лексические показатели неполной уверенности. Нужные прагматические цели достигаются путем перестройки вспомогательного аппарата текста, включая дискурсивные операторы, и не затрагивают содержательной и лексической базы. Все это характеризует Ломоносова как языковую личность, в полной мере способную реализовать необходимые прагматические компоненты дискурсивных практик средствами латинского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : латинский язык, Ломоносов, Эйлер, научный дискурс, эмоционально-оценочная лексика, дискурсивные операторы, эпистолярный жанр

Д л я ц и т и р о в а н и я : Данилина Н. И. Прагматический компонент в научной речи XVIII века (на материале текстов М. В. Ломоносова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.951

ВВЕДЕНИЕ

Профессиональный дискурс рассматривается в настоящее время как актуальный объект изучения. При этом исследователей давно уже интересует не только терминологическая составляющая научной речи, но и иные ее проявления: синтаксис, прагматика [2], [3], [5], [6], [7], [10]. Формирование языка науки в России обычно связывается с именем М. В. Ломоносова. Изучение его идиолекта представляет особый интерес в том плане, что он оставил огромное не только русско-, но и латиноязычное научное наследие. Латинский язык Ломоносов выучил в Славяно-греко-латинской академии, где пробыл с 1731 по 1735 год, а уже в 1736 году был направлен для обучения в Германию к знаменитому физику Х. Вольфу – стороннику использования национального (немецкого) языка в образовании [9]. Вероятно, именно в этот период сложилась «поликодовость» идиолекта Ломоносова, отме-

чаемая исследователями-германистами [11: 262]. Данная особенность языковой личности нашла отражение и в лексикографии: латинский вместе с русским и немецким является одним из языков «Словаря языка М. В. Ломоносова». Отношения с латинским языком у Ломоносова многообразны. Документальные свидетельства того, что он придавал большое значение знанию латинского языка, собраны в статье [9]. По-латински написаны практически все труды Ломоносова по естественным наукам (четыре из одиннадцати томов академического собрания сочинений). Ломоносов выступает переводчиком и редактором сочинений своих зарубежных коллег (Эйлера, Вольфа) [12: 424], а также собственных сочинений. Однако латинское языковое наследие Ломоносова редко становится объектом специальных исследований [4], [13].

В данной статье мы избрали объектом изучения два латинских текста: письмо к Леонарду Эй-

леру от 5.07.1748¹ и работу «De ratione quantitatis materiae et ponderis» (1758)². Замечено, что эти тексты почти дословно повторяют друг друга [8: 240]. В то же время они принципиально различны по экстралингвистическому контексту: с одной стороны, письмо коллеге, всегда с интересом относившемуся к идеям Ломоносова и проявлявшему личное дружелюбие [12], с другой – диссертация, планировавшаяся к прочтению на заседании академии, где, как известно, Ломоносов имел напряженные взаимоотношения. Отметим, что публичное чтение так и не состоялось из-за сомнений академиков в основательности доводов [8: 231], а написанная диссертация была сдана в архив. Цель нашего исследования – выявить языковые средства реализации прагматической функции текстов. В процессе изложения мы будем приводить примеры непосредственно по-латински, а при необходимости цитировать перевод Я. М. Боровского.

* * *

При сличении текстов в первую очередь обращает на себя внимание различие жанровых шаблонов, выразившееся в специфическом характере вступительных и заключительных частей, которые в сравниваемых текстах полностью различаются.

Письмо с композиционной точки зрения вложено в две «рамки»: формальную и содержательную. Формальная рамка представляет собой приветствие и прощание (с указанием даты). Хотя это уже не первое письмо Ломоносова Эйлеру, приветствие сопровождается полным перечнем регалий адресата, а также определениями-клише, повышающими статус адресата и умаляющими пишущего (1). Основной коммуникативной тактикой содержательной рамки письма также становится повышение статуса адресата. Причем вначале на примере диссертации о селитре в пространственных выражениях воздается должное благосклонности Эйлера к Ломоносову и только после этого сообщается о цели письма: получить отзыв о нынешних размышлениях, возможно, ответ на свои сомнения. При этом и вступление (2), и заключение (3) наполнены эвфемизмами, хвалебными эпитетами, изъявлениями благодарности и удовольствия от взаимного общения. Из грамматических средств отметим использование прилагательных в превосходной степени, обилие местоимений 1-го и 2-го лица, подчеркивающих личностный характер общения, постоянно сопологающих автора и адресата, то есть выполняющих не информативную, а фатическую функцию.

(1) «*Viro celeberrimo atque doctissimo Leonhado Eulero illustris Scientiarum Academiae Berolinensis Membro*

et Professore Regio Meritissimo, nec non Caesareae Academiae Scientiarum Petropolitanae et Regiae Societatis Scientiarum Londinensis Membro honorario S. P. D. Michael Lomonosoff. <...> Vale. Dabam Petropoli die 5 Julii stili vet. A. S. 1748». «**Знаменитейшему и учнейшему мужу Леонарду Эйлеру, заслуженнейшему королевскому профессору и члену славной берлинской Академии наук, а также почетному члену императорской Петербургской Академии наук и Лондонского королевского общества, нижайший привет шлет Михаил Ломоносов. <...> Будьте здоровы. Петербург, 5 июля ст. ст. 1748 г.**».

(2) «*Quamobrem necessarium esse duco, primo eorum consilio uti, quorum **judicium magnis rebus crebro exercitatum, et auctoritas meritis comparata est. Cum vero in Te, Vir humanissime, super haec omnia etiam propensam in me voluntatem Tuam sciam; nullus itaque dubito, quin ea, quae limitatissimo judicio Tuo examinanda propono, aequo animo accipias, et ubi ea parum valido pedeniti deprehenderit, hallucinationem candide, ut soles, indicare non graveris***». «Поэтому считаю необходимым последовать совету тех, чье **суждение изощрено постоянным занятием важными** вопросами, **авторитет же** приобретен **заслугами**. Так как, муж **снисходительнейший**, кроме обоих этих качеств Вы еще, знаю, и **благосклонны ко мне**, то я не сомневаюсь, что Вы выслушаете **благожелательно** то, что я предлагаю Вашему **просвещеннейшему** суду, и, заметив пункты, недостаточно у меня обоснованные, **не поставите себе в труд откровенно**, как всегда, указать мои ошибки».

(3) «*Tuo autem acutissimo judicio ex hoc labyintho me extricatum es, animi aequitate hasce meditationes meas, mihi que favere perge*». «Но не сомневаюсь, что Ваше **острое** суждение освободит меня из этого лабиринта. Примите, **несравненный** муж, эти мои размышления со свойственной Вам **непредубежденностью** и не оставляйте меня Вашим **благосклонным расположением**».

Композиционная рамка диссертации близка к современному шаблону научного доклада: вступление – обоснование актуальности темы (4), заключение – перспективы исследования (5). В письме к Эйлеру данные аспекты темы не упоминаются. Отметим, что важность и значимость темы подчеркиваются также косвенными средствами – обилием усилительной и оценочной лексики, в том числе хвалебными эпитетами по отношению к предшествующим ученым, хотя и не называемым поименно.

(4) «*...non sine animi dolore aliquo miramur, post tot magnorum virorum conamina, post tot praeclara inventa, tot phaenomena physica adhuc restare non satis explicata... versatur. ...quamprimum considerabimus ipsa principia mechanica adeoque physica in disceptatione esse, summosque seculi hujus viros de iis dissentire. Exemplum luculentissimum est mensura virium motus, quae ab aliis in simpliciter, ab aliis in duplicate ratione celeritatis assumitur*». «...мы не без **горестного изумления** видим, что после **стольких** усилий **великих** мужей, после **стольких славных** открытий, **такое** множество физических явлений до сих пор остается недостаточно объясненными, ... самые первые начала механики, а тем самым и физики, еще спорны, ...**наиболее выдающиеся** ученые нашего

века не могут притти к соглашению о них... Подобным же образом спорным представляется вопрос, дает ли отношение тяжести тел правильную меру количества их материи».

(5) «...*si contraria receptae hypothese opinion esse deprehendatur, rationem magnitudinis particularum in diversis corporibus... facilius investigari posse, indeque majus lumen oboriturum esse in Phylosophia corpuscular, quam adeo neglactam esse hoc seculo jure querimur...*». «...если окажется правильным мнение, противоположное общепринятой гипотезе, то легче будет исследовать отношение величины частиц в разных телах... а отсюда прольется большой свет в корпускулярную философию, находящуюся в наш век в таком пренебрежении...».

Основная часть обоих текстов, действительно, почти дословно совпадает. Тем показательнее различия, которые все-таки обнаруживаются. В первую очередь обратим внимание на особенности авторского самовыражения. В письме все изложение ведется от 1 л. ед. ч., тем самым подчеркивается субъективный, индивидуальный характер течения мысли и авторской позиции. В диссертации в соответствующих местах используются либо пассивные (безличные, неопределенно-личные) конструкции (6, 7), либо 1 л. мн. ч., что подразумевает местоимение *мы*, причем это может быть как авторское *мы* (= я) (8), так и обобщенно-личное («любой из нас, ученых») (9). Тем самым в диссертации Ломоносов даже на уровне выбора грамматических средств стремится подать свою позицию как объективное знание. На уровне текста в целом этому служит аргументация: логические рассуждения и эмпирические примеры, которые так ценил Эйлер. Некоторые фразы с глаголами 1 л. ед. ч. в диссертации вообще опускаются: они либо слишком категоричны для публичного выступления (10), либо представляют собой своеобразные отступления от изложения, допустимые в письме, но излишние в докладе (11). Впрочем, и в письме встречается *мы*-изложение, оно используется там, где описываются вещи, по мнению автора, очевидные или логически неоспоримые, и это всегда обобщающее «мы» (12).

(6) «*At iis, quae... in sensu generali leguntur... subscribere nondum possum*» (письмо) / «*At iis, quae... in sensu generali... subscribi nondum tuto posse existimamus*» (диссертация).

(7) «*Quamobrem opus est, ut... de causa gravitatis pauca disseram*» (письмо) / «*Quamobrem necesse est, ut... de causa gravitatis pauca in genere proponantur*» (диссертация).

(8) «*Non moror eos, qui... putant; sed absque omni dubio... statuo*» (письмо) / «*Non tamen morabimur eos, qui... putant, sed absque omni dubio ...statuimus*» (диссертация).

(9) «*Omnem assensum prebeo, cum apud virum summum Isaacum Newtonum lego...*» (письмо) / «*Omnem assensum prebemus, cum apud Newtonum legimus...*» (диссертация).

(10) «*Ego prius amplector, posterius eis relinquo, qui omnia fere phaenomena unico vocabulo explicare gaudent*». «Я принимаю первое, а второе предоставляю тем, кто рад чуть ли не все явления объяснить одним-единственным словом» (письмо).

(11) «*Plura offerem, si me jam plus satis prolixum hic fuisse non viderem. Addo tamen...*». «Я предложил бы больше, если бы не видел, что уже распространился более чем достаточно. Добавлю, однако...» (письмо).

(12) «*Si mundum adspectabilem plenum materia statuiamus; materiam gravitate carentem admittere debemus...*» «Если мы признаем видимый мир полным материи, то должны допустить и невесомую материю...» (письмо, диссертация).

Другим важным отличием прагматики сравниваемых текстов выступают особенности реализации эмоционально-оценочного компонента. То, что даже научная речь Ломоносова богата средствами выразительности, уже отмечалось исследователями его русскоязычного дискурса [1: 32]. Метафоры, олицетворения, развернутые сравнения, риторические вопросы, эмоционально-оценочная лексика имеются и в анализируемых нами текстах (13, 14); эти моменты являются в них по большей части совпадающими.

(13) «*Sic quantum alicui corpora materiae additur, tantum decedit alteri, quod horas somno impend, totidem vigiliae detraho*». «Так, сколько материи прибавляется к какому-нибудь телу, столько же теряется у другого; сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю от бодрствования» (письмо, диссертация).

(14) «*Quid enim magis contrarium esse potest merae attractioni, quam pura impulsio?*» «Ибо что может быть более противоположным чистому притяжению, чем простой толчок?» (письмо).

Впрочем, как мы уже отметили, письмо, в отличие от диссертации, имеет пространное эмоционально окрашенное вступление и заключение, да и в основной его части эмоционально окрашенной лексики несколько больше, чем в диссертации, где соответствующие фрагменты просто опускаются (15, 16).

(15) «*...nullum erandi periculum circa determinandas magnorum corporum vires timeri potest; verum tamen in explicandis phaenomenis, quae a minimis rerum naturalium deponent, id non timere admittendum esse censeo, si in errore versari velimus*». «...нечего бояться ошибок в определении сил крупных тел, но я считаю невозможным приложить это к объяснению тех явлений, которые зависят от мельчайших частиц тел природы, если мы не хотим все время ошибаться» (письмо).

(16) «*Mihi equidem in usu evenit, ut, post consumptam omnem curam... me omni laboris industriaeque fructu privari intellexerim*». «Да и сам я, потратив много труда... понял, что не получу никаких плодов от своей прилежной работы» (письмо).

Существенная разница между письмом и диссертацией наблюдается в соотношении языковых операторов уверенности / предположительности.

Научной речи Ломоносова вообще (в обоих текстах, и не только в них) свойственна довольно категоричная тональность, что проявляется в выборе соответствующей лексики и синтаксических конструкций, в обилии усилительных частиц и определений, прилагательных в превосходной степени. Типичны выражения: *absque omni dubio; certissimum est; maxime probabile, ac paene extra omne dubium positum est* «представляется весьма вероятным и почти несомненным»; *nemo ibit inficias* «никто не станет возражать»; *quod falsum est; manifestum est; necessario fieri debent* (глагол *debere* вообще частотен в письме); *attractio mera nulla esse potest; ne quis tamen exempla apparenter urgentia contra haec ponat* «и пусть никто не приводит против этого примеров, кажущихся противоречащими»; *posterius et sanam rationem offendit* «последнее противоречит здравому смыслу»; *ne hic autem mihi objiciatur* «что бы мне здесь ни возражали» и т. п. Однако в диссертации наряду с подобными выражениями имеется в большом количестве и лексика со значением неполной уверенности, предположительности, отчасти эвфемистичная, практически отсутствующая в письме: *videtur* (особенно часто); *non hic erit incongruum* (будущее время снижает категоричность); *adeo verosimili ratione ponimus; ex quibus magna aboritur dubitatio de recepta illa hypothesi* «которые вызывают сильное сомнение в справедливости принятой гипотезы»; *non vana, ut videtur, oboritur suspicio* «возникает не лишнее, по-

видимому, оснований предположение»; *Sed satis demonstrandum esse vedetur, memoratae hypothesi contrarium esse posse* «Но, пожалуй, уже достаточно показано, что можно утверждать противоположное упомянутой гипотезе».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы видим, что одно и то же научное содержание получает у Ломоносова различное языковое оформление, обусловленное экстралингвистическими факторами. Жанровый канон личного письма предполагает поддержание комфортного общения, поэтому выбираются языковые средства, подчеркивающие близость отношений и повышающие статус адресата; я-изложение продолжает использоваться и в той части текста, где излагаются научные размышления. Жанр доклада предполагает презентацию объективного знания, поэтому используются языковые средства, снижающие категоричность: мы-изложение, пассивные и неопределенно-личные конструкции, эвфемизмы, лексические показатели неполной уверенности. Показательно, что нужные прагматические цели достигаются путем перестройки вспомогательного аппарата текста, включая дискурсивные операторы, и не затрагивают его содержательной и лексической базы. Все это характеризует Ломоносова как языковую личность, в полной мере способную реализовать необходимые прагматические компоненты дискурсивных практик средствами латинского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 169–194.

² Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 349–372.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арискина О. Л., Дрянгина Е. А. Роль языковой личности грамматистов XVI–XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. 84 с.
2. Баженова Е. А. Прагматические единицы научного текста // Филологические заметки. 2007. Т. 2. С. 221–225.
3. Баженова Е. А. Развитие понятия «Смысловая структура научного текста» в функциональной стилистике // Филология в XXI веке. 2019. № S1. С. 8–12.
4. Боровский Я. М. Латинский язык Ломоносова // Ломоносов: Сб. статей и материалов. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 206–218.
5. Викторова Е. Ю. О некоторых проявлениях диалогичности в русском научном дискурсе // Филология в XXI веке. 2019. № S1. С. 57–62.
6. Данилевская Н. В. Интеллектуальная экспрессия научного изложения: психолингвистический аспект // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 83–89.
7. Данилина Н. И., Разумовская Е. А. Проявление индивидуально-авторского начала в научном тексте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 56–69. DOI: 10.17223/19986645/71/4
8. Меншуткин Б. Н. Труды М. В. Ломоносова по физике и химии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 537 с.
9. Солопов А. И. Латинский язык в жизни и творчестве М. В. Ломоносова // Научные доклады филологического факультета МГУ. 2013. Т. 7. С. 16–24
10. Супоницкая Н. С. Способы языкового маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61). Ч. 1. С. 133–138.
11. Филиппов К. А., Григорьева Л. Н. Немецкий язык в идиолекте М. В. Ломоносова // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 10. М: Языки славянской культуры, 2013. С. 257–273.

12. Ченакал В. Л. Эйлер и Ломоносов (К истории их научных связей) // Леонард Эйлер: Сб. статей в честь 250-летия со дня рождения / Под ред. М. А. Лаврентьева, А. П. Юшкевича, А. Т. Григоряна. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 423–463.
13. Шабига И. Ю. Переводческие приемы М. В. Ломоносова при работе с научным латинским текстом // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 4. С. 43–61.

Поступила в редакцию 21.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Natalia I. Danilina, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky (Saratov, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-8804-2157; danilina.ni@staff.sgm.ru

PRAGMATIC COMPONENT IN THE EIGHTEENTH-CENTURY LANGUAGE OF SCIENCE (based on Mikhail Lomonosov's texts)

Abstract. The purpose of the study is to identify the linguistic means of implementing the pragmatic function of scientific texts. Mikhail Lomonosov's letter to Euler dated 5 July 1748 and his dissertation *De ratione quantitatis materiae et ponderis* (Ratio of the quantity of matter and its weight). These texts match each other almost verbatim, but differ in their pragmatic intentions. The same scientific content is expressed by Lomonosov through different linguistic forms. The personal letter involves maintaining comfortable communication, therefore, he chooses language means that emphasize the closeness of the relationship and increase the status of the addressee, scientific reasoning takes the form of "I" statements, sometimes more emotional and categorical. The genre of scientific report involves the presentation of objective knowledge, therefore, Lomonosov uses linguistic means that reduce categoricity: "we" statements, passive voice, indefinite-personal constructions, and lexical indicators of incomplete confidence. Necessary pragmatic goals are achieved by restructuring the auxiliary apparatus of the texts, including discursive operators, and do not affect their content or lexical base. All this characterizes Lomonosov as a linguistic personality fully capable of implementing required pragmatic components of discursive practices by means of the Latin language.

Key words: Latin, Lomonosov, Euler, scientific discourse, emotional and evaluative vocabulary, discursive operators, epistolary genre

For citation: Danilina, N. I. Pragmatic component in the eighteenth-century language of science (based on Mikhail Lomonosov's texts). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.951

REFERENCES

1. Ariskina, O. L., Dryangina, E. A. The role of the linguistic personality of grammarians of the XVI–XVIII centuries in the development of Russian linguistic science. Saransk, 2013. 84 p. (In Russ.)
2. Bazhenova, E. A. Pragmatic units of scientific texts. *Philological Studies*. 2007;2:221–225. (In Russ.)
3. Bazhenova, E. A. The development of the concept "scientific text's sense structure" in functional stylistics. *Philology in the XXI Century*. 2019;S1:8–12. (In Russ.)
4. Borovsky, Ya. M. The Latin language of Lomonosov. *Lomonosov: Collection of articles and materials*. IV. Moscow; Leningrad, 1960. P. 206–218. (In Russ.)
5. Viktorova, E. Yu. On the dialogue nature of Russian academic discourse. *Philology in the XXI Century*. 2019;S1:57–62. (In Russ.)
6. Danilevskaya, N. V. Intellectual expression of scientific discourse: a psycholinguistic aspect. *Socio-and-Psycholinguistic Studies*. 2018;6:83–89. (In Russ.)
7. Danilina, N. I., Razumovskaya, E. A. The manifestation of the author in the dissertation (at the origins of the language of science). *Tomsk State University Journal of Philology*. 2021;71:56–69. DOI: 10.17223/19986645/71/4 (In Russ.)
8. Menshutkin, B. N. Works of M. V. Lomonosov on physics and chemistry. Moscow; Leningrad, 1936. 537 p. (In Russ.)
9. Solopov, A. I. The Latin language in the life and works of M. V. Lomonosov. *Scientific reports of the Faculty of Philology of Moscow State University*. 2013. Vol. 7. P. 16–24. (In Russ.)
10. Suponitskaya, N. S. The ways of the language marking of the author's implicit "presence" in the scientific text. *Philology. Theory & Practice*. 2016;7(61-1):133–138. (In Russ.)
11. Filippov, K. A., Grigoryeva, L. N. German in the idiolect of M. V. Lomonosov. *Russian German studies: Yearbook of the Russian Union of German Studies*. Vol. 10. Moscow, 2013. P. 257–273. (In Russ.)
12. Chenaikal, V. L. Euler and Lomonosov (the history of their scientific relations). *Leonard Euler: Collection of articles in memory of his 250th birth anniversary*. (M. A. Lavrentyev, A. P. Yushkevich, A. T. Grigoryan, Eds.). Moscow, 1958. P. 423–463. (In Russ.)
13. Shabaga, I. Yu. Scientific Latin text and translation techniques used by M. V. Lomonosov. *Moscow University Translation Studies Bulletin*. 2011;4:43–61. (In Russ.)

Received: 21 August 2023; accepted: 29 September 2023

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА ПОПОВА

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

(Калининград, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8431-2962; lestvic@mail.ru

ВИЗАНТИЙСКИЕ ВЕРСИИ ЖИТИЯ ПРЕП. ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА: К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ АГИОГРАФИЧЕСКОГО КАНОНА

А н н о т а ц и я . Проводится сравнительный анализ двух принципиально различающихся византийских версий Жития преп. Иоанна Лествичника, условно именуемых «ранняя версия» и «поздняя версия». Материалом для анализа являются тексты, опубликованные Ж.-П. Минем в «*Patrologia Graeca*» (ранняя версия) и архимандритом Игнатием (поздняя версия). Обе версии стали оригиналами для раннеславянских переводов: ранняя версия легла в основу преславского и афонского переводов и благодаря чрезвычайной популярности афонского перевода стала хорошо известна славянскому читателю. Ранняя версия стала широко известна русскому читателю, поскольку она была использована оптинскими монахами при выполнении русского перевода Жития святого. Поздняя версия легла в основу тырновского и сербского переводов и получила ограниченное распространение на болгарских и сербских землях в XIV–XVI веках. Сравнительный анализ византийских версий Жития привел к выводу о том, что главная цель, которую преследовал редактор, заключалась в усилении сакральной составляющей содержания текста. Этой цели посвящены все средства редакторского арсенала, среди которых особую роль выполняют вставки и лексическое варьирование. В основе всех редакторских решений лежит стремление показать идеальный образ святого. Редактор устраняет из текста лексемы с возможными негативными коннотациями, насыщает текст библейскими аллюзиями, актуализирует цитаты из Священного Писания, добавляет фрагменты, показывающие человеколюбие и щедрость Господа, силу молитвы и т. д. В поздней версии очевидно проявляется развитие агиографического жанра в византийской литературе. Поскольку для русского читателя поздняя версия Жития святого осталась неизвестна, перспективной задачей для филологов представляется перевод этой версии на русский язык и научное издание Жития преп. Иоанна Лествичника как важного источника для исследования агиографического канона.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Иоанн Лествичник, жития святых, агиографический канон, византийская литература, раннеславянские переводы с греческого языка

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при поддержке РФФ (проект № 22-18-00005 «Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского»).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Попова Т. Г. Византийские версии Жития преп. Иоанна Лествичника: к вопросу о развитии агиографического канона // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 13–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.952

ВВЕДЕНИЕ

Все исследования в области переводной древнеславянской и древнерусской книжности (в том числе агиографии) должны базироваться на византийском тексте, ставшем основой того или иного перевода. В настоящее время наука располагает изданиями двух принципиально различающихся версий древнегреческого текста Лествицы и предваряемого ей Жития преп. Иоанна Лествичника. Древнейшая версия текста впервые была издана иезуитом Матфеем Раде-

пом (S. Iohannis Scholastici, abbatis Montis Sina, qui vulgo Climacus appellatur, opera omnia, isagoge. Interprete Matthaeo Radero. Lutetiae-Parisiorum, 1633), переиздана Ж.-П. Минем (*Climaci Joannis Scala paradisi. Patrologiae cursus completus. Series graeca*, ed. J. P. Migne. T. 88. Col. 631–1210. Parisiis, 1860) и П. Тревизаном (*S. Giovanni Climaco Scala paradisi. Testo con introduzione, versione e note del Sac. Pietro Trevisan. Corona patrum Salesiana. Series graeca. Vol. VIII (Gradini 1–15), IX (Gradini 16–30). Torino, 1941*). Более поздняя версия увидела

свет в изданиях Софрония Ереμίта (Κλίμαξ τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου καθηγουμένου τοῦ Συναίου Ὁρους τὸ πρῶτον ἤδη ἐκδοθεῖσα ἐλληνιστὶ ὑπὸ τοῦ ἐν Ἀγίῳ Ὁρει παρὰ τῆ Μεγίστη Λαύρα Σωφρονίου Ἐρημίτου. Ἐν Κωνσταντινοπόλει, 1883. Repr.: Athens, 1970) и архимандрита Игнатия (Τοῦ ὁσίου Πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Συναίτου Κλίμαξ ὑπὸ Αρχιμ. Ἰγνατίου. Ὁρωπὸς Ἀττικῆς, 1978. Repr.: 1997, 1999, 2002).

Когда, где и кем была выполнена редакция Жития, условно именуемая нами «поздняя греческая версия», неизвестно; ответы на эти вопросы возможно получить в результате исследования византийской рукописной традиции Лествицы, которая является малоизученной; краткий обзор истории изучения византийской традиции памятника см. в работе [1: 175–177]. Имеются лишь скудные сведения о том, что Софроний использовал для своего издания некую «пергаменную рукопись монастыря Дионисиат» [5: 27], а Игнатий пользовался двумя источниками: кодексом № 50 монастыря Ставроникита и изданием Софрония, см. об этом: [8: 238–240]. Усилия византийцев были и остаются единичными и разрозненными. Научного издания памятника, предваряемого тщательным лингвотекстологическим исследованием византийских рукописей, не существует.

Первый перевод Лествицы на общеславянский литературный язык был выполнен в золотой век славянской культуры, не позднее второй четверти X столетия, книжниками Преславской школы, см. об этом: [3]. Основой для преславского перевода послужила ранняя греческая версия Лествицы. Второй перевод Лествицы был выполнен в эпоху Второго Болгарского царства книжниками Тырновской школы. Основой для тырновского перевода послужила поздняя греческая версия Лествицы. Примерно в это же время (в начале второй половины XIV века) в сербской книжной среде был выполнен третий славянский перевод, см.: [2: 170–180], [6: 210–211], [7: 248]. Основой для сербского перевода (так же как и для тырновского) послужила поздняя греческая версия Лествицы. Второй и третий переводы получили ограниченное распространение, бытуя в основном на болгарских и сербских землях. Самый популярный в славянских странах, и особенно на Руси, перевод по счету является четвертым, он был выполнен около середины XIV века на Афоне, чрезвычайно широко распространился в славянской письменности и быстро вытеснил все предыдущие переводы, см. об этом: [2: 180–284], [4: 536]. Основой для афонского перевода (так же, как и для преславского) послужила ран-

няя греческая версия Лествицы. Все перечисленные выше греческие и славянские версии Жития преп. Иоанна Лествичника опубликованы наборным способом¹.

Задачей настоящей статьи является проследить развитие агиографического канона на материале Жития преп. Иоанна Лествичника путем сравнения двух византийских версий текста. Текст ранней версии цитируется по изданию Ж.-П. Минья (далее – PG. Т. 88), текст поздней версии – по изданию Игнатия 1997 года (далее – Ἰγνατίου). Для лучшего понимания смысла этих текстов, а также для пополнения базы данных средневековых переводческих школ и техник представляется необходимым привлечь данные раннеславянских переводов обеих версий. Текст преславского перевода цитируется по рукописи № 198 собрания Н. П. Румянцева Российской государственной библиотеки, Москва (далее – Рум. 198), текст тырновского перевода – по рукописи № 48 собрания А. Ф. Гильфердинга Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (далее – Гильф. 48), текст сербского перевода – по рукописи № 463 собрания Иосифо-Волоколамского монастыря Российской государственной библиотеки, Москва (далее – Волок. 463), текст афонского перевода – по рукописи № 145 (по каталогу Петрова) собрания Церковно-археологического музея Киевской духовной академии Института рукописей им. В. И. Вернадского Национальной библиотеки Украины, Киев (далее – КДА / П 145).

Тексты ранней и поздней греческих версий Жития Лествичника (и Лествицы) разительно отличаются друг от друга. Для того чтобы установить существование четырех древних славянских переводов, два из которых имели в качестве основы (Vorlage) раннюю греческую версию, а два – позднюю греческую версию, достаточно поверхностного взгляда на тексты рукописей, ср., напр.:

Ὁ δὲ ἀνιᾶν ἐν τινὶ οἰκείῳ οἰκέτας Κύριος μὴ βουλόμενος, προκαταλαμβάνει συνήθως PG. Т. 88. Col. 601B – 601C а иже пещи са ни о чесомъ своимъ рабомъ. ꙗѣне (Так! – Т. П.; вместо ꙗѣ не?) вела варъеть по обычаю Рум. 198, л. 3г, не хотѣи же ни въ чьсомъже wskръвити своѣ равы ꙗѣ, прѣдварѣеть || обычно КДА / П 145, л. 8 об.–9 и ὁ δὲ φιλόθρωπος Θεὸς μὴ βουλόμενος ἐν τινὶ τοῦς ἑαυτοῦ γνησίους δούλους ἀνιᾶν, κινδυνεύειν ἤδη Μωϋσεώς μέλλοντος, προκαταλαμβάνει συνήθως καὶ ὅπως, αὐτίκα ἐρῶ (Ἰγνατίου. Σ. 21b) члѣколювецъ же бѣ не хотѣѣ ни ѡ чьсомъ же уставѣти ближнѣихъ своихъ рабовъ, прѣдварѣеть въычно и како, въскорѣ повѣмъ Гильф. 48, л. 4 об., члѣколюбывы же бѣ не хотѣ въ чьсомъ своѣ искръниее ѡпечатити равы. бѣдѣствовати оуже мѡуѣсеѡвы хотѣѡу. прѣдварѣеть по въычаю и како авнѣ рекѡу Волок. 463, л. 4.

Наблюдения над текстами двух византийских версий приводят к выводу о том, что книжник, редактировавший текст Жития, ставил перед собой задачи сделать текст более понятным и более выразительным. При этом главная цель, которую преследовал редактор, заключалась в усилении сакральной составляющей содержания текста. Этой цели посвящены все средства из редакторского арсенала. Так, например, в поздней версии подчеркивается скорость священнодействия молитвы. Согласно ранней версии, Исаакий почувствовал себя здоровым после того, как закончил молитву: Ὡς οὖν τὰ τῆς ἰκετηρίας διεπεραίνετο λοιπὸν λογία PG. T. 88. Col. 604C и также млтвѣнага съкончаваше оубо словеса Рум. 198, л. 4в, тако оубо молитвнаа скончавашахъ сѧ прочее словеса КДА / П 145, л. 9 об. Редактор поздней версии Жития оставил в этом контексте только одну, ключевую форму (τῆς ἰκετηρίας) и изменил этот фрагмент путем лексических замен, вставок и пропусков, в результате чего смысл текста стал другим. Молитва еще не закончилась, а больной уже выздоровел: καὶ μῆπω τῆς ἰκετηρίας ἀποτελεσθεΐσῃς (Ἰγνατίου. Σ. 22b) и еще молитвѣ не съкончавши сѧ Гильф. 48, л. 5 об., не оу млтвѣ съвршивши се Волок. 463, л. 5.

Разночтения между греческими версиями Жития исчисляются многими сотнями случаев. Ниже приведены примеры наиболее существенных, на наш взгляд, разночтений разных типов, иллюстрирующих развитие агиографического канона.

ПРОПУСКИ В ПОЗДНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ВЕРСИИ

В целом число пропусков (в сравнении с числом вставок и инверсий) невелико. Все пропуски представляют собой личностные, сознательные решения редактора, и их причинами может быть желание книжника сделать текст более понятным (или более выразительным) или усилить сакральную составляющую текста. Так, например, из фрагмента πάντα ἐαυτὸν πᾶσιν ἀπεδείκνυεν ἰσχύειν ἐν τῷ ἐνδυναμοῦντι πάντας Χριστῷ PG. T. 88. Col. 604D все самъ сѧ всѣмъ показаше || могуць възмагающимъ. всѧ хѣтъмъ Рум. 198, лл. 4в-г, вѣсѣ себе моши вѣсѣмъ показаше ѱ оукрѣплѣши^м вѣсѣ хѣ КДА / П 145, л. 9 об. устранен глагол ἀπεδείκνυεν ‘показал’. В результате этого пропуска чтение стало выглядеть следующим образом: ὁ δὲ πάντα εἰδὼς ἰσχύειν ἐν τῷ ἐνδυναμοῦντι Χριστῷ (Ἰγνατίου. Σ. 23a) а иже вѣсѣ вѣды възмагати оукрѣплѣжшомоу всѧ хѣи Гильф. 48, л. 6, вса же вѣды ѱ оукрѣплѣжшомоу хѣ възмагати

Волок. 463, л. 5. Можно предположить, что, опустив глагол в подтекст, редактор сконцентрировал внимание читателя на цитате Флп. 4:13 (πάντα ἰσχύω ἐν τῷ ἐνδυναμοῦντί με Χριστῷ).

Из текста поздней греческой версии удален семантически цельный фрагмент с топосом наказания завистников: οὗς ἔργῳ παιδεύσας PG. T. 88. Col. 604D также дѣлѣмъ наказавъ Рум. 198, л. 4в, ихже дѣло^м наказавъ КДА / П 145, л. 9 об. Возможно, причиной такого решения стало мнение редактора о том, что наказание – это дело Господа Бога, а не человека, пусть даже святого.

Свидетельство о заказчике книги, Иоанне Раифском, в ранней версии выглядит как ὁ καλὸς Ἰωάννης, ἡμῶν ὁ ὁσιος ποιμήν PG. T. 88. Col. 605B добрыи иоанъ. нашъ прпѣбныи пастоухъ Рум. 198, л. 5б, добрыи иωаннъ прпоѣбныи нашъ пастырь КДА / П 145, л. 10, в поздней версии как ὁ καλὸς ἡμῶν ποιμήν Ἰωάννης (Ἰγνατίου. Σ. 24b) добрыи иωанъ прпоѣбныи нашъ пастырь Гильф. 48, л. 7, добры пастырь нашъ тѿ Волок. 463, л. 6. Инверсия (ἡμῶν ποιμήν Ἰωάννης вместо Ἰωάννης, ἡμῶν <...> ποιμήν) и сопровождается устранением из контекста эпитета ὁσιος ‘преподобный’. На наш взгляд, это редакторское решение может быть связано с тем, что в Житии преп. Иоанна Лествичника упоминание чина святости второго преподобного (Иоанна Раифского) не вполне уместно: все внимание читателя должно быть сосредоточено только на одном преподобном, которому посвящено Житие.

ВСТАВКИ В ПОЗДНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ВЕРСИИ

С течением времени греческий текст Жития преп. Иоанна Лествичника обогатился множеством новых фрагментов, отсутствующих в византийских кодексах ранней традиции. Количество вставок и их разнородность позволяют предполагать, что поздняя греческая версия может быть результатом нескольких редактирований.

В сравнении с ранней греческой версией, в поздней греческой версии имеются 11 семантически цельных фрагментов, которые можно условно разделить на четыре группы: 1) новые топосы (6), 2) библейские аллюзии (2), 3) дополнения к повествованиям о чудесах святого (2), 4) дополнения к повествованиям о подвигах святого (1).

Особый текстологический интерес представляют введенные в позднюю греческую версию Жития топосы, среди которых:

1) топос учительства словом святого:

Τῷ λόγῳ δὲ τῆς χάριτος πλουσίως τοῦ ἀοιδίμου τούτου Πάτρος πρὸς τοὺς παρόντας κεχρημένον, καὶ τὰ διδασκαλίας νάματα ἀφθόνως καὶ δαψιλῶς προχέοντος (Ἰγνατίου. Σ. 23a) Слово блгѣтѣж прѣблаженыи сѧ

Щиць || къ пришедшиимъ богатно подаж. и повченїа истачаж токи независтнѣ и тенѣѣ Гильф. 48, л. 5 об.—6, Сл^{во} блг^{ати} прѣпоминаемому семуу щицю богатнѣ къ приходециимъ подающу. и оученнїа точеицу воды. независтно и шбылно Волок. 463, л. 5;

2) топос учительства молчанием святого (с цитатой 2 Кор. 11:12):

καὶ μὴ μόνον διὰ λόγου παιδεύειν τοὺς προσιόντας ἐπ' ὠφελείᾳ βουλόμενος, ἀλλὰ πολλῶ πρότερον || διὰ σιωπῆς καὶ τῆς ἐξ ἔργων φιλοσοφίας, ὥστε, κατὰ τὸ γεγραμμένον, ἐκκόψαι τὴν ἀφορμὴν τῶν ζητούντων ἀφορμὴν (Ἰγνατίου. Σ. 23a–b) и не тѣкмо словомъ наказовати пришедшиимъ на ползѣ хотѣ. нѣ множае прѣжде млъчанїемъ и еже ш дѣлѣ прѣмждрости. такоже по писанномѣ шсѣщи вещь ищжщїимъ вещь Гильф. 48, л. 6, и не тѣчию словомъ наказовати. приходецихъ на ползѣ хотѣ. нѣ много паче млъчаннїемъ, и еже ш дѣлѣ лубомоудрїемъ. такоже по писанномуу шсѣщи выноу. ищжщїимъ || выноу Волок. 463, л. 5–5 об.;

3) топос прошения учительного слова святого:

καὶ ὄσης ζημίας τοῖς πᾶσι γεγόνασιν αἴτιοι, ἰκέται κατέστησαν τοῦ ἀνδρός, καὶ τὸν τῆς διδασκαλίας λόγον μετὰ τῶν ἄλλων ἠτοῦντο (Ἰγνατίου. Σ. 23b) и коликы тѣщеты мносѣмъ вышж повинни, молебници выважтѣ мжжжж. и еже повченїа слово, съ прочїими прошаахж Гильф. 48, л. 6 об., и коликои тѣщеты всѣмъ выше виновны. млтвнници сътворише се мжжжж и оучительства сло^{во} прошахж съ иними Волок. 463, л. 5 об.;

4) топос уподобления учительного слова святого медоточной струе:

τὸ μελισταγῆς ρεῖθρον τοῦ διδασκαλικοῦ λόγου καταπαύσας, εἰς τὸ ἐξῆς (Ἰγνατίου. Σ. 23b) медоточных токи повченїа словѣ, прочее прѣста Гильф. 48, л. 6, медоточноюу строю оучительнаго слова оустави въ прочее Волок. 463, л. 5 об.;

5) топос невоздаяния злом за зло:

κρεῖττον ἡγουσάμενος μικρὰ ζημιῶσαι τοὺς ἐραστὰς τῶν καλῶν, οὐς τάχα καὶ διὰ τῆς σιωπῆς ἐμελλεν ὠφελεῖν, ἢ τοὺς ἀγνώμονας ἐκείνους κριτὰς πλέον ἐξερεθίσαι καὶ πρὸς τὴν κακίαν ἐκμῆναι (Ἰγνατίου. Σ. 23b) боле рече въ малѣ оупразнити рачителѣ добрымъ еже паче млъчаннїемъ хотѣше ползевати. или неразумнымъ сжди ины множае wzловити. и къ вражнїи възострити Гильф. 48, л. 6, лжчше помысливъ малы шщитити. рачителїе добрымъ. ижже негли и млъчаннїемъ хотѣшѣ ползевати, нежели злодмныи уни оудии, множае повстрити и на злобоу възвѣсити Волок. 463, л. 5 об.;

6) топос превосходства святого в добродетелях:

Οὕτως οὖν ἐν πᾶσι τοῖς καλοῖς ὑπερέχοντα πάντων (Ἰγνατίου. Σ. 24a) Тако шво въ вѣсемъ оуправленїемъ прѣммацаго вѣсѣхъ Гильф. 48, л. 6 об., Волок. 463, л. 5 об. тако шво въ вѣсѣхъ добрыхъ прѣвѣсходѣща вѣсѣхъ Волок. 463, л. 5 об.

Примечательно, что из шести новых топосов четыре связаны со словом (λόγος). Как произ-

несенное, так и не произнесенное слово святого имеет божественную природу и сакральный смысл.

В тексте поздней греческой версии Жития святого появляются две библейские аллюзии, отсутствующие в ранней греческой версии:

1) образ Небесного Иерусалима (ἐπουράνιος Ἰερουσαλήμ Откр.):

τὴν δὲ νυν αὐτὸν φέρουσαν, καὶ ἀμβροσίᾳ τρυφῆ ἐστιῶσαν ὁ μέγας Ἀπόστολος Παῦλος ἐγνώρισε πρὸ ἡμῶν τέλει γὰρ πάντως καὶ αὐτὸς εἰς ἐκείνην, τὴν ἐπουράνιον Ἰερουσαλήμ, ἐν ἣ ἐκκλησία τῶν πρωτοτόκων ἐστίν (Ἰγνατίου. Σ. 17a) съвршаееть во всако и тѣ. въ оного нѣнаго ієрѣма еже шрквѣ прѣвѣнцѣмъ іє^с Гильф. 48, л. 1, прѣвѣваеет во всако и тѣ. въ ономъ нѣсномъ ієрѣмѣ. въ немъже шрквѣ прѣвѣнцѣ іє^с Волок. 463, л. 1 об.;

2) аллюзия на Мф. 11:29 (πραῦς εἰμι καὶ ταπεινὸς τῇ καρδίᾳ): καὶ τὴν ταπεινώσιν κατ' ἐκείνης ὑψώσας (Ἰγνατίου. Σ. 20a) и смѣренїе надѣ неж възнесѣ Гильф. 48, л. 3 об., и смѣрениїе на оноу възвысивъ Волок. 463, л. 3.

В поздней греческой версии Жития преп. Иоанна имеются следующие дополнения к повествованиям о чудесах святого:

1) в рассказе о чуде спасения ученика силой молитвы святого ответ Моисея Иоанну является более распространенным, заканчиваясь словами:

καὶ εὐθὺς εἶδον τὸν λίθον ἐκείνον κατασπασθέντα καὶ προσερεισθέντα τῇ γῆ (Ἰγνατίου. Σ. 22a) и авїе видѣхъ камыка оноу искржтивша сѣ и падша сѣ на земли Гильф. 48, л. 5, и авїе видѣхъ камене оноу шсѣдша се и пригнетша се земли Волок. 463, л. 4 об.;

2) рассказ о чуде исцеления больного Исаакія силой совместной молитвы дополнен словами о благодати и щедрости Бога, который слышит просьбы страждущих:

καὶ πάντως ὁ ἀγαθὸς καὶ οἰκτίρμων Θεὸς τὴν ἰκεσίαν ἡμῶν οὐ παρόψεται (Ἰγνατίου. Σ. 22b) и вѣсѣко блггы и щедрый бѣ моленїа нашего не прѣзритѣ Гильф. 48, л. 5 об., и всако блгы и щедрый бѣ млїеннїе наше не прѣзритѣ Волок. 463, л. 5.

Наконец, из вставок семантически цельных фрагментов поздняя греческая версия Жития преп. Иоанна сохранила одно дополнение к повествованию о подвигах святого. Страсть тщеславия преп. Иоанн побеждал малоядением:

τὸ δὲ πάντων ἀπὸ μέρους μεταλαμβάνειν, τὴν τυραννίδα τῆς κενοδοξίας κατεδουλοῦτο (Ἰγνατίου. Σ. 19b) а еже вѣсе ш части вѣкоушаж, мжченїа сїлы поравоцаашѣ Гильф. 48, л. 3, а еже ш вѣсѣхъ по малоу причещати се, томительство насїанїа поравоцаашѣ Волок. 463, л. 2 об., ср.: тѣмъ^{же} еже ш вѣсѣхъ ш части прїимати, мжчителство славолюбїѣа поравоцаашѣ Ням. 285, л. 1 об.

Обратимся к вставкам – словосочетаниям и отдельным лексемам.

В поздней греческой версии имеется характеристика преп. Иоанна Лествичника: ὁ τοῦ Θεοῦ ἄνθρωπος (Ἰγνατίου. Σ. 22b) **Бии Члкъ** Гильф. 48, л. 5, **Бжи Члвкъ** Волок. 463, л. 4 об. Лексема Θεοῦ функционирует во вставках дважды; кроме приведенного случая вставки в составе словосочетания, в примере ἐλέφ Θεοῦ **милостию Бжиж** Гильф. 48, л. 3, **мл̣тию Бжию** Волок. 463, л. 3 названная лексема представляет собой вставку одного слова.

В рассказе об исцелении Исаакия преп. Иоанном Лествичником имеется вставка, поясняющая, что после совместной молитвы со святым Исаакий почувствовал себя не только избавившимся от недуга, но и освободившимся от прочих беспокоивших его забот: καὶ ἀνενόητων τοῦ λοιποῦ (Ἰγνατίου. Σ. 23a) и **прочее невѣдна** Гильф. 48, л. 5 об., и **нестоужаема прочею** Волок. 463, л. 5.

Вставка καὶ ταπεινώσιν в рассказ об Исаакии характеризует больного как обладателя высшей христианской добродетели – смирения: τὴν οὖν πίστιν αὐτοῦ καὶ ταπεινώσιν ἀγάμενος **вѣрѣ оубо его и смѣренію почюдив сѧ** Гильф. 48, л. 5 об., **вѣрѣ же его и смѣре||нию почюдив се** Волок. 463, л. 4 об.–5.

В вышеупомянутое повествование о завистниках (νυττόμενοι φθόνῳ PG. T. 88. Col. 604D **завистию. пострѣкаемы** Рум. 198, л. 4в, **завистию пострѣкаемы** КДА / П 145, л. 9 об.) добавлен фрагмент, смягчающий характеристику этих завистников и объясняющий причину их поведения (они желали только получить «пользу»):

τῶ φθόνῳ νυττόμενοι καὶ τὴν τῶσαυτην ὠφέλειαν ἐπισηεῖν μηχανώμενοι (Ἰγνατίου. Σ. 23a) **завистіж пострѣкаемы и толікж ползж оудрѣжати хотащѣ** Гильф. 48, л. 6, **завистию пострѣкаемы и толікю ползю одрѣжати къзньствѣюще** Волок. 463, л. 5.

Стремление редактора поздней греческой версии Жития преп. Иоанна Лествичника усилить сакральность содержания текста проявляется и в лексическом варьировании.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАМЕНЫ В ПОЗДНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ВЕРСИИ

В начале Жития агиограф характеризует преп. Иоанна Лествичника эпитетом γεννάδαν (PG. T. 88. Col. 596A): **крѣпѣкаго** Рум. 198, л. 1а, **доблааго** КДА / П 145, л. 6. Желая усилить сакральность содержания фрагмента, греческий редактор меняет на γεννάδαν на θεῖον (Ἰγνατίου. Σ. 17a): **жѣтвнаго** Гильф. 48, л. 1; Волок. 463, л. 1 об.

Подобным примером является варьирование αὐτόν (PG. T. 88. Col. 601B) – μακάριον (Ἰγνατίου.

Σ. 21a) **того** Рум. 198, л. 3в, **бл̣женаго** Гильф. 48, л. 4 об., **бл̣женнаго** Волок. 463, л. 4, **его** КДА / П 145, л. 8 об. Редактор устранил указательное местоимение αὐτόν, употребленное по отношению к преп. Иоанну, путем замены этой лексемы эпитетом μακάριον, тем самым усилив семантику святости в контексте.

Топос преобразования порицателей в просителей в ранней версии выглядит как ὅσπερ τοῖς σκόπτας ἰκέτας καταστήσαι <...> PG. T. 88. Col. 605A **также зазорники мл̣твнники творити** <...> Рум. 198, л. 4г, **так оукорителя своѧ мл̣бнники оустроити** <...> КДА / П 145, л. 9 об. Книжник, редактировавший этот текст, полностью поменял его структуру, и в результате изменений фрагмент стал выглядеть как ὅθεν κάκεῖνοι τὸ τοῦ ἀνδρὸς αἰδεσθέντες <...> (Ἰγνατίου. Σ. 23b) **тѣмже и уни мжжю посрамивше сѧ** <...> Гильф. 48, л. 6, **Тѣмже и уни моужа оустыдѣвшѣ се** <...> Волок. 463, л. 5 об. Порицателям святого мужа стало стыдно за свои действия. Если в вышеприведенном примере варьируется местоимение и имя (αὐτόν – μακάριον), то в данном случае, наоборот, редактор устраняет имя σκόπτας, заменяя его местоимением κάκεῖνοι. Можно предположить, что появление лексических вариантов σκόπτας – κάκεῖνοι связано с соблюдением редактором христианской заповеди «Не осуждай». Устранение из контекста эмоционально окрашенной лексемы (σκόπτας) нивелировало негативную оценку порицателей святого.

Аллюзию на Пс. 144:19 (θέλημα τῶν φοβουμένων αὐτὸν ποιήσει καὶ τῆς δεήσεως αὐτῶν ἐλακούσεται καὶ σώσει αὐτούς) агиограф, автор ранней версии Жития, вводит в текст следующей фразой: Θεὸς <...> ἵνα μὴ τὸν Δαυὶδ ψευδόμενον δείξῃ PG. T. 88. Col. 604C **бѣ** <...> **да не дѣда лѣжуща покажетъ** Рум. 198, л. 4в, **бѣ** <...> **да не дѣда лѣжщца покажетъ** КДА / П 145, л. 9 об. Употребление лексемы с возможными негативными коннотациями (ψευδόμενον) по отношению к Псалмопевцу редактор Жития счел неуместным. Греческий книжник изменил приведенный фрагмент, добавив в него указание на чин святости (προφήτων), выражение, подчеркивающее правоту Давида во всем, в том числе и в данном случае (καὶ τοῦτω), и заменив сочетание μὴ ψευδόμενον на глагол ἀληθεύοντα. В результате проведенной редакторской работы чтение стало выглядеть следующим образом: Θεὸς <...> ἵνα τὸν προφήτην Δαυὶδ ἀληθεύοντα δείξῃ καὶ τοῦτω (Ἰγνατίου. Σ. 22b) **бѣ** <...> **да пр̣рка дѣда истинствѣущца покажетъ ѱ семѣ** Гильф. 48, л. 5 об., **бѣ** <...> **да пр̣рка дѣда истинствѣущца покажетъ и въ семѣ** Волок. 463, л. 5.

Судя по тексту ранней версии, обет молчания, данный преп. Иоанном Лествичником, исполнялся им один год: ἐνιαυστίασαν περίοδον PG. T. 88. Col. 604D – 605A **лѣтъныи** (Так! – Т. II; вместо **лѣтъныи**?) **обѣходѣ** Рум. 198, л. 4г, **лѣтное въхожденіе** КДА / П 145, л. 9 об. Книжник, редактировавший Житие Лествичника, устранил из текста памятника указание на этот конкретный срок, заменив сочетание ἐνιαυστίασαν περίοδον на сочетание со значением неопределенности: ἐπὶ χρόνον τινα (Ἰγνατίου. Σ. 23b) **врѣмѣ нѣколько** Гильф. 48, л. 6, **врѣмѣ нѣкоје** Волок. 463, л. 5 об. Подобное решение можно объяснить стремлением греческого редактора к «агиографическому идеалу»: временное, частное, конкретное при создании образа святого не важно; необходимо представить читателю обобщенный, абстрактный, идеальный образ – воплощение добра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стремление греческого книжника показать идеальный образ святого лежит в основе всех его редакторских решений, проявляясь и на уровне структуры текста (в пропусках, вставках, инверсиях), и на уровне языка (в подборе лексических вариантов).

Как показано выше, увеличение «сакрального компонента» в Житии преп. Иоанна Лествичника прослеживается не только во фрагментах, связанных с описанием подвигов и чудес святого, но и в случаях с пророком Давидом, с монахом Исаакием и даже с завистниками. Редактор устраняет из текста лексемы с возможными негативными коннотациями, вводит в текст положительную характеристику Исаакия, подчеркивает благие намерения отрицательных персонажей (завистников), насыщает текст библейскими аллюзиями (Мф. 11:29; Откр.), актуализирует цитаты из Священного Писания (Флп. 4:13), устраняет все лишнее, отвлекающее внимание читателя от главного образа (например, указание на то, что Иоанн Раифский тоже был преподобным), добавляет фрагменты, показывающие человеколюбие и щедрость Господа,

силу молитвы, то есть делает все для создания идеального образа подвижника – ходатая за всех читателей его Жития перед Спасителем.

Следствием большой редакторской работы стала новая (поздняя) версия Жития преп. Иоанна Лествичника. В этой версии очевидно проявляется развитие агиографического жанра в византийской литературе.

К сожалению, поздняя греческая версия текста Жития преп. Иоанна Лествичника не стала основой (Vorlage) самого известного в славянской среде (афонского) перевода Лествицы, а значит, не вошла в печатное издание 1647 года, вышедшее тиражом в 2000 книг. Оптинские старцы, выполняя перевод Лествицы на русский язык (первое издание – 1862 год), также не использовали позднюю версию в качестве источника для своей работы. Причина этого, очевидно, заключается в том, что ранняя греческая версия была издана уже в 1633 году и переиздана Ж.-П. Минем в 1860 году, а поздняя версия существовала только в рукописях почти до конца XIX века: первое ее издание увидело свет в 1883 году.

Более «сакральная», более близкая к агиографическому канону поздняя греческая версия текста Жития преп. Иоанна Лествичника осталась почти неизвестной славянскому читателю, сохранившись лишь в нескольких десятках рукописей тырновского и сербского переводов; эти переводы были полностью вытеснены из славянской книжности афонским переводом уже к XVI веку.

Для русского читателя эта версия вообще осталась terra incognita. Таким образом, перспективной задачей для лингвистов является перевод поздней версии на русский язык. Этому переводу должны предшествовать тщательное изучение греческой рукописной традиции и лингвотекстологический анализ византийских кодексов. Весьма плодотворным окажется объединение усилий византинистов и русистов, в результате чего станет возможным научное издание поздней версии Жития преп. Иоанна Лествичника как важного источника для исследования агиографического канона.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Житие преп. Иоанна Лествичника / Набор текста: Т. Г. Попова // Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского [Электронный ресурс]. Режим доступа: art-of-scala/zhitie (дата обращения 27.06.23).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова Т. Г. К вопросу о греческом оригинале первого славянского перевода «Лествицы» Иоанна Синайского // Византийский временник. 2020. Т. 104. С. 175–195.
2. Попова Т. Г. Лествица Иоанна Синайского в славянской книжности. Саарбрюкен: LAMBERT Academic Publishing, 2011. 457 с.
3. Попова Т. Г. Первый славянский перевод Лествицы Иоанна Синайского. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 320 с.
4. Тихомиров Н. Б. Лествица Иоанна Синайского // Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. Вып. 1. М.: Индрик, 2002. С. 534–537.

5. Богдановић Д. Јован Лествичник у византијској и старој српској књижевности. Београд: Византолошки институт, 1968. 214 с.
6. Мострова Т. Преписът на Лествицата на Йоан Климакс в мартенския том на Великите чети-минеи на митрополит Макарий // *Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen. Band 1. Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. Tom XLIV. Freiburg: Weiher-Verlag, 2000. S. 209–243.*
7. Heppel M. Some Slavonic manuscripts of the «Scala Paradisi» («Lestvica») // *Byzantinoslavica. T. XVIII. Prague, 1957. P. 233–270.*
8. Pierre M.-J., Conticello C. G., Chryssavgis J. Jean Climaque // *La Théologie Byzantine et sa tradition / Ed. C. G. Conticello. T. I/1 (VIe–VIIe s.). Turnhout: Brepols Publishers, 2015. P. 195–325.*

Поступила в редакцию 26.06.2023; принята к публикации 04.09.2023

Original article

Tatiana G. Popova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8431-2962; lestvic@mail.ru

BYZANTINE VERSIONS OF THE LIFE OF ST. JOHN CLIMACUS: THE ISSUE OF THE HAGIOGRAPHIC CANON EVOLUTION

Abstract. The article provides a comparative analysis of two fundamentally different Byzantine versions of the Life of St. John Climacus conventionally referred to as the “early version” and the “late version”. The material for the analysis included the texts published by Jacques Paul Migne in the *Patrologia Graeca* (the early version) and by Archimandrite Ignatius (the late version). Both versions became originals for early Slavonic translations. The early version formed the basis of the Preslav and Athos translations and, thanks to the extreme popularity of the Athos translation, became well known to the Slavonic reader. The early version became widely known to the Russian reader, as it was used by the Optina monks in their Russian translation of the Life of St. John Climacus. The late version formed the basis of the Tarnovo and Serbian translations and received limited distribution in the Bulgarian and Serbian lands in the XIV–XVI centuries. The comparative analysis of the Byzantine versions of the Life led to the conclusion that the main goal pursued by the editor was to strengthen the sacred component of the content of the text. All means from the editor’s arsenal were used to reach this goal, with inserts and lexical variations playing a special role. At the heart of all the editor’s decisions is the desire to show the ideal image of the Saint. The editor eliminates lexemes with possible negative connotations from the text, saturates the text with biblical allusions, updates quotations from the Holy Scriptures, adds fragments showing the philanthropy and generosity of the Lord, the power of prayer, etc. The late version clearly shows the evolution of the hagiographic genre in Byzantine literature. Since the late version remained unknown to the Russian reader, a promising task for philologists is to translate this version into Russian and prepare the academic edition of the Life of St. John Climacus as an important source for the study of the hagiographic canon.

Keywords: St. John Climacus, lives of saints, hagiographic canon, Byzantine literature, early Slavonic translations from Greek

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00005 “Iconography and Hagiography of the Ladder of St. John Climacus”).

For citation: Popova, T. G. Byzantine versions of the Life of St. John Climacus: the issue of the hagiographic canon evolution. *Proceedings of Petrozavodsk State University. 2023;45(7):13–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.952*

REFERENCES

1. Popova, T. G. The issue of the Greek original of the first Slavonic translation of the “Ladder”. *Vizantijskij Vremennik. 2020;104:175–195.* (In Russ.)
2. Popova, T. G. The “Ladder” of St. John Climacus in Slavonic book writing. Saarbrücken, 2011. 457 p. (In Russ.)
3. Popova, T. G. The first Slavonic translation of the “Ladder” of St. John Climacus. Moscow; St. Petersburg, 2020. 320 p. (In Russ.)
4. Tikhomirov, N. B. The “Ladder” of St. John Climacus. *General catalogue of Slavonic-Russian manuscripts stored in Russia, CIS and Baltic countries*, Moscow, 2002. Issue 1. P. 534–537. (In Russ.)
5. Bogdanovich, D. St. John Climacus in Byzantine and Old Serbian book writing. Beograd, 1968. 214 p.
6. Mostrova, T. Text of the “Ladder” of St. John Climacus in the March volume of the Great Reading Menaion of the Metropolitan Macarius. *Abhandlungen zu den Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen. Tom XLIV. Freiburg, 2000. S. 209–243.*
7. Heppel, M. Some Slavonic manuscripts of the “Scala Paradisi” (“Lestvica”). *Byzantinoslavica. T. XVIII. Prague, 1957. P. 233–270.*
8. Pierre, M.-J., Conticello, C. G., Chryssavgis, J. Jean Climaque. *La Théologie Byzantine et sa tradition.* (C. G. Conticello, Ed). T. I/1 (VIe–VIIe s.). Turnhout, 2015. P. 195–325.

Received: 26 June 2023; accepted: 4 September 2023

МАРГАРИТА ИВАНОВНА ЧЕРНЫШЕВА

доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-3066-6984; chernysheva@bk.ru

ИЕРОНИМИЧЕСКОЕ ЯДРО В СИСТЕМЕ ВИЗАНТИЙСКО-СЛАВЯНСКИХ ИМЕНОВАНИЙ

А н н о т а ц и я . Проведенное исследование является продолжением работы по воссозданию системы византийско-славянской иеронимии (Onomata Sacra), славянская часть которой до сих пор не имела полного описания. Были собраны славянские именованья Богородицы и, отчасти, Христа (то есть высших представителей иеронимической системы), которые сохранились в древнерусской письменности, и установлены основные понятия, формирующие эту систему: главные имена, восходящие к Священному Писанию самоименования, ключевые и образно-символические именованья, иеронимические эпитеты, парные и общие именованья. Как показало исследование, этот пласт является источником образных именованья евангелистов, святых, преподобных и мучеников (как приемников Божественной благодати), иногда представителей священной иерархии и правителей, а также сакральных объектов, например Креста. В качестве подтверждения был предпринят анализ именованья Христианского Креста в славянских переводах с греческого языка. Сравнение некоторых из ключевых именованья Креста: *врачь ιατρός, възбраньникъ прѣмачос, възкръсение ἀνάστασις, гръзнь βότρυς, крѣпость στήριγμα, лѣствица κλίμαξ, побѣда νίκος, розъ κέρας, садъ φυτόν, съпасение διάσωμα, украшение ἐγκαλλώπισμα, църкы ναός* и др. – показало их совпадение с именованьями других членов системы византийско-славянской иеронимии (Христа, Богородицы, святых и др.). Это дает основания говорить о существовании иеронимического ядра в системе византийско-славянской иеронимии, состав которого, в силу изначальной авторитетности, позволял в дальнейшем быть использованным уже в собственно оригинальной, непереводаемой, славяно-русской литературе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : иеронимия (Onomata Sacra), славянские переводы с греческого языка, византийская литература, иеронимическое ядро

Д л я ц и т и р о в а н и я : Чернышева М. И. Иеронимическое ядро в системе византийско-славянских именованья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 20–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.953

ВВЕДЕНИЕ

Изучение византийской гимнографии позволило митрополиту Софронию Евстратиадису (1872–1947) собрать и издать свою знаменитую работу «Н Θεοτόκος ἐν τῇ ὑμνογραφίᾳ» – «Богородица в гимнографии»¹. В этой словарной коллекции именованья Богоматери было представлено 1152 символических и образных имени, каждое из которых подтверждалось краткими лексическими сочетаниями. Сразу после издания этого произведения в 1930 году он начал публиковать другую, оставшуюся незавершенной, словарную коллекцию «Ὁ Χριστός ἐν τῇ ὑμνογραφίᾳ» – «Христос в гимнографии»². В этом труде описано 360 именованья (последнее слово – ἐλθόν).

Оставив в стороне историю возникновения и развития именованья Христа и Богородицы

в православной и, шире, христианской культуре (см., к примеру, [19], [20], [21] и мн. др.), по причине неисчерпаемости этой темы и соответствующей библиографии, мы обратились к практически не разработанной теме соответствующих именованья в славяно-русской традиции. До последнего времени не существовало подобного рода лексического свода, который бы в более или менее полной форме отражал сформировавшуюся на базе византийских сочинений славяно-русскую рецепцию корпуса священных именованья (или иеронимов – Onomata Sacra), в которую входят, помимо именованья Христа и Богородицы, именованья апостолов, святых, мучеников и других представителей священной сферы, а также такого сакрального объекта, как Христианский Крест, что в целом формирует корпус

иеронимов – *Onomata Sacra*. Целью наших исследований было также выявление системной организации славяно-русской иеронимии и ее понятийное оформление. Представленная статья отражает нынешний этап осмысления основных понятий византийско-славянской иеронимии (предварительный опыт этого ракурса см.: [11], [12]) и строится на материале произведений, сохранившихся в древнерусской письменности.

* * *

Одной из первых работ на интересующую тему стало исследование Т. С. Борисовой «Символы Богоматери в церковнославянском языке» [1], где на материале церковнославянских гимнографических и гомилетических рукописей XV–XX веков автор проанализировала 195 символических именовании.

Для воссоздания славянской рецепции символических и образных именовании Богородицы, тесно связанной с исходной греческо-византийской частью, нами была собрана лексическая коллекция, содержащая около 500 единиц [11]³. В ходе осуществления этой работы были замечены показатели, позволяющие говорить о существовании византийско-славянской иеронимической системы.

Система «иеронимов», первоначально связываемая с именовании Богородицы и Сына Христа, прообразовательно возводимыми к Священному Писанию, и богословски обоснованная в трудах Отцов Церкви и – специально – в трактате Дионисия Ареопагита «О божественных именах»⁴, помимо специфики возникновения имеет свои особенности функционирования.

Главные имена Бога. Сейчас мы не касаемся ветхозаветных имен Бога, упомянем только, что Бл. Иероним назвал десять еврейских имен Бога из Ветхого Завета: Sabaoth, Eloi, Sadech, Adonaios, El, Elion, Coneacol, Aia, Bagucabba, Bguc⁵. В так называемом Берлинском сборнике, среднеболгарской рукописи начала XIV века, они несколько отличаются: **гъ, елее, елон, савашѣѣ, филон, асафан, аданан, ган, тромини, еванен** [14: 217]. В этой рукописи указано также, что существуют еще такие имена, которые «нельзя произносить под страхом смерти» (**нуже не под<о>баеть рещи. развѣ страха и смърти**) [14: 217].

Главные имена Бога и Богородицы уникальны, они относятся исключительно к ним и не могут быть использованы по отношению к другим членам системы иеронимии. По отношению к Богу Сыну это именовании: Иисус Христос, Еммануил, Бог, Мессия; по отношению к Богородице – Мария, Богородица, Богоматерь.

К главным именам примыкают **ключевые именовании** представителей высшего уровня этой системы, то есть Христа и Богородицы. Приведем примеры ключевых именовании, отличающихся только родом, – одновременно они являются **общими именовании** и в то же время **парными**: **господь** κύριος – **госпожа** κυρία, δέσποινα; **владыка** δεσπότης – **владычица** δέσποινα и др.

Заметим, что у некоторых святых и преподобных тоже есть закрепленные (ключевые) именовании, которые относятся только к ним (например, Николай Угодник).

Система включает также **образные и символические именовании** Бога и Богородицы⁷, часть которых употребляется только по отношению к ним, однако другая, условно назовем ее **подвижной**, может переноситься и на других представителей иеронимической сферы. Среди них особое место занимают **самоименовании**, например самоименовании Христа: **оучитель** ὁ διδάσκαλος (Ин. XIII:14); **свѣтъ** φῶς (Ин. VIII:12).

Известный славянам перечень именовании Господа, представленный, например, в упомянутом выше Берлинском сборнике (Берлин. сб.), включал помимо ветхозаветных также образно-символические имена. Этот список представлен в нашей статье [12: 493]. Для хода рассуждения необходимо воспроизвести его повторно:

а се имена гна. об. число ихъ. а. гъ. в. алфа. г. вождь. слов. гора. женихъ. хсь. їссь. любвь. троца. пастирь. пандикраторъ. агъѣс. мждрос. сила. пръворождени. ввразъ. глав. пастирь. їссь. вѣчьнїи. единность. месна. изъѣс. паракитъ. начало. ввенъ. слав. свѣтъ. ерѣи. ищъ. творецъ. савашѣ. кърѣс. азъ есьмъ. еже есьмъ. источникъ. лвъ. слнце. дверь. снъ. члвчъ. еньманонль. елонль. пжть земли. цвѣтъ. камень. стѣи. дхъ. снъ. пръворождени. аданан. члвкъ. оу сионѣ. исцѣлитель. влѣскъ. шпока. вьсмъртнїи. вседръжителъ. пръвїи. послѣднїи. афанатосъ. спситель. агнецъ. истинни. оуста. хлѣвъ. аггль. млсрдъ. црѣ. вышнїи. добрїи [14: 216–217].

Три имени повторены дважды: **їссь, пастирь, снъ**. В заглавии говорится о 72 именах, но на самом деле указано меньше. Ср. современный перечень [22].

Похожий список находится в рукописи Московской Духовной академии XVI–XVII веков⁸. Здесь есть еще несколько имен, отсутствующих в Берлинском сборнике:

животъ, млтъ (ср. в Берлин. сб.: млсрдъ), **шпирь** [ὁ σπτήρ], **трапеза, домъ, риза, шснованне, чистъ, влдка, истинна** (ср. в Берлин. сб.: истинни), **начатокъ** (ср. в Берлин. сб.: начало), **застѣпникъ, вгѣоутробны, млтъвь** (ср. в Берлин. сб.: млсрдъ), **прѣвєннъ, солдатѣ, телѣцъ, правда, радость, начальникъ** (ср. в Берлин. сб.: начало), **елеиш, проркъ, шправданне,**

бѣ; у нескольких имен есть еще определения: **трьца нераздѣлима, црь над всѣми црьми**.

Из **главных имен** Бога, которые закреплены в сфере иеронимии только за Господом, в этих рукописях приведены следующие (в современном написании): «Я (Аз) есмь Сущий»⁹, Бог, Саваоф, Элоил, Господь, Альфа, Христос, Еммануил, Мессия, Пантократор, Творец, Спаситель («Сотир»), Превечный.

Остальные имена этих двух списков называем **образно-символическими**. Этот пласт весьма обширный, он обусловлен феноменом **многومنности Бога**. Об этом феномене (парадоксальным образом сочетающемся с анонимностью), объяснение которого кроется «во всеобщей, все превышающей» божественной причине, говорил Дионисий Ареопагит в трактате «О божественных именах» [3: 31, 37, 39]. О многоименности Бога свидетельствовал и Иоанн Дамаскин в «Богословии», и Иоанн Златоуст (подробнее [12: 494–495]). Все указанные сочинения известны в славянских переводах, самый ранний из которых – «Богословие» – принадлежит Иоанну Экзарху Болгарскому (Ио. экз. Бог.)¹⁰.

В этой группе особенно значимо имя – первоначально самоименование Господа – **фѣс** ‘свет’, восходящее к Евангелию от Иоанна (Ин. VIII:12). «Световой» лексический пласт в системе иеронимии всегда указывает на божественный уровень (см. подробнее [10]).

В систему входят также **иеронимические эпитеты**, оформляющие **образно-символические имена**¹¹.

Наш анализ 2017 года показал наличие **парных** символических и образно-символических **именований** Богородицы и Ее Сына-Христа (**символические пары**), например (на первом месте указано именование Богородицы): **виноградъ** ἄμπειλος → **гръзнь** βότρυς; **звѣзда** ἀστὴρ → **сълньце** ἥλιος; **облакъ** νεφέλη → **сълньце** ἥλιος; **гора** ὄρος → **камы** λίθος; **свѣтильникъ** λυχνία → **свѣтъ** φῶς, **трапеза** τράπεζα → **хлѣвъ** ἄρτος и др. [11: 32]. Символические пары характеризует устойчивость. Если один член пары не упомянут, то наличие другого говорит о том, что он подразумевается.

Исследователи давно отметили совпадение именовании Божественной Премудрости (Софии), Церкви и Богородицы, что привело к формированию понятия Софии-Богоматери-Церкви [5: 105] и др.

В исследовании 2017 года были выявлены **общие символические именования**, то есть такие, которые могут относиться как к Богородице, так и к Христу, например:

вездѣна ἄβυσσος; **висьрь** μαργαρίτης; **вѣньць** διάδημα, στέφανος, στεφάνωμα; **вѣстокъ** ἀνατολή; **двьрь** θύρα, πύλη; **дрѣво** δένδρον, ξύλον (о Нем: **дрѣво животъно**, **дрѣво жизни** ξύλον ζωῆς); **заря** αὐγή; **звѣзда** ἀστὴρ; **камы** λίθος; **мыро** μύρον; **надежа** ἐλπίς; **нево** (Она), **невеса** (Он) οὐρανός; **привѣжище** καταφύγιον, καταφυγή; **радость** χάρα; **свѣтъ** φῶς; **сълньце** ἥλιος; **цвѣтъ** ἄνθος, ῥόδον; **чаша** κρατήρ; **чистота** κάθαρσις [11: 32–33]¹²,

их разновидностью являются **общие парные именования**, отличающиеся только родом:

агньць ἄμνος (символ Христа) – **агница** ἄμνας (символ Богородицы); **владыка** δεσπότης – **владычица** δέσποινα; **господь** κύριος – **госпожа** κυρία, δέσποινα; **наставьникъ** ὁ ὀδηγός – **наставьница** ἡ ὀδηγός; **питатель** τροφεύς – **питательница** ἡ τροφός; **податель** ὁ χορηγός – **подательница** ἡ χορηγός [11: 32].

Следующим шагом было сравнение двух словарных коллекций Софрония Евстратиадиса, которое показало, что этот **общий**, или **единый**, **пласт** в системе именовании Христа и Богородицы весьма значителен по объему. Только на альфу в византийских гимнографических песнопениях было замечено 50 общих именовании, а в перечне на первые пять букв греческого алфавита находится примерно 100 общих именовании.

Дальнейшая работа показала, что этот пласт является источником образных именовании евангелистов, святых, преподобных и мучеников (как преемников Божественной благодати), иногда представителей священной иерархии и правителей, а также сакральных объектов (например, Креста) и – при определенных условиях – даже выдающихся людей¹³. Назовем эту группу общих именовании **иеронимическим ядром**.

В недавно законченной статье [13] были показаны примеры имен Христианского Креста, соотнесение которых с именованями других членов иеронимической системы (особенно Богородицы) позволило говорить о вхождении большинства именовании Креста в иеронимическое ядро. Анализ был осуществлен на материале нового издания [4] сочинения «**Гавление чьстьнаго крѣста**», входящего в состав древнерусского «Успенского сборника» XII века (Усп. сб.), л. 86г–90а [8]¹⁴. Далее приводится информация, представляющая собой продолжение указанного исследования [13].

В этом сочинении названы следующие **ключевые имена** Христианского Креста, не приложимые к другим членам иеронимической системы –

со словом **крѣтъ**: **животворящии крѣтъ** (память **животворящаго крѣста** τοῦ ζωοποιοῦ σταυροῦ л. 89в);

со словом **дрѣво**: **дрѣво животънок** (**дрѣвъмь бо животънымь** – παρὰ ... τῷ ξύλῳ τῆς ζωῆς – **оумьръщени быша, дрѣвъмь же осочужениа пакы ожихомъ** л. 89в).

Крест описан в спектре световой и солнечной символики, свидетельствующей о Его принадлежности божественному уровню: ... **ГВНСА...** **ПРѢВЕЛИКЪ КРЪСТЪ СВѢТЪМЪ СЪСТАВЛЕНЪ СВѢТЛѢНІ СЛНЦА** л.87б ἐκ φωτός κατεσκευμένος, καλύπτων τὴν τοῦ ἡμετέρου ἡλίου λαμπρότητα τῆ ὑπερβολῆ τοῦ φωτός. Свет и солнце – основополагающие имена в системе именовании Христа. Тема «Солнце и крест», «Христос и солнце» разбирается в третьей главе исследования Б. А. Успенского [7].

В указанном произведении представлено 42 неповторяющегося именовании Креста, где **ОРОУЖИК** названо 4 раза (3 раза в соответствии с ὄπλον, один раз παντευχία), **ОУЧИТЕЛЬ** – 2 раза, **ХРАНИТЕЛЬ** – 2 раза (с разным греч.: φυλακτήριον, φύλαξ), греч. ἀνάπαυσις переведено двумя способами: **ПОКОН, ПОКРОВЪ**:

1 **БОГАТСТВО** θησαυρός [вар.: πλοῦτος]; 2 **ВЕСЕЛИЕ** εὐφροσύνη; 3 **ВѢНЦЪ** στέφανος; 4 **ГЛУБИНА** βάθος; 5 **ДЕРЖАВА** κράτος; 6 ***ЖЪЗЛЪ**¹⁵ (жизнь?) βακτηρία; 7 **ЗНАМЕНИК** σημεῖον; 8 **ИСПРАВЛЕНИЕ** ἀνόρθωσις; 9 **ИЦѢЛЕННИК** ἴασις; 10 **КРАСИТЕЛЬ** εὐκοσμία; 11 **МИРЪ** εἰρήνη; 12 **НАСТАВНИКЪ** ὁδηγός; 13 **НЕБЛАЖНЕНИЕ** ἀσφάλεια; 14 **ОРОУЖИЕ** ὄπλον (+**ОРОУЖИК** **КРЪСТА** ὄπλον τοῦ σταυροῦ), παντευχία; 15 **ОСОУЖЕНИЕ** κατάκριμα; 16 **ПОГОУБЛЕННИЕ** πανολεθρία; 17 **ПОКАНИК** μετάνοια; 18 **ПОКОН** ἀνάπαυσις; 19 **ПОКРОВЪ** ἀνάπαυσις; 20 <по>**МОЩЬ** βοήθεια; 21 **ПОХВАЛА** καύχημα; 22 **ПРОПОВѢДНИК** τὸ κήρυγμα; 23 **ПРОХЛАДЪ** ἀναψυχή; 24 **ПѢТЬ** ὁδός; 25 **РАДОВАНИК** ἀγαλλίαμα; 26 **РАДОСТЬ** χαρά; 27 **РАЗОРНИТЕЛЬ** κατάλυσις; 28 **СВѢТИЛО** ὁ φωστήρ; 29 **СИЛА** δυναστεία; 30 **СЛАВА** δόξα; 31 **СТѢНА** τεῖχος; 32 **СЪВЪРЪЖЕНИЕ** κατάπτωμα; 33 **СЪДРАВИК** ὑγίεια; 34 **СѢТОВАНИЕ** πένθος; 35 **ТИШИНА** γαλήνη; 36 **ОУПОВАНИК** ἐλπίς; 37 **ОУТВЪРЪЖЕНИЕ** *στήριγμα; 38 **ОУТИШНИК** λιμὴν; 39 **ОУЧЕНИК** εὐταξία; 40 **ОУЧИТЕЛЬ** διδάσκαλος (2 раза); 41 **ХВАЛА** καύχημα; 42 **ХРАНИТЕЛЬ** φυλακτήριον; **ХРАНИТЕЛЬ** φύλαξ.

Сравнение именовании Креста в этом сочинении с именовании другими членами иеронимической системы показало преобладание общих именовании, большая часть которых совпадает с образно-символическими именами Богородицы.

Перейдем от прозаического сочинения, разобранного в предыдущей работе [13], к гимнографической поэзии. Для сравнения выбрана древнейшая служба **ВЪЗДВІЖЕНИЕ ЧЪСТНАГО КРЪСТА**, праздновавшаяся 14 сентября (Мин. сент., 0118–0126¹⁶).

Ключевые имена

со словом **КРЪСТЪ**: **КРЪСТЕ** **ПРЕСЛАВНЕ** **СТАΥΡΕ** **ПАНΣΕΒΑΣΜΕ** Мин. сент., 0119 и с другим греч.: **ПРЕСЛАВНЫИ** **КРЪСТЪ** ὁ ὑπέρνδοξος **СТАΥΡΟΣ** Мин. сент., 0124, **КРЪСТЪ** **ПРЪСТЫ** ὁ **СТАΥΡΟΣ** ὁ **ΠΑΝΑΓΙΟΣ** Мин. сент., 0120;

со словом **ДРѢВО**: **ДРѢВО** **КРЪСТА** Мин. сент., 0122, **ДРѢВО** **ЧИСТОЕ** ξύλον ἄχραντον, **ПРѢПѢТОК** **ДРѢВО** τὸ αἰοίδιον ξύλον Мин. сент., 0123; **ДРѢВО** **СПСЕНИЯ** ξύλον σωτηρίας Мин. сент., 0118; с **САКРАЛЬНЫМ** **ЧИСЛОМ** «три» в составе

определения **ТРЪБЛАЖЕНОК ДРѢВО** – *О Кресте Господнем, состоявшем, согласно преданию* (ср. Ис. LX:13), *из трех пород дерева: кипариса, пегга (сосны) и кедра*¹⁷. **О** **ТРЪБЛАЖЕНОК** **ДРѢВО** . **НА** **НЕМЪЖЕ** **РАСПАТЪ** **СА** **ХСЪ** τριμακάριστον ξύλον! Мин. сент., 0123.

Дерево – **ДРѢВО** (о Кресте) прообразовательно связано с ветхозаветным сюжетом превращения горькой воды в сладкую благодаря дереву, брошенному Моисеем (Исх. XV:25): **ГОРЬКОЧАДНЫИ** **ПРИЛОЖИ** [вариант XII века: **ПРЕЛОЖИ**] **ДРЕВЪМЪ** (ξύλω) **МОУСИ** **ВОДЫ** **ВЪ** **ПОУСЪТЪНИ** **ДРЕВЛЕ** . **КРЪСТЪМЪ** (τῷ Σταυρῷ) **НА** **БЛГОЧЪСТЪЕ** **ГЪЗЫКОМЪ** **ПРОПЪВЪЛЪ** **ПРЕЛОЖЕНИЕ**. Мин. сент., 0123.

Заметим, что другой прообразовательный сюжет связан с победой над Амаликом, одержанной благодаря поднятым вверх ладоням Моисея (Исх. XVII:11): **ОБРАЗЪ** **ДРѢВЛЕ** **МОУСИ** **ПРЪСТЫ** **ПА** **СТРАСТИ** **НА** **СЕБЕ** **ПРООБРАЗОВА**... **КРЪСТЪ** (же) **ВЪО** **ВРАЖЪ** **СА** (Σταυρῷ σχηματισθεῖς) . **И** **ПРОСТЪРЪТЪ** **МА** **ПОВѢД(ОУ)** **ДЛАНЬ** **МА** (παλάμαις) **ВЪЗДВИЖЕ**... Мин. сент., 0122. **ДЛАНЬ** указывает на пробитые гвоздями ладони распятого на Кресте Христа¹⁸.

В этой службе, помимо указанных ключевых имен, отмечено 20 неповторяющихся именовании Креста, среди которых **ПОХВАЛА** **КАУЧЪМА** употреблено 3 раза, **ОРОУЖИЕ** – 2 раза с разным греч., **ОУТВЪРЪЖЕНИЕ** – 2 раза с разным греч.:

1 **ВРАЧЪ** ἰατρός; 2 **ВЪЗВРА(НЬ)НИКЪ** πρόμαχος; 3 **ВЪСКРЪСЕНИЕ** ἀνάστασις; 4 **ГРЪЗНЪ** βότρυν; 5 **ДЕРЖАВА** κράτος; 6 **ЖЪЗЛЪ** ῥάβδος; 7 **КРѢПОСТЬ** στήριγμα; 8 **ЛѢСТВИЦА** κλίμαξ; 9 **НАСТАВНИКЪ** ὁδηγός; 10 **ОРОУЖИЕ** (2 раза с разным греч.) ῥομφαία, πανολλίαν; 11 **ПОВѢДА** νίκος; 12 **ПОХВАЛА** καύχημα (3 раза); 13 **РОГЪ** κέρας; 14 **САДЪ** φυτόν; 15 **СПСЕНИЕ** διάσωσμα; 16 **ТИШИНА** λιμὴν; 17 **ОУКРАШЕНИЕ** ἐγκαλλώπισμα; 18 **ОУПЪВАННИК** ἐλπίς; 19 **ОУТВЪРЪЖЕНИЕ** (2 раза с разным греч.) ἀσφάλεια, στερέωμα; 20 **ЦЪРКЪ** *ναός.

Помимо именовании, уже отмеченных в сочинении «**ГДВЛЕНИЕ ЧЪСТНАГО КРЪСТА**» из Успенского сборника, в сентябрьской служебной минее встретились и другие.

ВРАЧЪ ἰατρός: **КРЪСТЕ** **ХВЪ** ... **НЕДОУЖНЫИМЪ** **ВРАЧОУ** Мин. сент., 0121; **ВРАЧЪ** – одно из употребительных именовании Христа; например, в составе сравнения: ... **ЛЮБО** **ОУТЪШАЕМИ**, **ЛЮБО** **ОСКРЪВЛАЕМИ**, **ПРОМЫСЛНИКЪ** **ВО** **ДШЪ** **НАШИХЪ** **ГЪ** **СКРЪВНИ** **ОУНЪШНИГЪ** **НАШЕ** **НАВОДИТЬ**, **ГЪКО** **ХЫТЪРЪ** **ВРАЧЪ** (ὡς ἀριστος ἰατρός). Панд. Ант.¹, 173. XI в. (ср. Прем. XVI:12).

ВЪЗВРА(НЬ)НИКЪ **ПРЪМАХОСЪ**: **ПРАВЪДНЫИМЪ** **ВЪЗВРА(НЬ)НИКЪ** Мин. сент., 0119; **ВЪЗВРАНЫИ** **ВОКВОДА** – важнейшее именование Богородицы в Акафисте: Конд. IV:178.

ВЪСКРЪСЕНИЕ ἀνάστασις: **МЪРТВЫИМЪ** **ВЪСКРЪСЕНИЕ** νεκρῶν ἢ ἀνάστασις Мин. сент., 0121; ср. в Акафисте Богородицы XII–XIII веков представлен другой перевод греч. ἀνάστασις – **ВЪСТАНИК** Конд. IV:180.

Гръзнь (гръзнь) βότρως: гръзнь исплънь жѣвота по-несы вышньаго ѿ земаа въ зимаа (са) крѣтъ въ здви-гаеть са днѣс Мин. сент., 0120; гръзнь – одно из распространённых символических именованний Христа: Мин. сент., 064; Мин. ноябрь, 336; Триодь постн., 271–271 об.; Мин. дек.¹, IV, 202. и др.

Крѣпость стѣри҃ма: тѣ во... мѣнкомъ крѣпость ἀθλητῶν стѣри҃ма Мин. сент., 0119 – ср. в именовани-ях Богородицы стѣри҃ма переведено как оутвѣрженник Мин. ноябрь, 414 [11: 265–266].

Лѣствица кліѣаξ: о жѣиа лѣствица, кюже въсхо-димъ на нѣса; лѣствица – многократно встречающе-ся символическое именование Богородицы, например, Мин. сент., 064 [11: 145–147]; ср. Быт. XXVIII:12.

Повѣда νίκος: на враньхъ повѣда ἐν πολέμοις νίκος Мин. сент., 0121 – ср. в Супрасльской рукописи Крест назван повѣд(ь)никъ [15: 29–30, 30]; Христос постоянно именовался повѣдитель, например, в Студий-ском уставе XII века¹⁹ и др.

Рогъ кѣрас: Сѣньни... рогъ... крѣтъ Мин. сент., 0125; рогъ – в Священном Писании распространённый символ могущества, стойкости и силы (Пс. CXXXI:17; Лук. I:69 и др.); это именование Богородицы приводит Андрей Критский [11: 223].

Садъ φυτόν: животвори садъ τὸ ζωηφόρον φυτόν. крѣтъ прѣсты; садъ – одно из символических именован-ний Богородицы: Мин. ноябрь, 420 с другим греч. [11: 233].

Спѣсеник διάσωσα: въсѣмъ прѣдны(и)мъ спѣсение Мин. сент., 0119; спѣсеник – одно из распространённых именованний Богородицы с разными греческими соот-ветствиями; как перевод διάσωσα – в Триодь постн., л. 261 об. [11: 255]; именование восходит к Пс. LXI:8; в том же псалме Христос именуется Сѣпаситель σωτήρ – Пс. LXI:7.

Оукрашеник ἐυκαλλώπισμα – в Слове на «Введение Пресвятой Богородицы во храм» константинопольский патриарх Тарасий три раза назвал Богородицу ἀγλαΐσμα и один раз катаκόσμησις – во всех случаях греч. соот-ветствует именованию оукрашеник [11: 262].

Църкы – ναός; църкы – одно из самых распростра-нённых символических именованний Богородицы [11: 273–275].

Здесь также встречается восходящее в Ветхому Завету прообразовательное указание на жезл: жьзль ῥάβδος въ образъ таниѣ приемлетъ са Мин. сент., 0122; жьзль – одно из употребительных именованний Богородицы [11: 114–116]²⁰.

Для подтверждения наблюдений о иероними-ческом ядре, существование которого, как было показано, выражается в общности именован-ний Богородицы, Христа, Креста и других членов иеронимической системы, приведем несколько примеров именованний апостолов, святых, вели-комучеников и др.

Три апостола названы *свѣтильниками*:

петръ никовъ ноанъ . три свѣтильници съвѣди-тельства бѣжиа ... Стихирирь, 179 об. Свѣтильникъ λυχνία – чрезвычайно распространённое именование Богородицы [11: 234–235].

О св. Аверкии: Врача (τὸν ἰατρόν) различно недоужныхъ, наставление (τὴν ὁδηγίαν) въсѣмъ заблужшимъ зѣлымъ съвѣстьмъ, мюроположннцоу (τὴν μωροθήκην) чьстьныхъ даровъ, приималице (τὸ δοχεῖον) вѣствьнаго дѣа, сщнооученика (τὸν ἱερομύστην) почьтѣмъ Аверкиа. Мин. окт., 158. Врачъ – известное именование Христа (см. выше). Среди именованний Бого-родицы: Ее называли наставница ὁδηγός (11: 162), при-ималице δοχεῖον ‘вместилище’ [11: 209]. Таким образом, из пяти именованний св. Аверкиа обнаружилось, что одно совпадает с именованнием Христа, два – с именовани-ем Богородицы.

О вмч. Пантелеймоне: страстьмъ гоубитель τῶν λαθῶν ὀλοθρευτής. Стихирирь, 173 об. Гоубительница (в наших материалах с другим греч.: ἀναίρεσις) – име-нование Богородицы [11: 93].

Прп. Феодор Студит именовался: начальникъ (ἀλείπτης) и оучитель (παιδοτρίβης) Выг. сб., 136 (л. 34 об.). Оба именованния совпадают с известными именовани-ями Христа: оучитель – Его евангельское самоимено-вание (с другим греч.): Аще оубо азъ оумыхъ ваши нозѣ, Гб̄ и оучитель (ὁ διδάσκαλος), и вы длъжнн кеце дроугъ дроугоу оумывати нозѣ. (Ин. XIII:14) Остр. ев., 158; начальникъ – о Христе: Рѣство исповѣдаю [Христово] понеже Начал<ь>никъ [о Христе] (ἀρχηγός) ес<ть> воудощемоу съставленію, дивнолѣпно значенъса и родѣвса. Козма Инд.², 190 (л. 74 об.).

Об Андронике: яко слнце (ὡς ἥλιος), прѣтече ты земау; Адрониче премѣре, трислъньцьнъ незаходашть проповѣдаа вѣрномъ свѣтъ вѣства (τρισηλίον... φῶς). Мин. Пут.³, 75 об. XI в. Выше уже было сказано, что сълньце – одно из главных символических именованний Христа: Веселить са днѣс Анна играючи дѣмъ и радоуетъ са хвалаши ... обѣтованнн плоды и влгннн истинны (прозаве) Мрню непорочнѣю . таже гѣ намъ породи. → слнце (τὸν... ἥλιον) просвѣщши въ тѣмъ сѣдѣащнмъ. Мин. сент., 074 и др.

Если обратиться к оригинальной древнерус-ской письменности, то ее иеронимия не наруша-ет выявленную традицию именованний святых и полностью вписывается в состав иеронимиче-ского ядра.

В «Похвале» Сергию Радонежскому («По-хвала стѣомоу Сергею») он назван²¹: пастырь, законоположитель новон, наслѣдникъ нѣснаго црьствѣа , истиннын исправитель пасомых ѿ него, оуправитель Ж. Серг. Р. Епиф.¹, 63.

Пастырь – одно из первых символических име-нованний Христа: Отвѣрьзоша ти са затвори стѣни, приаша тѣа, отроковиче [вариант XII века: отрокови-це] непорочнаа , голоувъ стѣи же агницоу , иж (н) етаже → великын пастырь (ὁ μέγαν ποιμήν)... роди са. Мин. сент., 081.

Законоположннцъ о Христе – как перевод νομοθέτης: Законоположнника (νομοθέτην) рожши . въ истинноу радоуиса владычице. Триодь постн., 262 об.

Оуправитель – в обращении к Христу: Ищезакът дѣхъ мон, но простри, влѣко, высокую мышцию, тако Пет-ра, ма, Оуправителю, спси. Октоих (К.), 167 (текст до-бавлен в подстрочнике).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование, построенное на материале византийских (особенно гимнографических) сочинений и их славянских переводов, показало совпадение ряда именовании Христа, Богородицы, Христианского Креста и святых. Все это позволи-

ло говорить о существовании иеронимического ядра, состав которого, в силу изначальной авторитетности, позволял в дальнейшем использоваться уже в собственно оригинальной, непередаваемой, славяно-русской литературе. Но это уже другая тема, заслуживающая самостоятельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Eustratiádes Σωφρόνιος. Ἡ Θεοτόκος ἐν τῇ ὑμνογραφίᾳ. Paris, 1930. 96 σ. Позже появилось еще несколько работ итальянских исследователей [17], [18].
- ² Eustratiádes Σωφρόνιος. Ὁ Χριστὸς ἐν τῇ ὑμνογραφίᾳ // Θεολογία. 1931. № 9. Σ. 80–87, 171–180, 260–267, 350–355; Ὁ Χριστὸς ἐν τῇ ὑμνογραφίᾳ // Θεολογία. 1932. № 10. Σ. 75–80, 173–179; Eustratiádes Σωφρόνιος. Ὁ Χριστὸς ἐν τῇ ὑμνογραφίᾳ // Θεολογία. 1933. № 11. Σ. 69–74.
- ³ Спустя год появилось исследование об именовании и атрибутах Богородицы итальянских исследователей М. К. Ферро и Ф. Ромоли, которые предполагают включить их в «Церковнославянско-русско-итальянский лексикон религиозных и философско-богословских слов» [9].
- ⁴ Dionysios Areopagita. De divinis nominibus // Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 3. Parisiis, 1857. Col. 585–984.
- ⁵ Lagarde P. de. Onomastica Sacra. Gottigae, 1870. P. 160.
- ⁶ Выносные буквы вносятся в строку.
- ⁷ Ср. трактовку подобного рода именовании как метафор и соображения об их трансформации (Transformation) в исследовании Д. Христианс [16].
- ⁸ Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. М., 1863. С. 339–340.
- ⁹ О главном имени, которое Бог назвал сам на вопрос Моисея (Исх. III:14): «Я есмь Суший» как перевод евр. 'ehyeh (в Септуагинте: ἐγὼ εἰμι ὁ ὢν и в латинской Вульгате: Ego sum qui sum) (см. подробнее [6: 93–122]).
- ¹⁰ Сокращенные названия произведений приводятся в соответствии с последним изданием Указателя источников [2]. Там же находятся сведения о датировках.
- ¹¹ Среди наиболее употребительных эпитетов, используемых в системе именовании Богородицы: **бѣствънни, -ага, -ок, вожни, -на, -ни и пречистын, -ага, -ок** [11: 26].
- ¹² В этом исследовании они названы «двойными символами» [11: 32–33].
- ¹³ В описании 16 видов света в «Слове на Крещение» Григорий Назианзин (Богослов) говорит, что «светом» называют «боговиднейших (οἱ θεοειδέστεροι) из нас, особенно приблизившихся к Богу» (Gregorius Theologus. Opera quae exstant omnia // Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 36. Parisiis, 1858. Col.: 364 sqq.).
- ¹⁴ Новое издание этого сочинения [4], использованное в исследовании [13], содержит параллельный греческий текст.
- ¹⁵ Здесь и далее «звездочка» (*) перед греческим соответствием указывает на реконструкцию лексемы оригинала, основанную на знании закономерностей переводческой практики.
- ¹⁶ См. сноску 10.
- ¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 30. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 105.
- ¹⁸ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II. М.: Русский язык, 1989. С. 473.
- ¹⁹ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. VI. М.: Азбуковник, 2000. С. 454.
- ²⁰ Описание символики жезла [5: 68–105].
- ²¹ Опускаем неясное **първодець**, переданное в другом списке как **сѣвороводець**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Т. С. Символы Богоматери в церковнославянском языке. Новосибирск, 2001. 145 с.
2. Державина Е. И., Романова Г. Я., Чернышева М. И. Указатель источников // Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочные материалы. Указатель источников. Словник (прямой) / Отв. ред. М. И. Чернышева. М.: ЛЕКСРУС, 2020. С. 11–215.
3. Дионисий Ареопagit. О божественных именах. О мистическом богословии / Изд. подгот. Г. М. Прохоровым. СПб.: Глагол, 1994. 371 с.
4. Крысько В. Б. К новому изданию Успенского сборника // Die Welt der Slaven. 2017. 62. S. 215–246.
5. Овчинников А. Н. Символика христианского искусства. М.: Родник, 1999. 520 с.
6. Успенский Б. А. Имя Бога в славянской Библии (К вопросу о славяно-еврейских контактах в Древней Руси) // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 93–122.
7. Успенский Б. А. Крест и круг. Из истории христианской символики. М.: Языки славянских культур, 2006. 488 с.
8. Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971. 754 с.
9. Ферро М. К., Ромоли Ф. Церковнославянско-русско-итальянский лексикон религиозных и философско-богословских слов. Об именовании и атрибутах Богородицы // Славянское Средневековье. Богослужение. Книжность. Язык. М.: Индрик, 2018. С. 161–206.

10. Чернышева М. И. Византийская и древнеславянская идея света и славы // *ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ*: Сб. статей памяти проф. И. С. Чичурова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 345–360.
11. Чернышева М. И. Именования Богородицы в древнерусской письменности. М.: URSS, 2017. 324 с.
12. Чернышева М. И. «Иеронимия» в древней славяно-русской письменности (предварительные наблюдения) // *Шьствоуж нынѣ по слѣдоу оучителю*: Сборник в чест на проф. д. ф. н. Анна-Мария Тотманова. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2021. С. 492–500.
13. Чернышева М. И. Христианский Крест в системе иеронимии (на материале сочинения «**ГЛАВЕННИКЪ ЧЪСТЪНАГО КЪРСТА**» в составе древнерусского Успенского сборника XII в.) // *Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. 2023 (в печати)
14. Берлински сборник. Среднобългарски книжовен паметник от началото на XIV век с допълнения от други ръкописи. Изданието е подготовено от Х. Миклас, Л. Тасева, М. Йовчева. София, Виена, 2006. 456 с.
15. Супрасълски или Ретков сборник. Изд.: Йордан Заимов, Марио Капалдо. Т. 1. София, 1982. 563 с. Т. 2. София, 1983. 601 с.
16. Christians D. Transformation von Metaphern bei der Übertragung byzantinischer liturgischer Hymnen ins Slavische // *Studi Slavistici*. 2016. XIII. P. 7–29.
17. Follieri E. Un Theotocarion Marciano del sec. XIV (cod. Marciano cl. I, 6) // *Archivio Italiano per la Storia della Pietà*. Roma, 1961. Vol. III, 3. P. 222 [186]–227 [191].
18. Follieri E., Mauropode G. Otto canoni paraclatici a Nostro Signore Gesù Cristo // *Archivio Italiano per la Storia della Pietà*. Roma, 1967. Vol. 5. P. 197–200 (Epiteti Mariani).
19. *Lexikon der christlichen Ikonographie*. 1–8. Sonderausgabe / Herausgegeben von E. Kirschbaum. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2004.
20. Salzer A. Die Sinnbilder und Beiworte Mariens in der deutschen Literatur und lateinischen Hymnenpoesie des Mittelalters. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1967. XXIII, 617 S.
21. Spitzing G. *Lexikon byzantinisch-christlicher Symbole*. Die Bilderwelt Griechenlands und Kleinasien. München: Eugen Diederichs Verlag, 1989. 344 S.
22. Stüiber A. *Christusepitheta* // *Reallexicon für Antike und Christentum* / Hrsg. von Th. Klauser. Bd. 3. Stuttgart, 1957. S. 24–29.

Поступила в редакцию 10.07.2023; принята к публикации 04.09.2023

Original article

Margarita I. Chernysheva, Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3066-6984; chernysheva@bk.ru

HIERONYMIC CORE IN THE SYSTEM OF BYZANTINE-SLAVONIC NAMES

Abstract. The study is a continuation of the reconstruction of the Byzantine-Slavonic hieronymic system (Onomata Sacra), the Slavonic part of which has not been completely described so far. The Slavonic names of the Theotokos and, in part, Christ (i.e., the highest representatives of the hieronymic system) preserved in the Old Russian manuscripts were collected, and the basic concepts forming this system were established: the main names, self-names going back to the Holy Scriptures, key and figurative-symbolic names, hieronymic epithets, paired and common names. As the research has shown, this layer is a source of figurative names of evangelists, saints, venerables and martyrs (as the successors of the Divine Grace), sometimes the representatives of the sacred hierarchy or rulers, and certain sacred objects, for example, the Cross. For confirmation, an analysis of the names of the Christian Cross in Greek-Slavonic translations was conducted. A comparison of some key names of the Cross (*vrachъ iatpъrъcъ*, *vzbranznikъ prъmъchъcъ*, *vskъsenije anъstasichъ*, *grъznъ bъtrъcъ*, *krъpostъ stъrigrъma*, *lъstvica klъmъxъ*, *robъda vъkosъ*, *rogъ kъrasъ*, *sadъ futъnъ*, *sъrasenije dъasъsъma*, *ukrashenije êgъkallwъpsъma*, *srkyъ naъcъ* etc.) showed that they matched the names of other components of the Byzantine-Slavonic hieronymy system (Christ, the Mother of God, saints, etc.). This gives grounds to speak of the existence of a hieronymic core in the system of Byzantine-Slavonic hieronymy, the composition of which, due to its original authority, later allowed it to be used in the original (non-translated) Slavonic and Russian literature.

Key words: hieronymy (Onomata Sacra), Greek-Slavonic translations, Byzantine literature, hieronymic core

For citation: Chernysheva, M. I. Hieronymic core in the system of Byzantine-Slavonic names. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):20–27. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.953

REFERENCES

1. Borisova, T. S. Symbols of the Mother of God in the Church Slavonic language. Novosibirsk, 2001. 145 p. (In Russ.)

2. Derzhavina, E. I., Romanova, G. Ya., Chernysheva, M. I. Index of sources. *Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Reference materials. Index of sources. Dictionary (direct)*. (M. I. Chernysheva, Ed.). Moscow, 2020. P. 11–215. (In Russ.)
3. Dionysius the Areopagite. About the divine names. On mystical theology. (G. M. Prokhorov, Ed.). St. Petersburg, 1994. 371 p. (In Russ.)
4. Krysko, V. B. To the new edition of the Assumption Cathedral collection of manuscripts. *Die Welt der Slaven*. 2017;62:215–246. (In Russ.)
5. Ovchinnikov, A. N. Symbolism of Christian art. Moscow, 1999. 520 p. (In Russ.)
6. Uspensky, B. A. The name of God in the Slavonic Bible (the issue of Slavonic-Jewish contacts in Ancient Russia). *Topics in the Study of Language*. 2012;6:93–122. (In Russ.)
7. Uspensky, B. A. Cross and circle. From the history of Christian symbolism. Moscow, 2006. 488 p. (In Russ.)
8. The Assumption Cathedral collection of manuscripts of the XII–XIII centuries. (O. A. Knyazevskaya, V. G. Demyanov, M. V. Lyapon, S. I. Kotkov, Eds.). Moscow, 1971. 754 p. (In Russ.)
9. Ferro, M. K., Romoli, F. Church Slavonic-Russian-Italian lexicon of religious and philosophical/theological words. The names and attributes of the Theotokos. *Slavonic Middle Ages. Divine service. Books. Language*. Moscow, 2018. P. 161–206. (In Russ.)
10. Chernysheva, M. I. The Byzantine and Old Slavonic idea of light and glory. *ΘΕΟΛΟΓΙΑΣ: Collection of articles in memory of Prof. I. S. Chichurov*. Moscow, 2012. P. 345–360. (In Russ.)
11. Chernysheva, M. I. The names of the Theotokos in Old Russian writing. Moscow, 2017. 324 p. (In Russ.)
12. Chernysheva, M. I. “Hieronymy” in ancient Slavonic-Russian writing (preliminary observations). *Now follow your teacher. Collection of papers dedicated to Prof. Anna-Maria Totmanova*. Sofia, 2021. P. 492–500. (In Russ.)
13. Chernysheva, M. I. Christian Cross in the hieronymy system (based on the essay “The Resurrection of the Holy Cross” from the Old Russian Assumption Cathedral collection of manuscripts of the XII century). *Paleorosia. Ancient Russia: time, personalities, ideas*. 2023. (In print). (In Russ.)
14. The Berlin collection. Middle Bulgarian literary monument of the early XIV century with additions from other manuscripts. (H. Miklas, L. Taseva, M. Yovcheva, Eds). Sofia, 2006. 456 p.
15. The Suprasl manuscript or Retko’s code. (J. Zaimov, M. Capaldo, Eds). Vol. 1. Sofia, 1982. 563 p. Vol. 2. Sofia, 1983. 601 p.
16. Christians, D. Transformation von Metaphern bei der Übertragung byzantinischer liturgischer Hymnen ins Slavische. *Studi Slavistici*. 2016;XIII:7–29.
17. Follieri, E. Un Theotocarion Marciano del sec. XIV (cod. Marciano cl. I, 6). *Archivio Italiano per la Storia della Pietà*. Roma, 1961. Vol. III, 3. P. 222 [186]–227 [191].
18. Follieri, E., Mauropode, G. Otto canoni paracletici a Nostro Signore Gesù Cristo. *Archivio Italiano per la Storia della Pietà*. Roma, 1967. Vol. 5. P. 197–200. (Epiteti Mariani).
19. Lexikon der christlichen Ikonographie. 1–8. Sonderausgabe. Herausgegeben von E. Kirschbaum. Rom; Freiburg; Basel; Wien, 2004.
20. Salzer, A. Die Sinnbilder und Beiworte Mariens in der deutschen Literatur und lateinischen Hymnenpoesie des Mittelalters. Darmstadt, 1967. 617 S.
21. Spitzing, G. Lexikon byzantinisch-christlicher Symbole. Die Bilderwelt Griechenlands und Kleinasien. München, 1989. 344 S.
22. Stüber, A. Christusepitheta. *Reallexicon für Antike und Christentum*. Hrsg. von Th. Klauser. Bd. 3. Stuttgart, 1957. S. 24–29.

Received: 10 July 2023; accepted: 4 September 2023

АНТОН ВЛАДИМИРОВИЧ АНАШКИН

кандидат филологических наук, заместитель декана по научной работе богословского факультета, доцент кафедры древних языков и древнехристианской письменности Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

доцент кафедры классической филологии Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5246-2210; miles-an@rambler.ru

МОРФОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМ В ВИЗАНТИЙСКОЙ КАНОНИКО-ПРАВОВОЙ ВОПРОСОТВЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А н н о т а ц и я . Исследуются функциональные особенности греческого перфекта и модели его образования на материале византийских памятников церковной канонико-правовой вопросоответной литературы XI–XV веков. Обращение к текстам византийских канонических вопросоответов обусловлено тем, что они, исходно представляя собой акты эпистолярной коммуникации, оказываются ценным лингвистическим источником и могут дать представление о бытовании греческого языка в определенной традиции. Актуальность работы определяется проблематикой, направленной на изучение темы глагольных времен. Результаты исследования показывают, что перфект в основном представлен личными формами в индикативе и причастиями. Причем наиболее живыми из синтетических перфектных форм оказываются именно причастия, сохранившиеся в некотором виде в новогреческом. Исследование частотности и распределения форм перфекта показало, что даже в текстах одного языкового уровня, жанра и стиля существуют качественные и количественные различия в употреблении перфектных форм. В одних текстах среднее число перфектных форм находится в диапазоне ~8–11 на 1000 слов, в других этот показатель оказывается кратно меньше. Установлено, что синтетический перфект функционирует в рассматриваемых текстах как аорист, что позволяет говорить об их семантической взаимозаменяемости. Вместе с тем аналитический перфект ($\epsilon\acute{\iota}\mu\iota + \text{part. perf.}$), частично сохраняющий идею результативности действия, в наших памятниках является доминирующим перифразом. Результаты исследования функционирования и моделей образования перфекта, с одной стороны, могут говорить о классицизирующей ориентации языка памятников и стилистических предпочтениях их авторов, с другой – обнаруживают тенденцию к уплощению этой глагольной категории в поздневизантийский период.

К л ю ч е в ы е с л о в а : древнегреческий, средневековый греческий, перфект, морфология и семантика перфектных форм, византийские вопросоответы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Анашкин А. В. Морфология и семантика перфектных форм в византийской канонико-правовой вопросоответной литературе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.954

ВВЕДЕНИЕ

Тема глагольных времен является одной из самых проблемных тем греческой грамматики. Проблеме прошедших времен в древнегреческом языке посвящено немало исследований, однако до сих пор остается открытым вопрос об их употреблении. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть функциональные особенности греческого перфекта и описать модели его образования в средневековом греческом

языке на материале византийских памятников канонико-правовой вопросоответной литературы XI–XV веков.

Как известно, древнегреческий синтетический перфект представлял отдельную глагольную категорию. Его основными морфологическими признаками являются редупликация (приращение), суффиксальное расширение -к- (для perf. I act.) после первичной основы и особые окончания в активном залоге, во многом совпадающие

с окончаниями аориста активного. Первоначально его формы выражали физическое или психическое состояние в настоящем, результирующее некое действие в прошлом. Таким образом, перфект сочетает две временные зоны – прошлое и настоящее. Поэтому, во-первых, в отдельных случаях перфект может переводиться настоящим (*perfectum praesens*: ἔστηκα ‘я стою’) и, во-вторых, может употребляться в значении аориста (*perfectum praeteritum*). В IV веке до н. э. исследователями фиксируется утрата функционального различия греческими авторами перфекта и аориста [13: 102]¹, [15: 270]. В период койне перфект приобрел значение законченного действия, а формы перфекта и аориста семантически становятся взаимозаменяемыми [12: 177], что находит отражение в морфологии, когда в формах перфекта используются окончания аориста и наоборот [9: 30], [13: 130]. В текстах Нового Завета синтетический перфект свободно чередуется с аористом² [4: 77–81], [16: 314–322]. М. Хинтербергер считает, что в разговорном языке синтетический перфект, прекратив употребляться в результате этого процесса и как бы передав эту семантическую роль аористу, окончательно исчезает из живого языка на рубеже поздней Античности и ранневизантийского периода [12: 177]. Для обозначения результирующего состояния, выражаемого теперь аористом, в византийский период нередко использовались причастные описательные конструкции с εἰμί и ἔχω [6], [8]. Их полномасштабному диахроническому исследованию («от Гомера до наших дней») посвящена докторская диссертация У. Дж. Аэртса [5]³, который занимался изучением греческих причастных перифраз с εἰμί и ἔχω, включая конструкции с перфектными причастием. Аэртс обращает внимание на то, что причастные перифразы, встречающиеся уже в поэмах Гомера, часто использовались для форм *perf.* и *qrpf. ind.* в 3 sg. и послужили образцом для конструкций *εἰμί + part. praes.* [5: 51]. Новогреческий же перфект представляет собой конструкцию ἔχω + *inf. aog.* (неопределенная форма глагола с перфективной основой) [3: 125, 140], которая, как указывает М. К. Янссен, впервые засвидетельствована в текстах именно как форма перфекта не ранее конца XVII века [14: 245–246]⁴. Прямым наследником древнегреческого синтетического перфекта являются новогреческие застывшие перфектные причастия.

Ниже предлагаем к рассмотрению результаты наших исследований использования перфекта (и плюсквамперфекта) в памятниках византий-

ской церковной эротапокритической письменности XI–XV веков, артикулируя внимание на морфологии обнаруженных перфектных форм и их семантике.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для исследования послужили византийские канонические вопросоответы⁵. Рассматриваемые памятники вопросоответной литературы, уходящей корнями в античную традицию, претерпели жанровое превращение из актов эпистолярной коммуникации в собрание различных церковных прецедентов в вопросоответной форме [1], [2]⁶. В свете этого обращение к текстам византийских канонических вопросоответов можно считать и обоснованным, и необходимым, поскольку они оказываются ценным лингвистическим источником и могут дать представление о бытовании греческого языка в определенной традиции.

В таблице приведены количественные показатели встречающихся форм (синтетического и аналитического) перфекта с различием залоговой категории. Фактически речь идет о причастиях и формах в индикативе. Полученные результаты позволяют говорить о том, что личные активные и медиопассивные формы встречаются приблизительно в одинаковой пропорции с небольшим преобладанием в пользу активного залога (3/4). Однако при этом отметим, что в ответах Петра Хартофилакса отсутствуют активные личные формы, в ответах Нила Родосского – медиопассивные, а в ответах Никифора Хартофилакса мы вообще не обнаружили личных перфектных форм. В тех же ответах Петра Хартофилакса нет ни одного перфектного причастия; активных причастий нет у Никифора Хартофилакса и Нила Родосского, а медиопассивных форм причастия – у Илии Критского и Никиты Фессалоникийского. В то же время медиопассивные причастия статистически встречаются несколько чаще активных. В ходе исследования ни в одном из наших текстов не было обнаружено ни одной формы конъюнктива, опатива или императива. Зафиксирована единственная форма инфинитива: μεμνήσθαι (Иоасаф Эфесский). Для выявления частотности использования перфекта и сопоставления полученного значения между текстами в таблице введен показатель среднего числа перфектных форм. Этот показатель был рассчитан нами по формуле $\bar{x}_{perf} = (S_{perf} * 100) / S_{wf}$, где \bar{x}_{perf} – среднее число форм в перфекте в расчете на 100 слов⁷, S_{perf} – абсолютное число форм в перфекте, S_{wf} – общее количество текстовых символов в источнике.

Употребление перфектных форм и показатель их среднего числа
Use of perfect forms and their average number

	Перфект				S_{perf}	\bar{x}_{perf}
	Личные формы		Participium / Infinitivus			
	Act.	Med.-Pass.	Act.	Med.-Pass.		
Νικита μιτρ. Ιρακλιϊσκίϊ 13 <i>вопр.-отв.</i> (1305 <i>слов</i>)	10 γεγόνασιν γέγονε(ν) 6 γέγονα ἔοικε(ν) 2	3 ἀπολελυμένη ἐστί ἐκπεφώνηται γέγραπται	1 γεγονότα	1 νενεμημένους	15	1,15
Νικόλαϊ ΙΙΙ Γραμματικ 19 <i>вопр.-отв.</i> (1348 <i>слов</i>)	2 εἶρηκεν δέδωκε	3 κεκόλυται 2 κατενήνεκται	4 προημартηκότος προημартηκώς τεθνηκότων τεθνεώτων	6 παραδεδομένας τεθρονιασμένον δεδομένης κεκολλημένους προσκεκομισμένην περικεκλεισμένους	15	1,12
Πετρ Χαρτοφίλαкс 21 <i>вопр.-отв.</i> (656 <i>слов</i>)	–	2 κεκόλυται 2	–	–	2	0,3
Νικифορ Χαρτοφίλαкс 5 <i>вопр.-отв.</i> (479 <i>слов</i>)	–	–	–	4 ὠρισμένοις προηγιασμένη 2 προηγιασμένην	4	0,84
Илия Критский 7 <i>вопр.-отв.</i> (2721 <i>слово</i>)	6 γέγονε(ν) 2 μεμαρτύρηκε 3 πεπλήρωκε	4 εἴληπται δεδήλωται εἴρηται γέγραπται	3 ἑωρακώς 3	–	13	0,48
Лука Χρισοβεργ 20 <i>вопр.-отв.</i> (1431 <i>слово</i>)	3 τετελεύτηκεν εὕρηκαμεν πεποιήκασιν	2 ἀποκέκλειστα δεδήλωται	2 τεθνηκότων τεθνηκότα	5 μεμονωμένην μεμονωμένας δεδομένης κεκολλημένους 2	12	0,84
Νικита μιτρ. Φεσσαλονικίϊσκίϊ 17 <i>вопр.-отв.</i> (1627 <i>слов</i>)	2 γέγονε(ν) 2	1 κέκτηται	2 γεγονός πεπορευκότος	–	5	0,31
Νιλ Διαζορην μιτρ. Ροδοςский 21 <i>вопр.-отв.</i> (1483 <i>слова</i>)	1 παραδεδόκασι	–	–	3 προηγιασμένην προηγιασμένα προηγιασμένης	4	0,27
Ιωасаф μιτρ. Ἐφεσσский 54 <i>вопр.-отв.</i> (3030 <i>слов</i>)	1 παραδέδωκεν	7 προηγιασται κεκόλυται 4 συγκεχώρηται ἐνι κεκολλημένον	2 τεθνηκώς τεθνηκότος	19 κεχαρισμένα τεταγμένον τετελειωμένα κεκοιμημένους παραδεδομένον μемνησθαι κεκοιμημένον 2 τετελειωμένον 2 προηγιασμένην προηγιασμένων προηγιασμένη προηγιασμένα προκεκοσμημένα ἀποτεταγμένην μемνηστευμένης κεκτημένος κεκοιμημένον	29	0,96

Полученные результаты указывают на то, что перфект наиболее активно используется следующими авторами – Никитой Ираκλιϊским, Николаем Грамматиком, Никифором Хартоφίλαксом, Лукой Χρισοβεργом, Ιωасафом Ἐφεσσским. Среднее число перфектных форм в них приближается к значению 1 на 100 слов (~ 8–11

на 1000 слов). В вопросах Петра Хартоφίλαкса, Илии Критского, Никиты Солунского и Нила Родосского показатель частотности использования перфекта кратно меньше. Из данных таблицы также видно, что формы перфекта в основном представлены причастиями, причем нередко субстантивированными (τὰ γεγονότα,

ἡ προηγιασμένη, ὁ τεθνηκώς). Вполне вероятно, что уже в XI веке именно причастия были наиболее «живыми» из синтетических перфектных форм, поскольку, как мы говорили ранее, единственный сохранившийся неаналитический перфект в новогреческом языке – это именно застывшие причастные формы.

Даже с учетом результатов расчета показателя частности можно говорить о том, что употребление форм перфекта, который был важной частью глагольной системы древнегреческого языка классического периода [18: 35–38], [20], – явление нередкое для наших текстов (за исключением, пожалуй, ответов Петра Хартофилакса и Нила Родосского). И так же нередко авторы этих текстов используют его не только для выражения состояния или завершенного действия с результатом в настоящем, но как альтернативу аористу. Речь идет о синтетических формах перфекта. Например, в обороте ὁ εἶρηκεν ὁ ἀπόστολος едва ли можно предполагать, что действием сказуемого автор выражает результативность в настоящем:

Τί ἐστὶν ὁ εἶρηκεν ὁ ἀπόστολος⁸: Ὁ ἐν χεῖλεσι μιανθείς; (Вопрос 12. Ответы Николая Грамматика).

Что означает сказанное апостолом: «Оскверненный устами»?

В вопросоответах Луки Хрисоверга действие сказуемых в перфекте и аористе находится в одной временной зоне:

Τετελεύτηκεν ἀδελφὸς συνήθως καὶ ἡσπασάμεθα τοῦτον (Вопрос 2. Ответы Луки Хрисоверга).

Умер брат обыкновенным образом, и мы его целовали.

Синтаксическое примыкание (или синтаксическая связка) личных форм синтетического перфекта и аориста, как нам кажется, убедительно показывают их семантическую взаимозаменяемость. Подобных примеров в наших текстах много, а такое функционирование перфекта можно обнаружить и в новозаветных текстах [12: 177–178].

Выше мы уже говорили об использовании византийскими авторами причастных перифраз для форм perf. и pperf. ind. в 3 sg. Отметим, что нами зафиксированы такие случаи употребления описательных форм перфекта пассивного:

Καὶ τοῦτο ἐνὶ κекωλυμένον παρὰ τῶν νόμων, καὶ ὁ τοῦτο ποιήσας καὶ ἐνταῦθα οὐκ εὐοδοῦται, καὶ ἀπελθὼν ἐκεῖ κολάζεται, ὡς καταφρονητὴς τῶν θείων. (Вопросоответ 36. Ответы Иоасафа Эфесского).

Это (опирать крышу дома на стену храма. – А. А.) запрещено законами, и если кто-либо это совершил, то он и здесь не преуспевает, и там после смерти называется как презритель божественного.

...ὡς λέγουσιν τινες, ὅτι αὕτη ἀπολελυμένη ἐστὶ (Вопрос 5. Ответы Никиты Ираклийского).

...как говорят некоторые, что она же освобождена (от разбирательств и наказания. – А. А.).

В приведенных отрывках формы пассивного перфекта указывают на результативность в настоящем. В первом примере сказуемые εὐοδοῦται и κολάζεται поддерживают эту темпоральную близость с ἐνὶ κекωλυμένον, а использование аористных причастий говорит о том, что Иоасаф Эфесский понимает разницу между аористом и перфектом. Во втором примере, в сущности, ситуация та же: действия ἀπολελυμένη ἐστὶ и λέγουσιν с точки зрения момента времени очень близки. Эти два частных примера из Никиты Ираклийского и Иоасафа Эфесского указывают, что понимание разницы между классическим перфектом и аористом фрагментарно еще существует. Однако они представляют скорее исключение, чем какую-то закономерность, что подтверждается результатами исследования К. Бентейна [7: 256–263].

В целом можно говорить о том, что система греческих времен в наших памятниках ориентирована на классическую древнегреческую: используются все времена глагола, которые были известны в классический период. В пользу этого могут свидетельствовать факты (пусть и немногочисленные) употребления плюсквамперфекта для обозначения предшествующего действия, что говорит о тяготении авторов к античной традиции:

Δέσποτά μου ἄγιε, κόρη τις ἀνελάβετο ἄνδρα νομίμῳ γάμῳ, ἐφ' ᾧ καὶ εὐχὴ μνηστείας ἐδόθη καὶ ιερολογία ἐγεγόνει (3. Ερώτησις Ответы Никиты Ираклийского). Святой мой владыка, одна девушка сочеталась с мужем законным браком, над которым и молитвы обручения были произнесены, и объяснение священного смысла (обручения или таинства брака. – А. А.)⁹ имело место.

Наиболее интересным представляется случай употребления в ответах Нила Родосского аналитического плюсквамперфекта, когда к вспомогательному глаголу ἔχω в impf. (εἶχον) примыкает глагол в aor. cop. act.:

Ὁ δὲ θεὸς ἱεράρχης κύρ Νεῖλος ἐκόλυσε τὸν ἱερέα ἐκεῖνον μῆνας ἕξ καὶ δ' φλωρία ἐλεημοσύνην ἔλεγεν αὐτῷ· πότε προηγιασθῆ ἐκεῖνος ὁ ἄρτος, καὶ ἔλεγες “Τὰ προηγιασμένα Ἅγια τοῖς ἁγίοις”; εἰ δὲ πολλάκις εἶχε τὸν λειτουργίῃ αὐτὸν σαββάτῳ ἢ κυριακῇ, χωρὶς προηγιασμένης, μετὰ τὴν τελείωσιν τῆς λειτουργίας, ὀλιγώτερον ἐστὶν τὸ κωλύον μόνον διὰ τὴν ἀπροσεξίαν. (Ответ 20. Ответы Нила Родосского).

Божественный же иерарх кир Нил запретил того священника в служении на шесть месяцев и (оштрафовал. – А. А.) на четыре флорина для принесения

ния милостыни, и говорил ему: «когда тот хлеб был преждеосвящен, и говорил *ли* ты “Преждеосвященная Святая святым”?»». Если же он часто его (хлеб. – А. А.) литургисал в субботу или в воскресенье, без предварительного освящения, по окончании литургии, то запрещение это лишь из-за невнимательности является незначительным.

В настоящем ответе есть временная противопоставленность форм аориста и имперфекта (ἐκόλυσε и ἔλεγε), с одной стороны, а с другой – конструкции εἶχε λειτουργήσῃ, которая подчеркивает предшествование события, описанного во втором предложении ответа. Конструкция практически служит прототипом новогреческого плюсквамперфекта (ср.: глаг. ἔχω в аористе – εἶχα + основа аориста смыслового глагола без приставки ε и с окончанием -ει, например: εἶχα ακούσει). Мы полагаем, что в этом случае имеет место влияние разговорного языка. Отдельно хочется обратить внимание на то, что в этом же фрагменте обнаруживается редкая синтаксическая особенность: характерный для балканских языков случай местоименного повтора – антиципация местоименного дополнения: εἰ δὲ πολλάκις εἶχε τὸν λειτουργήσῃ αὐτὸν σαββάτῳ ἢ κυριακῇ. Заметим, что в новогреческом языке местоименный повтор дополнения принято считать разговорной чертой.

Если следовать теории уровней стиля, которую нередко применяют в современных византийских исследованиях для классификации византийских текстов¹⁰, то на ее основании (при всей условности и схематичности самой теории [22: 528]) следовало бы отнести эти памятники

если не к высокому уровню, то, по крайней мере, к промежуточному – между высоким и средним (что-то наподобие upper-middle), поскольку в текстах встречаются признаки обоих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование частотности и распределения форм перфекта показало, что даже в текстах одного языкового уровня, жанра и стиля существуют качественные и количественные различия в употреблении перфектных форм. В одних текстах (как вопросыответы Никиты Ираклийского, Николая Грамматика, Никифора Хартофилакса, Луки Хрисоверга, Иоасафа Эфесского) среднее число перфектных форм находится в диапазоне ~8–11 на 1000 слов, в остальных текстах этот показатель меньше в два или даже три раза. Статистические расчеты показывают, что в исследуемых текстах формы перфекта в основном представлены пассивными причастиями, а формы конъюнктива, опатива и императива авторами не используются. Синтетический перфект функционирует в наших текстах как аорист, что позволяет говорить об их семантической взаимозаменяемости. В то же время аналитический перфект (εἶμι + part. perf.) фрагментарно сохраняет идею результативности действия и в наших текстах является доминирующим перифразом. Нами выявлена также аналитическая конструкция, семантически соответствующая древнегреческому плюсквамперфекту: εἶχον + aor. cop. act. Модель образования этой конструкции, по нашему мнению, является прототипом новогреческого плюсквамперфекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дж. Хоррокс, в частности, указывает, что это характерная черта языка Менандра [13: 102].

² Ср., например, один и тот же сюжет у Мф. и Лк.: οὐ γὰρ ἦλθον καλέσαι δικαίους (Мф. 9:13); οὐκ ἐλήλυθα καλέσαι δικαίους (Лк. 5:32).

³ Заметим, что Аэртс первым принял во внимание средневековый византийский и новогреческий материал (в том числе на греческих диалектах, например на цаконском), хотя именно эти находки позднее и подвергались критике [21].

⁴ Янссен указывает, что среди исследователей нет единого представления о том, когда конструкция ἔχω + inf. стала использоваться как форма аналитического перфекта [14: 245–246].

⁵ В рамках настоящего исследования нами были рассмотрены следующие памятники: 1. Ответы Никиты митр. Ираклийского: Ἐρωτήσεις ἀποσταλεῖσαι παρὰ Κωνσταντίνου ἐπισκόπου πρὸς τὸν μακαριώτατον μητροπολίτην Ἰρακλείας κύριον Νικήταν, καὶ ἀποκρίσις τοῦ αὐτοῦ ἀρχιερέως ὠφέλιμος; 2. Ответы патриарха Константинопольского Николая III Грамматика: Ἐρωτήσεις Ἰωάννου μοναχοῦ πρὸς Νικόλαον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως; 3. Ответы Петра Хартофилакса: Ἐρωτήσεις τινὸς μοναχοῦ πρὸς τὰς λύσεις κανονικῶς ἀποδέδωκεν ὁ μακαρίτης χαρταφύλαξ τῆς ἁγιωτάτης ἐκκλησίας Πέτρος; 4. Ответы Никифора Хартофилакса: Ἐρωτήσεις Μαξίμου μοναχοῦ πρὸς τὸν ἁγιώτατον κύριον Νικηφόρον καὶ γεγονότα χαρτοφύλακα τῆς τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας περὶ διαφόρων κεφαλαίων; 5. Ответы Илии митр. Критского: Ὑπόμνησις γενομένη παρὰ τινος ἱερέως πρὸς τὸν ἱερώτατον μητροπολίτην Κρήτης κύριον Ἠλίαν περὶ τῆς προσκομιδῆς; 6. Ответы патриарха Константинопольского Луки Хрисоверга: Ζητήματα, ἅπερ ἔλυσεν ὁ Πατριάρχης Λουκᾶς; 7. Ответы Никиты митр. Фессалоникийского: Ἐρωτήσεις διαφόρων νομίμων καὶ κανονικῶν ζητημάτων ἀνενεχθεῖσαι Νικήτη, τῷ ἁγιωτάτῳ μητροπολίτῃ Θεσσαλονίκης, καὶ λύσεις αὐτῶν ἀπολυθεῖσαι παρ’ αὐτοῦ; 8. Ответы Нила митр. Родосского: Ἰωνᾶ Ἱερομονάχου ἐρωτήσεις περὶ τινῶν ἀναγκαίων καὶ ἀποκρίσεις κύριον Νείλου τοῦ ἁγιωτάτου Μητροπολίτου Ρόδου; 9. Ответы Иоасафа митр. Эфесского: Ἰωάσαφ Ἱερομονάχου καὶ μεγάλου πρωτοσυγγέλλου ἀποκρίσεις πρὸς τὰς ἐρωτήσεις, ἃς ἠρώτησεν ὁ εὐλαβέστατος ἐν ἱερεῦσιν κύριον Γεώργιος ὁ Δραζίνος.

- ⁶ О проблеме жанровой принадлежности вопросоответной литературы см. также: [10: 343–344], [11], [17].
- ⁷ В связи с тем что объем текстов вопросоответов Петра Хартофилакса и Никифора Хартофилакса составляет менее 1000 слов, мы были вынуждены приводить показатели частотности в расчете на 100 слов. Поэтому в таблице иррациональные значения указываются с округлением числа до сотых.
- ⁸ В издании вопросоответов Spic. Sol. (P. 480. Ἐρώτησις X) в этом же вопросе автором слов «оскверненный устами» вместо «апостола» указан «Святой Василий» (ὁ ἅγιος Βασίλειος).
- ⁹ Считаю необходимым оставить небольшой исторический комментарий к этому месту, который поможет понять, почему ἱερολογία нами понято не как венчание (как в издании А. Павлова), а как объяснение смысла («священнотолкование»). Несмотря на то что 24-я (1084 год) и 31-я новеллы (1092 год) имп. Алексея I Комнина установили венчание как основную форму церковного благословения брака и сделали его обязательным для всех людей (и для свободных, и для рабов), на практике, как видим из этого фрагмента, венчание еще было необязательным. В XI веке процесс становления чинопоследования венчания как официальной формы благословения только завершился, а церковное обручение все еще могло быть достаточной формой заключения брака. По нашему мнению, форма плюсквамперфекта ἐγεγόνει в данном случае как раз указывает, что ἱερολογία следует понимать не как таинство венчания (а именно так это слово было истолковано славянским переводчиком текста: этот перевод можно найти в издании А. Павлова), а как толкование или объяснение священного смысла обручения или таинства брака, которое предшествовало обручению и венчанию. Таким образом, в нашем фрагменте определительное придаточное (ἐφ' ᾧ) фактически служит определением понятия законного брака, который суть священнотолкование и обручение, после которого брачующиеся могли вступать в брачные отношения. Следовательно, обручение имело канонические последствия брака и являлось нерасторжимым.
- ¹⁰ Теория уровней стиля сформулирована, в частности, в работах И. Шевченко [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н а ш к и н А. В. Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2014. Вып. 4 (39). С. 7–15. DOI: 10.15382/sturIII201439.7-15
2. А н а ш к и н А. В. Эпистолярные «следы» в византийских церковных канонико-правовых эротапокризах XII в. (на материале канонических ответов митрополита Никиты Ираклийского) // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 2. С. 56–59.
3. А р х а н г е л ь с к и й Т. А., П а н о в В. А. Аспект в греческом языке: проблемные зоны и типология // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. 8, № 2. С. 122–148.
4. Ф о к к о в Н. Ф. К синтаксису греческого новозаветного языка и византийского. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 320 с.
5. A e r t s W. J. Periphrastica. An investigation into the use of εἶναι and εἶχεν as auxiliaries or pseudo-auxiliaries in Greek from Homer up to the present day: Diss. Amsterdam, 1965. 216 p.
6. B e n t e i n K. Adjectival periphrasis in Ancient Greek: The categorial status of the participle // Acta Classica. 2013. Vol. 56. P. 1–28.
7. B e n t e i n K. Perfect periphrases in post-classical and early Byzantine Greek: An ecological-evolutionary account // Journal of Greek Linguistics. 2012. Vol. 12 (2). P. 205–275. DOI: 10.1163/15699846-00000002
8. B e n t e i n K. Verbal periphrasis in Ancient Greek. A state of the art // Revue belge de Philologie et d'Histoire. 2012. Vol. 90 (1). P. 5–56. DOI: 10.3406/rbph.2012.8388
9. B r o w n i n g R. Medieval and modern Greek (3rd reprinted edition). Cambridge: Cambridge University Press; New edition, 1983 (reprinted 1989, 1985).
10. D ö r r i e H., D ö r r i e s H. Erotapokriseis // Reallexikon für Antike und Christentum. Bd. 6. Stuttgart, 1966. S. 342–370.
11. E r m i l o v P. Towards a classification of sources in Byzantine question-and-answer literature // Theologica minora. The minor genres of Byzantine theological literature / Ed. by A. Rigo, P. Ermilov, M. Trizio (SBHC 8). Turnhout, 2013. P. 110–125. DOI: 10.1484/M.SBHC-EB.1.101921
12. H i n t e r b e r g e r M. The synthetic perfect in Byzantine literature // The language of Byzantine learned literature / Ed. by M. Hinterberger. Turnhout, 2014 (SBHC 9). P. 176–204. DOI: 10.1484/M.SBHC-EB.1.102129
13. H o r r o c k s G. C. Greek: A history of the language and its speakers. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. 2nd ed. 525 p.
14. J a n s s e n M. C. Perfectly absent: the emergence of the Modern Greek perfect in early Modern Greek // Byzantine and Modern Greek Studies. 2013. Vol. 37 (2). P. 245–260. DOI: 10.1179/0307013113Z.00000000027
15. К а в ч и ч J. The decline of the aorist infinitive in Ancient Greek declarative infinitive clauses // Journal of Greek Linguistics. 2016. Vol. 16 (2). P. 266–311. DOI: 10.1163/15699846-01602004
16. M c K a y K. L. On the perfect and other aspects in New Testament Greek // Novum Testamentum. 1981. Vol. 23. Fasc. 4. P. 289–329. DOI: 10.2307/1560768
17. P a p a d o y a n n a k i s Y. Instruction by question and answer: The case of late antique and Byzantine erotapokriseis // Greek Literature in Late Antiquity: Dynamism, didacticism, classicism. Hampshire, 2006. P. 91–105. DOI: 10.4324/9781315585864

18. Rijksbaron A. The syntax and semantics of the verb in Classical Greek: An introduction. Chicago; London, 2002. 2nd ed. 228 p.
19. Ševčenko I. Levels of style in Byzantine prose // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1981. Vol. 31 (1). P. 289–312.
20. Sicking C. M. J., Stork P. The synthetic perfect in Classical Greek // *Two studies in the semantics of the verb in Classical Greek*. Leiden; New York; Cologne, 1996. P. 119–298. DOI: 10.1163/9789004329867_010
21. Trapp E. Review: Aerts W. J. *Periphrastica*. An investigation into the use of εἶναι and ἔχειν as auxiliaries or pseudo-auxiliaries in Greek from Homer up to the present day. Diss. Amsterdam, Hakkert 1965. 4 Bl., 216, 10 S. // *Byzantinische Zeitschrift*. 1967. Vol. 60 (1). P. 92–94. DOI: 10.1515/byzs.1967.60.1.86
22. Wahlgren S. *Byzantine literature and the classical past // A companion to the Ancient Greek language / Ed. by E. J. Bakker*. Wiley-Blackwell, 2010. P. 527–538. DOI: 10.1002/9781444317398.ch35

Поступила в редакцию 03.08.2023; принята к публикации 04.09.2023

Original article

Anton V. Anashkin, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, St. Tikhon's Orthodox University for Humanities, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5246-2210; miles-an@rambler.ru

MORPHOLOGY AND SEMANTICS OF PERFECT FORMS IN THE BYZANTINE CANONICAL QUESTION-AND-ANSWER (EROTAPOKRISEIS) LITERATURE

Abstract. The article examines the functional features of the Greek perfect and the models of its formation on the basis of Byzantine monuments of church canonical literature of the XI–XV centuries. Reference to the texts of Byzantine canonical question-and-answer literature is due to the fact that initially it represented acts of epistolary communication, and therefore proves to be a valuable linguistic source that can give an idea of the Greek language within a certain tradition. The relevance of the work is determined by the research problems aimed at studying the verb tenses. The results of the study show that the perfect is mainly represented by personal forms in the indicative and participles, with the latter being the most viable synthetic perfect forms partially preserved in Modern Greek. The study of the frequency and distribution of the perfect forms showed that even in texts of the same linguistic level, genre and style, there are qualitative and quantitative differences in the use of the perfect forms. In some texts, the average number of the perfect forms is in the range of ~8–11 per 1000 words, while in others this figure is several times lower. It was established that in the studied texts the synthetic perfect functions as aorist, which suggests their semantic interchangeability. At the same time, the periphrastic (analytic) perfect (εἶμι + part. perf.) preserves, although fragmentary, the idea of the effectiveness of an action and is the dominant periphrasis in the said texts. The results of the study of the perfect functions and formation patterns, on the one hand, enable us to characterize the language of the studied monuments and the specific stylistic features of their authors as classicism-oriented, and on the other hand, demonstrate a tendency of this verb category to flatten in the late Byzantine period.

Key words: Ancient Greek, Byzantine Greek, perfect, morphology and semantics of perfect forms, Byzantine question-and-answer literature

For citation: Anashkin, A. V. Morphology and semantics of perfect forms in the Byzantine canonical question-and-answer (erotapokriseis) literature. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.954

REFERENCES

1. Anashkin, A. V. Genre problems of question-and-answer literature in context of late Byzantine canonical writing. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*. 2014;4(39): 7–15. DOI: 10.15382/sturIII201439.7-15 (In Russ.)
2. Anashkin, A. V. Epistolary trace in Byzantine church canonical erotapokriseis of XIIth century (on the material of canonical erotapokriseis by Niketas, metropolitan of Herakleia). *Vestnik of Kostroma State University*. 2017;23(2):56–59. (In Russ.)
3. Arkhangel'sky, T. A., Panov, V. A. Aspect in Greek: problems and typology. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2012;8(2):122–148. (In Russ.)
4. Fokkov, N. F. On the syntax of New Testament Greek and Byzantine Greek. Moscow, 2012. 320 p. (In Russ.)
5. Aerts, W. J. *Periphrastica*. An investigation into the use of εἶναι and ἔχειν as auxiliaries or pseudo-auxiliaries in Greek from Homer up to the present day: Diss. Amsterdam, 1965. 216 p.
6. Bentein, K. Adjectival periphrasis in Ancient Greek: The categorial status of the participle. *Acta Classica*. 2013;56:1–28.

7. Bentein, K. Perfect periphrases in post-classical and early Byzantine Greek: An ecological-evolutionary account. *Journal of Greek Linguistics*. 2012;12(2):205–275. DOI: 10.1163/15699846-00000002
8. Bentein, K. Verbal periphrasis in Ancient Greek. A state of the art. *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. 2012;90(1):5–56. DOI: 10.3406/rbph.2012.8388
9. Browning, R. *Medieval and Modern Greek* (3rd reprinted edition). Cambridge, 1983 (reprinted 1989, 1985).
10. Dörrie, H., Dörries, H. *erotapokriseis. Reallexikon für Antike und Christentum*. Bd. 6. Stuttgart, 1966. S. 342–370.
11. Ermilov, P. Towards a classification of sources in Byzantine question-and-answer literature. *Theologica minora. The minor genres of Byzantine theological literature (SBHC 8)*. (A. Rigo, P. Ermilov, M. Trizio, Eds.). Turnhout, 2013. P. 110–125. DOI: 10.1484/M.SBHC-EB.1.101921
12. Hinterberger, M. The synthetic perfect in Byzantine literature. *The language of Byzantine learned literature (SBHC 9)*. (M. Hinterberger, Ed.). Turnhout, 2014 (SBHC 9). P. 176–204. DOI: 10.1484/M.SBHC-EB.1.102129
13. Horrocks, G. C. *Greek: A history of the language and its speakers*. Chichester, 2010. 525 p.
14. Janssen, M. C. Perfectly absent: the emergence of the Modern Greek perfect in early Modern Greek. *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2013;37(2):245–260. DOI: 10.1179/0307013113Z.00000000027
15. Kavčič, J. The decline of the aorist infinitive in Ancient Greek declarative infinitive clauses. *Journal of Greek Linguistics*. 2016;16(2):266–311. DOI: 10.1163/15699846-01602004
16. McKay, K. L. On the perfect and other aspects in New Testament Greek. *Novum Testamentum*. 1981;23(4):289–329. DOI: 10.2307/1560768
17. Papadoyannakis, Y. Instruction by question and answer: The case of late antique and Byzantine erotapokriseis. *Greek literature in Late Antiquity: Dynamism, didacticism, classicism*. Hampshire, 2006. P. 91–105. DOI: 10.4324/9781315585864
18. Rijksbaron, A. *The syntax and semantics of the verb in classical Greek: An introduction*. Chicago; London, 2002. 228 p.
19. Ševčenko, I. Levels of style in Byzantine prose. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1981;31(1):289–312.
20. Sicking, C. M. J., Stork, P. The synthetic perfect in Classical Greek. *Two studies in the semantics of the verb in Classical Greek*. Leiden; New York; Cologne, 1996. P. 119–298. DOI: 10.1163/9789004329867_010
21. Trapp, E. Review: Aerts, W. J. *Periphrastica*. An investigation into the use of εἶναι and ἔχειν as auxiliaries or pseudo-auxiliaries in Greek from Homer up to the present day. Diss. Amsterdam, Hakkert 1965. 216 p. *Byzantinische Zeitschrift*. 1967;60(1):92–94. DOI: 10.1515/byzs.1967.60.1.86
22. Wahlgren, S. *Byzantine literature and the classical past. A companion to the Ancient Greek language*. (E. J. Bakker, Ed.). Wiley-Blackwell, 2010. P. 527–538. DOI: 10.1002/9781444317398.ch35

Received: 3 August 2023; accepted: 4 September 2023

ЯНА ЛЕОНИДОВНА ЗАБУДСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)
доцент филологического факультета
Совместный университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь
(Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика)
yanazabud@mail.ru

ИЗОБРЕТАЯ ВАРВАРСТВО¹: ПЕРЕВОДЫ, КОММЕНТАРИИ И ТРАКТОВКИ EUR. IT 74–75

А н н о т а ц и я . Цель статьи – уточнение смысла строк 74–75 в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». Новизна работы заключается в сопоставлении комментариев и переводов фрагмента и комплексном анализе материалов и «внетекстовых» факторов; актуальность обусловлена появлением новых переводов Еврипида. Присутствующий в ряде изданий перевод «головы» в описании алтаря храма Артемиды в IT 74–75 напрямую из текста не следует (словарное значение σκῦλα – «доспехи»; ἀκροθίνα – «лучшая часть добычи»). Опорой ему служат факторы вне текста – сообщения Геродота и Аммиана Марцеллина и визуальные свидетельства. Однако рассказ Геродота отличается от версии Еврипида и недостаточен для однозначного толкования. С учетом италийской локализации визуальных свидетельств (ваза из Кампании и римский саркофаг) можно предположить, что головы на стенах храма появились в одной из южноиталийских постановок или стали частью визуальной реализации сюжета о спасении Ифигении и Ореста под влиянием этрусков. Таким образом, «головы» – это не перевод, а интерпретация культурологического свойства, формирующая образ варварской страны, противопоставленной Элладе, один из элементов рецепции драм Еврипида в Италии. У нас есть два пути решения: либо мы допускаем у σκῦλα или ἀκροθίνα эксплицитное значение «головы» – и тогда нужно уточнение в словарях; либо мы рассматриваем это значение как позднее толкование, сложившееся под влиянием нескольких факторов, но тем не менее не являющееся неотъемлемой частью содержания и возможное не в переводе, но лишь в комментариях.

К л ю ч е в ы е с л о в а : жанр, интерпретация, сюжет, концепт «варварство», перевод, комментарий

Д л я ц и т и р о в а н и я : Забудская Я. Л. Изобретая варварство: переводы, комментарии и трактовки Eur. IT 74–75 // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.955

ВВЕДЕНИЕ

«Ифигения в Тавриде» Еврипида – трагедия до поры до времени малоисследованная [9: 62–65], [10: xxv], [15: 6], [19: 2], но в последнее время получившая множество трактовок. Эта драма несколько раз упоминается в «Поэтике» Аристотеля (1452 b 3–8, 1454 a 4–7, 1455 a 16–20) как пример лучшего узнавания (παῖδων δὲ βελτίστη ἀναγνώρισις) и строения сюжета в целом (1455 b 3–15), поэтому изначально она интересовала исследователей именно с точки зрения сюжетосложения. Еще одна проблема изучения «Ифигении в Тавриде» – проблема жанра: с конца XIX века в оценках исследователей появились такие версии, как «трагикомедия»,

романтическая драма (romance plot) или «мелодрама» [12: 446], [19: 6–12], трагедия интриги [19: 8], «трагедия спасения» (escape-tragedy) [8], [19: 6–55], travel tragedy (трагедия путешествия) [10: 48]². Когда разговор доходит до проблематики, интерпретируется она по-разному: традиционный для трагедии мотив божественной воли и тема противопоставления эллинства и варварства; проблема «обманчивого знания» (неверная интерпретация Ифигенией своего сна) [19: 283–285, 362–363], сближающая «Ифигению в Тавриде» с проблематикой «Царя Эдипа» Софокла; «ритуальное» прочтение – изображение обряда инициации [9: 55–56], [16: 300, 302]; мотив прекращения кровопролития (как челове-

ских жертвоприношений в Тавриде, так и череды убийств в роде Танталидов), указывающий на нравственно-этическую идею трагедии [5: 21–38]; патриотическая и проафинская направленность трагедии (роль Афины и связь сюжета с Атикой – учреждение праздника Кувшинов в честь Ореста и культа Артемиды в Галах и Бравроне [15: 26]); возможные политические намеки (на антидемократический проспартанский переворот в Аргосе [4: 120–124]); проблемы теодицеи [15: 14]; высказывалось также и предположение об отсутствии серьезного смыслового наполнения в драме, отражающей лишь желание драматурга создать эффектное сценическое действие, увлекательное для публики [14: 314].

* * *

Наряду с очевидным мотивом жертвоприношения не менее наглядно в «Ифигении Таврической» проступает мотив варварства. Он заявляется (подчеркнуто, усиливаясь повторением) в самом начале, когда Ифигения характеризует место, где она оказалась: «где у варваров правит варвар» (οὗ γῆς ἀνάσσει βαρβάροισι βάρβαρος 31). Далее мотив варварства звучит на протяжении всей драмы (180, 417, 629, 739, 775, 886, 906, 1086, 1170, 1174, 1112, 1337, 1400, 1422) и часто подчеркивается мотивом принятых в Тавриде человеческих жертвоприношений и противопоставлением с Элладой [5: 110–111]. Таким образом, «Ифигения в Тавриде» с точки зрения сюжета оказывается продолжением «Эвменид» (часть Эриний не приняли решения Ареопага, что и заставило Ореста отправиться в Тавриду) и одновременно противопоставляется этой трагедии Эсхила: при схожем сюжете (очищение Ореста после убийства матери при покровительстве Аполлона и Афины) место действия характеризуется противоположным образом: у Эсхила – Афины (редкий для трагедии случай), у Еврипида – далекая варварская страна.

Два основных мотива – варварство и жертвоприношение – обозначаются, как уже было сказано, в первом монологе Ифигении. Однако, упомянув и варварство, и обычай приносить в жертву чужеземцев (а точнее, эллинов), Ифигения большую часть своей речи посвящает, как это принято у Еврипида, широкому мифологическому контексту: краткому пересказу истории рода Танталидов / Пелопидов / Атридов и собственному мнимому (ὡς δοκεῖ, 8) жертвоприношению в Авлиде. Более узкий драматический контекст (причины появления Ореста в Тавриде) излагается во второй части пролога, диалоге Ореста и Пилада. Их же устами дается

и характеристика места действия: они описывают храм Артемиды и алтарь, где «льется греческая кровь» (Ἑλλην οὗ καταστάζει φόνος 72). Сам по себе антураж – вполне греческий: храм предстает как дорийский, украшенный колоннами и триглифами (113, 128–129, 405). Но есть одна деталь в описании алтаря, которая специфически характеризует это место, переводится по-разному и озадачивает комментаторов:

Ὁρέστης

θηρικοῖς δ' ὑπ' αὐτοῖς σκύλ' ὄραξ ἡρτημένα;

Πυλάδης

ἴδων καθανόντων γ' ἀκροθίνια ξένων.

В переводе И. Ф. Анненского³:

О.: Га. Головы пришельцев умерщвленных!

П.: Да глаз тут нужен да и глаз.

В переводе М. Л. Гаспарова [1: 273]:

О.: Доспехи ко стенам пригвождены...

П.: Добыча с тех, кто жертвой здесь погиб.

Если руководствоваться словарным значением (σκῦλον доспех), дословно Орест спрашивает у Пилада: *Видишь, под самым карнизом⁴ подвешены доспехи?* Пилад отвечает: *Это – лучшая часть добычи погибших чужеземцев.* Таким образом, «головы» можно бы счесть одной из многочисленных поэтических вольностей Анненского, однако в английских переводах мы видим схожие колебания. И в классическом переводе Маррея⁵, и современной версии Энн Карсон⁶ мы видим spoils, «доспехи»; в переводе Ковача⁷ – trophies, «трофеи». Впрочем, еще в одном недавнем переводе Теодоридиса⁸ появляются и головы, точнее, черепа. По-французски уклончивое dévouilles можно найти и в издании Арто⁹, и в переводе Леконта де Лилля¹⁰.

Откуда же у Анненского могли появиться «головы»? Конечно, при наличии большого количества переводов трагедии на европейские языки найти первоисточник довольно трудно, но некоторые предположения все же возможны. Первое указание на проблему толкования этого места нам удалось обнаружить в издании Джеррема¹¹: приведя ad. loc. основное значение доспехи, spoils, Джеррем высказывает сомнение, идет ли речь о доспехах или головах, и приводит для второй версии свидетельство Геродота (IV 103) об обычаях тавров: «τὴν δὲ κεφαλὴν ἀνασταυροῦσι», а для первой – мнение Шёне, что Еврипид отражает здесь греческий обычай вешать оружие поверженных врагов на стены храмов. Если же обратиться к комментарию самого Шёне, то картина здесь более интересная: Шёне, действительно, апеллирует к этому обычаю и приводит в качестве подкрепления фрагмент Аммиана Марцеллина XXII 8 34: «caesorum

capita fani parietibus praefigebant velut fortium perpetua monumenta facinorum»¹². Интересно, что для Шёне, очевидно, важна вторая часть свидетельства Марцеллина – «добыча дерзких подвигов» (die Beutesstücke kühner Thaten, fortium perpetua monumenta facinorum), но первая его часть (caesorum capita), видимо, наводит Джеррема на идею о возможности двойного толкования. «Ифигения-жрица» стала последней драмой Еврипида, переведенной Анненским, и вышла только в 1921 году [2: 376] в издании Сабашниковых (1916–1921), так что мы можем предположить и влияние Джеррема, и влияние Шёне, комментарии которых переиздавались неоднократно до смерти Анненского в 1909 году.

Впрочем, у Анненского был еще один источник, который мог повлиять и на него, а возможно, и на Шёне и Джеррема, – это «Орест» Джованни Ручеллаи. Трагедия, написанная в 1516 году, представляет собой парафраз «Ифигении в Тавриде» и, хотя не воспроизводит текст дословно и имеет отличия в сюжетосложении, содержит практически буквальные переводы отдельных строк Еврипида (например, уже приведенная выше фраза Ифигении о Фоанте οὗ γῆς ἀνάσσει βαρβάροισι βάρβαρος (31 *где у варваров правит варвар*) вкладывается в уста Ореста Barbar' uomo e di barbari tiranno (8)). В части, соответствующей нашему эпизоду (диалог Ореста и Пилада, в котором описывается местность и храм)¹³, являются искомые головы:

Pil. Che pende dal fastigio alto del tempio?

Or. O che veggio! Elle sono teste...

Пилад: *Что свисает с высокого фронтона храма?*

Орест: *О, что я вижу! Это головы...*

Таким образом, в переводе Анненского в равной мере могла отразиться и литературная традиция (статья, предварявшая перевод еврипидовской «Ифигении», была названа Анненским «Таврическая жрица у Еврипида, Ручеллаи и Гете»¹⁴), и изыскания комментаторов.

Какой же из переводов является более верным? Как уже было сказано, в словаре σκῦλον или во множественном числе σκῦλα – это «*до-спехи*». В ответе Пилада появляются ἀκροθίνια – «*лучшая часть, первые плоды*». Ни то, ни другое слово, если верить словарю, не используется со значением «голова» (возможно, исходная семантика первой части композита ἀκροθίνιον, ἄκρος, «верхний» могла повлиять на значение слова в целом, но в словаре это значение не фиксируется). Получается, что версия «голова», хоть и не частая в переводах, но принятая, периодически используемая в постановках¹⁵ и никем не оспоренная¹⁶, напрямую из текста не следует.

Это – толкование. Опорой ему служат факторы вне текста – сообщения Геродота и Аммиана Марцеллина и ряд визуальных свидетельств.

Влияние Геродота на текст Еврипида прослеживается достаточно отчетливо [11: 111–112]. Во-первых, сам этноним «тавры»¹⁷ до Геродота, скорее всего, не был известен, и все обитатели региона в представлении греков были скифами и только [11: 110]. Еврипид же на протяжении всей трагедии ни разу не упоминает скифов, смешение скифов и тавров в рассказах о судьбе Ифигении после Авлиды произойдет позже, а у Еврипида, который, по всей вероятности, и является изобретателем этого сюжета, присутствуют указания исключительно на тавров. Одним этнонимом дело не ограничивается: рассказ Геродота напоминают и описание храма, стоящего на высоком утесе рядом с морем, и ставший основой сюжета мотив жертвоприношения эллинов, и способ расправы с чужеземцами (Геродот рассказывает, что тела их сбрасывают со скалы, а головы насаживают на колья возле жилищ (4. 103) – Фоант грозит примерно тем же, только говорит о телах, а не головах (1429 λαβόντες αὐτοὺς ἢ κατὰ στύφλου πέτρας / ῥίψομεν, ἢ σκόλοψι πῆξομεν δέμας)). Однако заметны и отличия: в рассказе Геродота различаются «потерпевшие крушение в море эллины», приносимые в жертву Деве (θύουσι μὲν τῆ, Παρθένῳ τοὺς τε ναυηγούς καὶ τοὺς ἄν λάβωσι Ἑλλήνων ἐπαναχθέντες), и «захваченные в плен враги» (πολεμίους δὲ ἄνδρας τοὺς ἄν χειρώσονται), головы которых водружают над домами возле дымоходов (ἀποταμῶν ἕκαστος κεφαλὴν ἀποφέρεται ἐς τὰ οἰκία, ἔπειτα ἐπὶ ξύλου μεγάλου ἀνατείρας ἰστᾶ ὑπὲρ τῆς οἰκίης ὑπερέχουσαν πολλόν, μάλιστα δὲ ὑπὲρ τῆς καπνοδόκης). Об «украшении» головами храма Геродот все же не говорит, и Деву, которой посвящен таврический храм, он идентифицирует не с Артемидой, а с самой Ифигенией. Таким образом, Еврипид либо творчески переработал сведения Геродота, либо опирался и на другие, неизвестные нам источники [15: 21]. Учитывая свободное обращение автора трагедии с мифологической и религиозной традицией в отношении праздника Кружек и культов в Бравроне и Галах Арафенидских [10: 90], [15: 25–26], почему бы не предположить и для геродотовского текста искажений в интересах драматургии? Тем не менее, учитывая расхождение в деталях (жертвоприношение эллинов не предполагает отсечение голов), рассказ Геродота, очевидно, недостаточен для однозначного толкования «голова».

Дополнительным аргументом в пользу этого толкования выступает приведенное ad loc.

у Шёне свидетельство Аммиана Марцеллина XXII 8 34: «caesorum capita fani parietibus praefigebant velut fortium perpetua monumenta facinororum». Однако поздний текст Марцеллина, очевидно, не мог служить для Еврипида источником, скорее возникает вопрос, откуда информацию взял Марцеллин. Возможно, источником его стал все тот же Геродот, возможно, Еврипид (если мы допускаем, что семантика «головы» в его тексте была отчетливой для античного читателя).

Сторонники версии о головах апеллируют также к античным изображениям, прежде всего к вазам. Существует довольно большое количество vaz, посвященных эпизодам «Ифигении в Тавриде», прежде всего – сцене передачи письма и узнавания брата и сестры [10: 36, 74, 83–85], [17], и среди них есть только одно изображение, соответствующее нашей версии текста, то есть изображение головы рядом с храмом: на вазе из Кампании 330–320 гг. до н. э., хранящейся в Эрмитаже (В 2080 (W 1033)) [10: 90, fig. IV.7]. Южноиталийское происхождение вазы показательно (единственная афинская «иллюстрация» этого сюжета [10: 77, fig. IV.2] толкования «головы» не подтверждает). Соответствующую деталь мы находим также на этрусской урне [10: 138, fig. VII 2] и римском саркофаге [10: 152, fig. VII.7]. Таким образом, возможно также влияние на Марцеллина еще одной традиции, помимо литературной, – визуальной.

Картина получается достаточно запутанной, и путей разрешения можно увидеть несколько. Можно признать за σκῦλα или ἀκροθίτια словарное значение ‘головы’. Либо допустить, что «головы» – это часть сценической обстановки, не нуждавшейся в дополнительных описаниях, эвфемизм для смягчения картины, аналогичный «золотистым прядям» (ξάνθ’ ἔχει τριχόματα) крови (ἔξ αἰμάτων) на алтаре, на одну строку выше рассматриваемой. Но тогда возникает новый вопрос: почему такие туманные [7: 93] выражения? Ведь другие ритуальные элементы действия описываются подробно (191–193, 204, 207). В основе сюжета драмы Еврипида лежит мотив «спасение от варваров»¹⁸, а в качестве одного из аспектов проблематики, как уже говорилось, рассматривается противопоставление эллинства и варварства. Характеристики места действия здесь важны именно с драматургической точки зрения. Действие трагедии часто происходит в далекой стране, но в «Ифигении Таврической», как и в «Елене», еще одной «трагедии спасения», далекая страна отличается не просто удаленностью, но именно «варварством». В целом тавры

характеризуются вроде бы схожим с греками образом: у них есть полис, они почитают Артемиду и храм ее внешне похож на греческий, но пролитие греческой крови делает тавров варварами, а их страну – «анти-Элладой». Казалось бы, головы чужеземцев на алтаре или стенах храма – яркая иллюстрация «варварства», но и потом, когда угроза нарастает, Ифигения твердит о жертвоприношениях и молчит о висящих головах. Да, мотив слишком страшен (τὰ δ’ ἄλλα σιγῶ, τὴν θεὸν φοβουμένη, 37), но находились же у трагиков слова даже для пира Фиеста. Да и почему слова окажутся страшнее декораций, если мы признаем, что они были таковыми?

Скорее можно предположить, что головы появились в одной из поздних, южноиталийских постановок, подтверждение чему и кампанская ваза, и этруская урна, и римский саркофаг. Итальянские версии аттических драм содержали самого разного свойства отступления от оригиналов, в том числе и в трактовке образа варвара и понятия варварства. Сам по себе мотив человеческих жертвоприношений, с одной стороны, достаточно ярко характеризует тавров как варваров, но с другой – перекликается с преступлениями рода Танталидов [4: 115–116] и с примерами жертвоприношений греческого героического века, начиная с жертвоприношения самой Ифигении и продолжая ритуальным убийством троянских юношей у могилы Патрокла (Il. 18.334–337; 21.26–28; 23.22–23, 114–176) и жертвоприношением Поликсены и Макарии, изображенным Еврипидом в трагедиях «Гекуба» и «Гераклиды». Поэтому после сообщения Ифигении о деянии Ореста μητέρα κατεργάσαντο κοινῶν ὄξει реплика Фоанта Ἄπολλον, οὐδ’ ἐν βαρβάροις ἔτλη τις ἄν звучит иронично [18: 29], а Анненский в своей статье о Таврической жрице замечает: «...главная цель самой трагедии заключалась в стремлении проектировать грубость собственного прошлого в варварский мир». Так что «варварство» тавров должно было быть оттенено более контрастным образом. Видимо, так в более поздней постановке (южноиталийской или латинской адаптации) и появились головы – возможно, под влиянием не столько Геродота, сколько кельтских ритуалов, знакомых уже этрускам (вывод, сделанный Бонфанте на основании изучения этрусских саркофагов [6], [10: 138]). Еще одним утраченным для нас звеном может быть трагедия об Оресте (Doulourestes) Пакувия¹⁹, а дополнительным фактором – «эстетика ужасного» в трагедиях Сенеки [10: 165]. Так и сформировался образ, повлиявший на Марцеллина и вербально реализованный Ручеллаи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С учетом италийской локализации визуальных свидетельств можно предположить, что «головы» – это не перевод, а интерпретация культурологического свойства, один из элементов рецепции драм Еврипида в Италии, и не стоит относить их ко времени классической постановки V в. до н. э. Да и странно было бы ожидать, что италийские изображения эллинистического и позднеэллинистического времени будут вос-

производить сценографию афинской постановки эпохи классики. И так, у нас есть два пути решения: либо мы допускаем у σκῦλα или ἀκροθίνα эксплицитное значение «головы» – и тогда нам нужно уточнение в словарях; либо мы все же рассматриваем это значение как позднее толкование, сложившееся под влиянием нескольких факторов, но тем не менее не являющееся неотъемлемой частью содержания и возможное не в переводе, но лишь в комментарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В названии статьи перефразировано заглавие книги *Inventing the Barbarian* [11].
- ² Очевидно, что каждое из наименований-характеристик передает лишь один аспект из многих, отличающих такие трагедии, как «Ифигения в Тавриде», «Елена», «Ион» (иногда к этому списку примыкают также «Алкеста», «Орест» и «Ифигения в Авлиде»), от трагедии «классической».
- ³ Еврипид. Трагедии = ΤΡΑΓΩΙΔΙΑΙ: В 2 т. / Пер. И. Анненского; Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. М.: Наука: Ладомир, 1999. Т. 1. С. 499. (Литературные памятники).
- ⁴ Под самым карнизом – дословный перевод θρυκός δ' ὑπ' αὐτοῖς. «Карниз», «верхняя часть», «вершина» также дает повод для дискуссий: большинство предполагает, что речь идет об алтаре, так как описание храма дается позже и в нем уже никаких «доспехов» нет. Однако в остальных контекстах у Еврипида θρυκός всегда относится к стенам дворцов и никогда – к алтарям [7: 93].
- ⁵ Euripides' *Iphigenia in Tauris*. Translated into English verse, with explanatory notes, by Gilbert Murray. Oxford University Press, 1910.
ORESTES: And spoils of slaughtered men – there by the thatch.
PYLADES: Aye, first-fruits of the harvest, when they catch / Their strangers!
- ⁶ Euripides III: *Heracles, The Trojan Women, Iphigenia among the Taurians, Ion*. The Complete Greek Tragedies, David Grene and Richmond Lattimore (eds.) Third Edition by Mark Griffith and Glenn W. Most. The University of Chicago Press, 2013.
ORESTES: And do you see spoils hanging from the top?
PYLADES: Spoils from foreigners who died here.
- ⁷ Euripides Volume IV. Loeb Classical Library 10. *Trojan Women. Iphigenia among the Taurians. Ion*. Edited and translated by David Kovacs. Cambridge, MA, 1999: 'and right under the top, do you see trophies hanging?'
- ⁸ Euripides. Vol. II. *Iphigeneia in Aulis and Three Other Plays (Iphigeneia in Tauris, Elektra, and Hekabe)*. Transl. by George Theodoridis, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bacchicstage.wordpress.com/euripides/iphigeneia-in-auris/> (дата обращения 14.08.2023).
Orestes: Look up there! Look at all the prizes hanging up there, under the eves!
Pylades: Human skulls! Skulls of men who were sacrificed! Watch out, Orestes!
- ⁹ *Tragédies d'Euripide traduites du grec par M. Artaud: Iphigénie en Aulide. Iphigénies en Tauride. Les Troyennes. Les Bacchantes. Les Héraclides. Rhésus. Hélène. Ion. Hercule furieux. Électre*. Paris, Charpentiere, 1842.
ORESTE: Vois-tu des dépouilles suspendues à la corniche?
PYLADE: Ce sont les tristes restes des étrangers immolés.
- ¹⁰ *Leconte de Lisle. Euripide: traduction nouvelle. Tome second. Iphigénéia chez les Taures. Rhésos. Les Trôïades. Les Bakkhantes. Les Hérakléides. Hélène. Iôn. Héraklès furieux. Élektra. Le Kyklôps*. Paris. A. Lemerre, 1884.
ORESTE: Vois-tu ces dépouilles suspendues aux corniches du Temple?
PYLADE: Ce sont des dépouilles des étrangers égorgés.
- ¹¹ Euripides. *Iphigenia in Tauris*. Edited with Introduction, Notes, and Critical Appendix by C. S. Jerram. Oxford: Clarendon Press, 1930. (Первое издание – 1885).
- ¹² *Iphigenia in Taurien. Erklärt von F. G. Schöne. Ausgewählte Tragödien des Euripides. Zweites Bändchen*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1863. S.10.
- ¹³ *L'Oreste tragedia di monsignor Giovanni Rucellai*. Roma MDCCXXVI. P. 5.
- ¹⁴ Анненский И. Ф. Таврическая жрица у Еврипида, Ручелаи и Гете // *Гермес*. 1910. Т. VII. № 14 (60). 15 сент. С. 359–364; № 16 (62). 15 окт. С. 416–422; № 17 (63). 1 ноября. С. 442–454; № 18 (64). 15 ноября. С. 468–472; № 19 (65). 1 дек. С. 492–499.
- ¹⁵ Например, в постановке 1933 года в Сиракузах [10: 28].
- ¹⁶ См., например, [13: 218], где, как и у Джеррема, допускаются обе версии.
- ¹⁷ Заметим, что общепринятый русский перевод названия драмы Еврипида не является точным. Ἰφιγένεια ἐν Ταύροις – это, скорее, «Ифигения среди тавров» (название «Таврида» отсутствует у Еврипида и не зафиксировано ни в одном античном источнике [16: 3, п. 1]). Впрочем, уточняющие дополнения к именам героев в названиях трагедий были добавлены, скорее всего, в эллинистическую эпоху: к середине IV в. до н. э. принцип уточняющего подзаголовка еще не установился [3: 297–298].

- ¹⁸ «Умоляющие» Эсхила, история с циклопом в «Одиссее» и в сатировой драме Еврипида, в «Елене», «Андромеде» и пародийно в «Фесмофориазусах» Аристофана [10: 121–122].
- ¹⁹ Cicero, Brutus 64, 229; Cicero, De amicitia 40.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М. Л. Начало «Ифигении в Тавриде» Еврипида // Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского. М.: ИМЛИ АН СССР: Наука, 1972. С. 269–276.
2. Гитин В. Е. «Театр Еврипида» Иннокентия Федоровича Анненского // Иннокентий Анненский. Театр Еврипида. СПб.: Гиперион, 2007. С. 359–392.
3. Забудская Я. Л. «Поэтика заглавий» и названия греческой драмы // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2014. Vol. XVIII. С. 295–305.
4. Никольский Б. М. «Ифигения в Тавриде» Еврипида и внешняя политика Афин // ШАГИ / STEPS. 2017. № 3 (4). С. 107–127.
5. Belfiore E. Murder among friends: Violation of philia in Greek tragedy. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 282 p.
6. Bonfante L. Human sacrifice on an Etruscan funerary urn // American Journal of Archaeology. 1984. Vol. 88, № 4 (Oct.). P. 531–539.
7. Bremmer Jan N. Human sacrifice in Euripides' *Iphigenia in Tauris*: Greek and barbarian // Sacrifices humans: Perspectives croisées et représentations. Bonnechere P. (dir.); Gagné R. (dir.). Nouvelle édition [en ligne]. Liège: Presses universitaires de Liège, 2013. P. 87–100. Disponible sur Internet : <<http://books.openedition.org/pulg/8088>>.
8. Burnett A. P. Catastrophe survived: Euripides' plays of mixed reversal. Oxford: Clarendon Press, 1971. 234 p.
9. Cropp M. J. Euripides: *Iphigenia in Tauris*. Warminster: Aris and Phillips, 2000. 283 p.
10. Hall E. Adventures with Iphigenia in Tauris: A cultural history of Euripides' Black Sea tragedy. Oxford University Press, 2013. 230 p.
11. Hall E. Inventing the barbarian. Greek self-definition through tragedy. Oxford: Clarendon Press, 1989. 277 p.
12. Karamanou I. Fragments and lost tragedies: Alexandros and later Euripidean tragedy // Brill's companion to Euripides. Leiden, The Netherlands: Brill, 2020. P. 440–464.
13. Ketterer R. C. Skēnē, Altar and image in Euripides' *Iphigenia among the Taurians* // Performance in Greek and Roman theatre. Harrison G., Liapis V. (Eds.). Mnemosyne. Vol. 353. Brill, 2013. P. 218–220.
14. Kitto H. D. F. Greek tragedy. 3rd ed. London: Methuen, 1961.
15. Kyriakou P. A commentary on Euripides' *Iphigenia in Tauris*. Berlin; New York: De Gruyter, 2006. 504 p.
16. Rabinowitz N. S. Iphigenia among the Taurians // Brill's companion to Euripides. Leiden, The Netherlands: Brill, 2020. P. 299–319.
17. Rodríguez G. The myth of Iphigenia in fourth-century funerary vases of southern Italy. Res. Vol. 77–78. Spring-Autumn 2022. DOI: <https://doi.org/10.1086/719761>
18. Whitman C. H. Euripides and the full circle of myth. Cambridge, Mass., 1974. 152 p.
19. Wright M. Euripides' escape-tragedies. A study of *Helen*, *Andromeda* and *Iphigenia among the Taurians*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. 433 p.

Поступила в редакцию 25.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Yana L. Zabudskaya, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Associate Professor, Shenzhen MSU-BIT University (Shenzhen, People's Republic of China)
yanazabud@mail.ru

INVENTING BARBARITY: TRANSLATIONS, COMMENTARIES, AND INTERPRETATIONS OF EURIPIDES' IT 74–5

Abstract. The goal of the paper is to clarify the meaning of lines 74 and 75 in Euripides' tragedy *Iphigenia in Tauris*. The novelty of the work lies in the comparison of commentaries and translations of the fragment and the comprehensive analysis of materials and “extratextual” factors, while the relevance is due to the appearance of new translations of Euripides. The word “heads” present in the translated description of the altar of the Temple of Artemis in IT 74–5, which appears in a number of editions, does not stem directly from the text (the dictionary meaning of σκεῦλα is “armor”, while ἀκροθίνα means “the best part”). But it is supported by the reports of Herodotus and Ammianus Marcellinus, as well as by some visual evidence. Herodotus' narrative, however, differs from Euripides' version and is not sufficient for unambiguous interpretation. Considering the Italian localization of the visual evidence (a vase from Campania and a Roman sarcophagus), we can assume that the heads on the walls of the temple appeared in one of the South Italian stagings or

became part of the visual realization of the plot of Iphigenia and Orestes' rescue under the influence of the Etruscans. Thus, the word "heads" is not a translation, but a culturological interpretation, one of the elements of the reception of Euripides' dramas in Italy, forming an image of a barbarian country opposed to Hellas. So, there are two solutions here: we either allow $\sigma\kappa\acute{\alpha}\lambda\alpha$ or $\acute{\alpha}\kappa\rho\theta\acute{\iota}\nu\iota\alpha$ to have an explicit meaning of "head" – and then we need the corresponding specification in the dictionaries; or we consider this meaning as a late interpretation formed under the influence of several factors, but nevertheless not an integral part of the content and acceptable not in translation, but only in commentary.

Key words: genre, interpretation, plot, concept of "barbarity", translation, commentary

For citation: Zabudskaya, Ya. L. Inventing barbarity: translations, commentaries, and interpretations of Euripides' *IT* 74–5. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):36–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.955

REFERENCES

1. Gasparov, M. L. The beginning of Euripides' *Iphigenia in Tauris*. *Antiquity and modernity*. Moscow, 1972. P. 269–276. (In Russ.)
2. Gitin, V. E. "Theater of Euripides" of Innokentiy Fedorovich Annensky. *Innokentiy Annensky. Theater of Euripides*. St. Petersburg, 2007. P. 359–392. (In Russ.)
3. Zabudskaya, Ya. L. "Poetics of titles" and the titles of Greek tragedies. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2014;XVIII:295–305. (In Russ.)
4. Nikolsky, B. M. Euripides' *Iphigenia in Tauris* and Athenian foreign policy. *STEPS*. 2017;3(4):107–127. (In Russ.)
5. Belfiore, E. Murder among friends: Violation of philia in Greek tragedy. Oxford, 2000. 282 p.
6. Bonfante, L. Human sacrifice on an Etruscan funerary urn. *American Journal of Archaeology*. 1984;88(4):531–539.
7. Bremmer, Jan N. Human sacrifice in Euripides' *Iphigenia in Tauris*: Greek and barbarian. *Sacrifices humains: Perspectives croisées et représentations*. Bonnechere P. (dir.); Gagné R. (dir.). Nouvelle édition [en ligne]. Liège, 2013. P. 87–100. Disponible sur Internet: <http://books.openedition.org/pulg/8088>.
8. Burnett, A. P. Catastrophe survived: Euripides' plays of mixed reversal. Oxford, 1971. 234 p.
9. Cropp, M. J. Euripides: *Iphigenia in Tauris*. Warminster, 2000. 283 p.
10. Hall, E. Adventures with Iphigenia in Tauris: A cultural history of Euripides' Black Sea tragedy. Oxford University Press, 2013. 230 p.
11. Hall, E. Inventing the barbarian. Greek self-definition through tragedy. Oxford, 1989. 277 p.
12. Karanou, I. Fragments and lost tragedies: Alexandros and later Euripidean tragedy. Brill's companion to Euripides. Leiden, The Netherlands, 2020. P. 440–464.
13. Ketterer, R. C. Skēnē, Altar and image in Euripides' *Iphigenia among the Taurians*. *Performance in Greek and Roman theatre*. (G. Harrison, V. Liapis, Eds.). Mnemosyne. Vol. 353. Brill, 2013. P. 218–220.
14. Kitto, H. D. F. Greek tragedy. 3rd ed. London, 1961.
15. Kyriakou, P. A commentary on Euripides' *Iphigenia in Tauris*. Berlin; New York, 2006. 504 p.
16. Rabinowitz, N. S. Iphigenia among the Taurians. Brill's companion to Euripides. Leiden, The Netherlands, 2020. P. 299–319.
17. Rodriguez, G. The myth of Iphigenia in fourth-century funerary vases of southern Italy. *Res*. Vol. 77–78. Spring-Autumn 2022. DOI: <https://doi.org/10.1086/719761>
18. Whitman, C. H. Euripides and the full circle of myth. Cambridge, Mass., 1974. 152 p.
19. Wright, M. Euripides' escape-tragedies. A study of *Helen*, *Andromeda* and *Iphigenia among the Taurians*. Oxford, 2005. 433 p.

Received: 25 August 2023; accepted: 29 September 2023

ЮЛИЯ ТАРАСОВНА ЛЕЙБЕНСОН

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия»
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Российская Федерация)
BeyleGamarnik@yandex.ru

ЭМИР РУСТЕМОВИЧ МАМУДОВ

студент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия»
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Российская Федерация)
emiremirrych@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ТЕКСТОВ «HERMENEUMATA PSEUDODOSITHEANA»

А н н о т а ц и я . Статья посвящена лексическим соответствиям, заимствованиям и калькам в текстах двуязычного памятника учебной литературы поздней Античности «Hermeneumata Pseudodositheana» («Толкования Псевдо-Досифея»). Актуальность темы заключается в безусловном интересе, который представляют для историко-филологического исследования различные редакции сборника, фиксирующие исторические, правовые, религиозные реалии поздней Античности. Целью является анализ различных видов взаимодействий греческого и латинского языков, отраженных в корпусе «Толкований». В текстах сборника, имеющих различное содержание (нормы права, мифология, гномическая литература, тематические и алфавитные словари, разговорники), были выявлены лексические греко-латинские соответствия в сфере политики и государственного устройства, права, экономики, культуры, религии, мифологии, быта. В статье продемонстрировано, что заимствование лексики латинского языка греческим характерно главным образом для правовой и политической сфер. Однако эта тенденция не была устойчивой: для латинских магистратур и юридических терминов использовались греческие аналогии, притом не обязательно точные. Мифолого-религиозные соответствия, где наблюдается преобладание заимствований латинским языком значительного пласта греческой лексики и ономастики, также были вариативными и разнятся в различных редакциях. Долгая трансформация текстов сборника привела не только к появлению греко-латинских соответствий, но и к заимствованию понятий из восточных культур: финикийской, египетской и еврейской (последнее, вероятно, через распространение христианства). В статье впервые продемонстрированы примеры такого взаимодействия греческого, латинского и семитских языков в корпусе «Толкований Псевдо-Досифея».

К л ю ч е в ы е с л о в а : Античность, латинский язык, греческий язык, лексика, Hermeneumata Pseudodositheana («Толкования Псевдо-Досифея»)

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лейбенсон Ю. Т., Мамудов Э. Р. Лексические и культурно-исторические реалии текстов «Hermeneumata Pseudodositheana» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.956

ВВЕДЕНИЕ

«Hermeneumata Pseudodositheana» («Толкования Псевдо-Досифея») – двуязычный греко-латинский памятник, сборник учебных текстов, по всей видимости, предназначавшийся для обучения латинскому и греческому языкам посредством параллельного размещения текстов. Свое

название памятник получил по наименованию первой найденной рукописи, авторство которой было приписано некоему учителю грамматики III–IV веков Досифею. Корпус, по всей видимости, сложился в конце II–VI веке и трансформировался вплоть до XVI века. В итоге сохранилось более 50 списков, относящихся при-

мерно к 6–10 различным редакциям (версиям) [1: 122–123], [2: 16–20].

Hermeneumata в наиболее полном варианте включает следующий набор текстов: а) диалоги (коллоквиумы) на повседневные темы; б) алфавитные и тематические словари; в) *Divi Adriani sententiae et epistulae* («Адриановы сентенции» или «Суждения и письма Божественного Адриана»; г) 18 басен, приписанных Эзопу; д) 32 кратких изречения дельфийских мудрецов; е) ответы индийских «гимнософистов» Александру Великому (*Responsa sapientium*); ж) сочинение о процедуре отпущения рабов на волю (*Tractatus de manumissionibus*); з) фрагменты «Генеалогий» Гигина (*Hugini genealogia*); и) прозаический пересказ «Илиады» Гомера¹ [3].

Поскольку тексты «Hermeneumata Pseudodositheana» представлены в греческом и латинском вариантах, дериваты и лексические соответствия являются замечательными примерами отражения культурных, политических, социально-экономических реалий поздней Римской империи².

МАГИСТРАТУРЫ ГРАЖДАНСКИЕ И ВОЕННЫЕ

Латинское слово *imperator* передается в «Hermeneumata Pseudodositheana» греческим *αὐτοκράτωρ*, что соответствует традиции передачи титула римского монарха (напр.: *Plut. Galba, 1*). В текстах сборника (в частности, в «Адриановых сентенциях») встречается устойчивая форма обращения к императору *Domine imperator*, соответствующее в греческом тексте *Κύριε αὐτοκράτωρ*. Кроме того, в словарях (в частности, в версии *Montepessulana*) обнаруживается соответствие *βασιλεύς = imperator*³.

В латинском варианте текста «Адриановых сентенций» Адриана именуют принцепсом (лат. *princeps*), в греческом этому слову соответствует *ἄρχων* (то есть ‘архонт, правитель’). Примечательно, что в глоссарии версии *Montepessulana* *princeps* соотнесен с терминами *μοναρχος* и *εβάρκος*. При этом *εβάρκος* соответствует также префекту (*praefectus*⁴). Это вполне устоявшееся соответствие: византийский *ἐπαρχος τῆς πόλεως* (‘эпарх города’) – наследник позднеримского *praefecrus urbi*⁵. Примечательно, что в глоссарии по версии *Montepessulana* наименование наиболее важной гражданской административной должности в поздней Римской империи – префект претория (*praefectus praetorio*) соответствует *επαρχος πραιτωριον*⁶. При этом для «префекта» греческий аналог находится, а латинский термин «преторий» (*praetorium*) заимствуется. Кроме того, встречается и следую-

щее соответствие: *praefectus aerarii = ἐπαρχος γαζοφυλακίου* (букв. ‘эпарх казны’).

Латинское наименование должности претора (*praetor*) передается в текстах «Hermeneumata» также с помощью двух греческих терминов: *πραιτωρ* (то есть буквальное заимствование) или *στρατηγός*. Передача латинского термина «претор» на греческий не была устоявшейся. Это объясняется, вероятно, расхождением функций древнегреческого стратега и римского претора: преторская магистратура включала военные, судебные, порой экстраординарные обязанности. Тем не менее у античных авторов встречается такое соответствие: Тит Ливий называет стратега ахейцев претором (*Liv. XXXV, 26*); Цицерон, обращаясь к сюжету о Перикле и Софокле, именует их обоими преторами, что соответствует греческой стратегии (*Cic. De off. I, 144*).

Магистратура проконсула (*proconsul*) в текстах «Толкований» передается греческим термином *ἀνθύπατος*. Этот термин образован от греч. *ὑπάτος* ‘владыка’, как и в случае с проконсулом, путем прибавления приставки. В словарях «Толкований» приводится соответствие греческого *ὑπάτος* и латинского *consul*⁷, что совпадает и со словоупотреблением в памятниках исторической литературы (например, у Диодора Сицилийского – *Diod. Sic. XXIII, 1*).

Прокуратору (*procurator*) в текстах «Hermeneumata» соответствует *ἐπίτροπος*⁸. Обе должности так или иначе связаны с управлением имуществом; постепенно, с расширением императорской власти, прокураторы получали все большее значение, вплоть до заведования императорским имуществом и его фиском, назначения в провинции; эпитропы же в греко-византийском праве известны как управители имущества.

Декуриону (*decurio*; командир кавалерийского подразделения) соответствует *πρωτοπολίτης* (букв. ‘первый гражданин’) [3: 189]. Это соответствие довольно интересно, потому как данному латинскому термину обычными греческими эквивалентами являются *βουλευτής* и *δεκουρίων* [3: 254].

Греко-латинские аналогии в номинации магистратур были достаточно устойчивы, закрепились в эпиграфических памятниках⁹. Как в ряде греческих надписей имперского периода, так и в словарях «Hermeneumata» (в частности, редакции *Montepessulana*) обнаруживаются устоявшиеся соответствия для обозначения титулатуры императора: *σεβαστός = augustus*, *ἀρχιερεὺς μέγιστος = pontifex maximus*, *δήμαρχος = tribunus plebis*, *αὐτοκράτωρ = imperator*, *ὑπάτος = consul*, *τιμητής = censor*¹⁰.

Еще одна интересная особенность перевода общественно-политической лексики – описательные модели для передачи форм правления в латинском языке. В глоссарии версии Einsidlensia монархия интерпретирована как «господство одного достойного» (*μοναρχία = principatus unius boni*), тирания как «господство одного недостойного» (*τυραννίς = principatus unius mali*), а олигархия – «господство немногих недостойных граждан» (*ὀλιγαρχία = principatus paucorum civium malorum*).

ПРАВОВАЯ ЛЕКСИКА

Терминология из римского права зачастую ожидаемо заимствовалась в греческих текстах. Однако находились в греческом языке и аналоги. Кроме того, в текстах «Толкований Псевдо-Досифея» встречается интересное калькирование. Подобные случаи находим в глоссариях различных редакций, а также в текстах «Адриановых сентенций» и трактате «О манумиссиях».

Термин, обозначающий гражданское право, выражен соответствиями: *ius civilis = ius quirritum = δίκαιος πολιτικός*¹¹. Тексты правового характера содержат греческие аналогии для таких терминов римского права, как: отпуск раба на волю (*manumissia = ἀπελευθερία*; при этом *ἀπελευθερος = libertus*); процедура освобождения *vindicta* (фактически – жезл претора, которым он касался головы раба) = *προσαγωγή* (приведение, возведение); содержание иждивенца (*alimenta = τροφή*); имущественный ценз (*census = ἀποτίμησις*), опекуновское поручительство (*auctoritas = αὐθεντία*), залог (*pignus = ὑπόθήκη*) и ряда других понятий¹².

Интересно лексическое соответствие термина *advocates = συνήγορος*. Институт древнегреческой синегории (то есть адвокатской прослойки – защитников на суде, за вознаграждение писавших речи и дававших консультации) известен с классического периода. Кроме того, в глоссарии версии Stephani встречается соответствие *συνήγορος = patronus causae* (более архаичное наименование защитника, употреблявшееся до установления Империи).

Греческому сикофанту (*συκοφάντης*) соответствует *calumniator*¹³ («клеветник, лжесвидетель») в словарях *Hermeneumata Leidensia*.

Римский институт патроната не находил явного соответствия в греческих реалиях и языке, поэтому для слова «патрон» (лат. *patronus*) в греческом тексте закона о манумиссиях использовано заимствование *πάτρων*. Заимствованы и такие понятия, как «Юниевы латины» и «латины-колониарии», то есть категории вольноотпу-

щенников (получивших права по закону Юния, принятому при императоре Тибериусе) и коренных жителей колоний: *Latini Iuniani = Λατῖνοι Ἰουνιανοί*, *Latini colonarii = Λατῖνοι κολωνάριοι*. Примечательна калька в греческом тексте, соответствующая римскому узуфрукту (праву пользования имуществом с получением дохода): *usus et fructus = ἡ χρῆσις καὶ ὁ καρπός*¹⁴.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА

Некоторые немногочисленные лексические соответствия и заимствования экономического и бытового порядка также встречаются в текстах «Hermeneumata Pseudodositheana». Так, денарий (*denarius*) передается в греческом варианте текста в ряде случаев как греч. *δραχμή* – драхма. Выбор лексики составителем текста вполне объясним: вес римского денария (по крайней мере, периода Республики) и аттической драхмы сопоставим. В первом случае это около 4,55 г, во втором – 4,36 г. В то же время в тексте встречается заимствование *δηνάριον*¹⁵. Это лексическое заимствование широко известно и по другим письменным источникам. Так, *δηνάριον* встречается в текстах Нового Завета (Мф. 20:2, Мк. 12:15, Лк. 20:24, Ин. 12:5).

Примечательно и заимствование в греческом варианте текста названия особой формы солдатских полусапог – *caligae* («калиги»). В греческом варианте калиги названы *καλίγια*. В другом же случае встречается довольно интересно подобранное лексическое соответствие – *σανδάλια*, соотносящееся с уменьшительно-ласкательной формой *caligula*¹⁶.

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

В глоссариях и текстах для чтения корпуса «Hermeneumata» представлен и мир богов. Греко-латинские соответствия содержатся в глоссариях, «Генеалогиях» Гигина и повести о Троянской войне. В «Генеалогиях» греческие божества, находящие аналогии в римском пантеоне, ожидаемо в латинской части текста передаются римскими именами: *Ζεύς = Iuppiter*, *Ήρα = Iuno*, *Αφροδίτη = Venus*, *Άρης = Mars* и т. д. Имена немногочисленных богов, не находящихся соответствия в римской мифологии, а также практически всех героев и названия мифических существ переданы без изменений в латинской графике: например, *Άπόλλων = Apollo*, *Μοῦσαι = Mousae*, *Προμηθεύς = Prometheus*, *Δαίδαλος = Daedalus*, *κένταυρος = centaurus*. Так же поступают переводчики и в повествовании о Троянской войне: при имеющихся соответствиях *Ζεύς = Iuppiter* и *Ποσειδῶν = Neptunus*

имена всех греческих и троянских героев передаются в латинском тексте без изменений¹⁷.

Глоссарии значительно дополняют картину религиозно-мифологических соответствий. Так, в редакциях *Leidensia*, *Amploniana*, *Einsidlensia*, *Monacensia* и *Montepessulana* в разделе «*ὀνόματα θεῶν* = *nomina deorum*» содержатся не только имена божеств, но и эпитеты, относящиеся к группам божеств. Например, в версии *Einsidlensia* предлагаются эпитеты: бессмертные (*οἱ θεοὶ ἀθάνατοι* = *dii immortalis*), благосклонные (*οἱ θεοὶ ἴλαρι* = *dii propitii*), подземные, то есть маны (*οἱ θεοὶ ὑπόγειοι ἢ καθ'αχθόνιοι* = *manes*), домашние, то есть лары или гении (*οἱ θεοὶ κατοικίδιοι* = *lares, genii*), отеческие, то есть пенаты (*οἱ θεοὶ πατρῶοι* = *penates*).

Словарные перечни богов показывают, что заимствование имен божеств в редких случаях могло происходить не только из греческого языка в латинский, но и наоборот: *ὁ Σίλβανος* = *Silvanus*.

Перечень богов неодинаков в различных редакциях текста. В некоторые включены популярные в греко-римском мире малоазиатские и египетские божества: Адонис, Серапис, Исида. При этом передача имени египетской богини также различна. Если в версиях *Montepessulana*, *Amploniana* *Εἰσις* = *Hisis* = *Isis*, то в *Stephani* *Ισις* = *Φαρία* (очевидно, имеется в виду эпитет Фаросская)¹⁸.

В глоссарии (в *Leidensia* и *Amploniana*) попало даже слово *beutylos* = *abbadir*, означающее в финикийском культе одно из божеств или камень, упавший с неба и являющийся обиталищем божества. В греческой мифологии слово *βαίτυλος* было заимствовано для обозначения камня, который Рея скормила Кроносу вместо младенца Зевса (камень этот хранился в дельфийском святилище – Paus. X. 24. 5). Но латинского соответствия для термина не было¹⁹.

Поскольку корпус «*Hermeneumata*» складывался из различных и разновременных текстов, между глоссариями и текстами для чтения возникли противоречия. Так, в басне «О больном»²⁰, приписанной Эзопу, и для Аида (в значении подземного царства), и для Харона находится один латинский аналог – *Orcus*. При этом *Monacensia* все же предлагает разграничивать название подземного царства и имя его обитателя: *caron* = *orcus*, *adis* = *inferi*. Подобным же образом в «Генеалогиях» Гигина мы видим заимствования греческого слова «музы», *Μοῦσαι* = *Musae*. Но в глоссарии *Monacensia* для Муз предлагается латинский аналог: *muse* = *camene*²¹.

ИННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

В глоссариях корпуса «*Hermeneumata*» обнаруживается не только греко-латинское языковое взаимодействие. Как было отмечено выше, в разделе с именами божеств попало слово финикийского происхождения. Еще более пестрая картина

представлена в словарях редакций *Leidensia* и *Einsidlensia*, где содержатся разделы с сопоставлением месяцев различных греческих и римского юлианского календарей, а также календарей еврейского и египетского. При этом для еврейских месяцев найдены соответствия в юлианском календаре, а египетские месяцы переданы в греческой графике, но без соответствий²².

Вот как выглядит передача месяцев еврейского календаря в греческой (по версии *Einsidlensia*) и латинской (по *Leidensia*) графике вместе с соответствующими месяцами юлианского календаря:

μῆνες Ἑβραίων, menses Hebraeorum
νησαν = *nisan* = *martius*, то есть нисан (ניסן),
ο ἰάρ = *isar* = *aprilis*²³, то есть ияр (יאר),
σιεθονάν = *siuan* = *maius*, то есть сиван (סיון),
θαμνί = *thamnus* = *iunius*, то есть таммуз (תמוז),
ἄβ = *dustrus*²⁴ = *iulius*, то есть ав (אב),
ἐλουλ = *elul* = *augustus*, то есть элул (אלול),
θερσί = *thisri* = *september*, то есть тишрей (תשרי),
μουρσονάν = *marisan* = *october*, то есть хешван (חשוון) = мархешван (מרשון),
χασαλεν = *casleu* = *november*, то есть кислев (כסלו),
τεβέθ = *thesbeth* = *december*, то есть тевет (טבת),
σαβάθ = *sabath* = *ianuarius*, то есть шеват (שבט),
ἀδάρ = *adar* = *februarius*, то есть адар (אדר).

Несмотря на то что в еврейском календаре, как и в юлианском, 12 месяцев, это соответствие лишь условно. Месяцы лунно-солнечного еврейского календаря не совпадают с месяцами солнечного юлианского. Кроме того, еврейский год имеет подвижную дату новолетия. Можно лишь указать, что нисан примерно соответствует марту – апрелю, ияр – апрелю – маю и т. д. Однако сам по себе интерес составителя глоссария к еврейскому календарю примечателен.

Месяцы египетского календаря (*μῆνες Αἴγυπτίων* = *menses Aegyptiorum*) переданы только в версии *Einsidlensia*:

τοβί, то есть тиби,
χωίχ,
φαμενώθ, то есть фаменот,
φαρμονθί, то есть фармути,
μενωά,
*ζωρυχ*²⁵,
ἐπιφί, то есть эпифи,
месорί, то есть месори,
θωθ, то есть тот,
φωφί, то есть фаофи,
αθίρ, то есть атир,
χοιάχ, то есть хойяк.

Интерес к египетской культуре характерен для всей античной эпохи, поэтому проникновение египетских месяцев в греко-латинские глоссарии не особенно удивительно. Перечисление же месяцев еврейского календаря смотрится несколько неожиданно и может быть объяснено поверхностной «христианизацией» текста глоссариев. Это пред-

положение подтверждается наличием в глоссарии Einsidlesia разделов «*περὶ τῶν ἀγγέλων = de angelis*» и «*περὶ τῶν ἐν τῷ Αἰδῆ = de iis quae in inferno*»²⁶.

В разделе об ангелах перечислены хоры (*χοροὶ = chori*) или разряды (*τάγματα, τάξεις = ordines*) небесных жителей: ангелы, архангелы, силы (*δυνάμεις = virtutes*), власти (*ἐξουσίαι = potestates*), начала (*ἀρχαί = principatus*), господства (*κυριότητες = dominationes*), престолы (*θρόνοι = throni*), херувимы (*τὰ χερουβεὶμ = cherubim*), серафимы (*τὰ σεραφεὶμ = seraphim*) – шестикрылые (*τὰ ἑξαπτέρυγα*) и многоочитые (*τὰ πολυόμματα*). Этот перечень ангелов отсылает именно к христианской традиции, в одном из ранних вариантов выраженной в «Апостольских постановлениях» (VII. 35). В разделе, посвященном обитателям и топографии подземного царства, наряду с Эвменидами (*αἱ Εὐμενίδες = Eumenides, Furiae*), Мойрами (*αἱ Μοῖραι, αἱ Κῆρες = Parcae*) и Летой (*ἡ Λήθη = Oblivio*) упомянуты Дьявол (*ὁ Διάβολος = Calumniator, Diabolus*), Велиар (*ὁ Βελίαρ = Beliar*) и Геенна (*ἡ Γέεννα = Geenna*).

ВЫВОДЫ

Таким образом, в «Толкованиях Псевдо-Досифея» не очень системно, калейдоскопически, но явственно отражен поликультурный мир поздней Империи. Тексты «Hermeneumata Pseudodositheana» демонстрируют, как обширный пласт лексики философского, научного, религиозно-мифологического характера заимствовался латинским языком из греческого. В то же время термины из политической и правовой практики неизбежно проникали в греческий язык из латыни. Этот процесс показывает, какой язык, а соответственно, и стоящая за ним культурная общность доминировали в определенной сфере. Кроме того, отдельные редакции «Толкований Псевдо-Досифея» отражают интерес позднеантичного мира к восточным культурам, чья терминология выборочно проникала в греко-латинские лексиконы. Тексты «Hermeneumata Pseudodositheana», безусловно, открывают перспективу дальнейшего историко-филологического изучения этих процессов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Об изданиях и исследовании памятника см. также: *Hermeneumata Pseudodositheana Leidensia* / Ed.: G. Flammini. Munchen; Lipsiae: In aedibus K. G. Saur, 2004. 125 p.
- ² Все лексемы далее приводятся по изданиям: *Dosithei Magistri Interpretamentorum: Liber Tertius* / Ed. Böcking. Bonnae: Apud A. Marcum, 1832. 121 p.; *Corpus Glossariorum Latinorum* / Ed.: G. Goetz. Lipsiae: In aedibus V. G. Teubneri, 1892. Vol. 3: *Hermeneumata Pseudodositheana. Hermeneumata Medicobotanica*. 659 p.
- ³ *Corpus Glossariorum Latinorum*. 1892. P. 17–18, 44, 297. Это соответствие хорошо подкрепляется византийской историей: термин αὐτοκράτωρ использовался как официальный греческий перевод слова «император» до 629 года – принятия греческого титула βασιλεὺς императором Ираклием; позже произошло возрождение этой титулатуры в форме βασιλεὺς [καὶ] αὐτοκράτωρ.
- ⁴ *Dosithei Magistri Interpretamentorum: Liber Tertius* / Ed. Böcking. Bonnae: Apud A. Marcum, 1832. P. 3, 4, 7, 11.
- ⁵ *The Oxford Dictionary of Byzantium* / Ed. by: A. P. Kazhdan. Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 705.
- ⁶ *Corpus Glossariorum Latinorum*. 1892. P. 298.
- ⁷ Там же. P. 25, 182, 275, 297, 362.
- ⁸ *Dosithei Magistri Interpretamentorum*. 1832. P. 4, 16, 44, 48, 51, 56.
- ⁹ The Packard Humanities Institute: official website. Available at: <https://epigraphy.packhum.org/search?patt=αὐτοκράτωρ> (accessed 19.08.2023).
- ¹⁰ *Dosithei Magistri Interpretamentorum*. 1832. P. 297.
- ¹¹ Там же. P. 44–45, 52.
- ¹² *Corpus Glossariorum Latinorum*. 1892. P. 275; *Dosithei Magistri Interpretamentorum*. 1832. P. 16, 47–48.
- ¹³ Точно так же обозначается в одной из версий глоссариев дьявол, см. далее.
- ¹⁴ *Dosithei Magistri Interpretamentorum*. 1832. P. 48, 49, 54.
- ¹⁵ Там же. P. 6, 10.
- ¹⁶ *Corpus Glossariorum Latinorum*. 1892. P. 120, 224, 232.
- ¹⁷ *Dosithei Magistri Interpretamentorum*. 1832. P. 66–69, 71–87.
- ¹⁸ *Corpus Glossariorum Latinorum*. 1892. P. 83, 167–168, 348.
- ¹⁹ Там же. P. 8, 83.
- ²⁰ Содержание басни *De infirmo* весьма примечательно. В ней идет речь о больном, которого врач оставил, сочтя безнадежным. Спустя время врач встретил больного и удивился, что тот выжил. Больной ответил, что по милости Харона (Орка) он смог вернуться из Аида (Орка). К слову, Харон собирается вскоре забрать в подземное царство всех врачей, поскольку из-за их небрежения умерло столько людей. Впрочем, нашему врачу опасаться не стоило: больной сказал Харону, что тот врачом никогда и не был.
- ²¹ *Corpus Glossariorum Latinorum*. 1892. P. 168.
- ²² Там же. P. 72, 243.
- ²³ В версии *Einsidlesia* допущена ошибка: ияр назван прежде нисана.
- ²⁴ Вероятно, ошибка переписчика, вызванная названием греческого месяца в следующем параграфе (*dustros*).
- ²⁵ Три месяца, на месте которых должны быть мехир, пахон и пайни, переданы, вероятно, с искажениями.
- ²⁶ *Corpus Glossariorum Latinorum*. 1892. P. 237, 279.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранникова Н. Б. Обучение словам через разговор: греко-латинские диалоги на переходе от Античности к Средневековью. Диалоги из учебника Псевдо-Досифея // *Возлюблю слово как ближнего: Учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье: исследование состава школьного канона III–XI вв.*: Сб. науч. ст. и пер. / Гл. ред. М. Р. Ненарокова. М.: Индрик, 2017. Вып. 19. С. 109–189.
2. Dickey E. The Colloquia of the *Hermeneumata Pseudodositheana*. Vol. 1: *Colloquia Monacensia-Einsidlensia, Leidense-Stephani*, and *Stephani*. Cambridge: CUP, 2012. 283 p.
3. Dickey E. The Colloquia of the *Hermeneumata Pseudodositheana*. Vol. 2: *Colloquium Harleianum, Colloquium Montepessulanum, Colloquium Celtis*, and fragments. Cambridge: CUP, 2015. 334 p.

Поступила в редакцию 22.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Yulia T. Leybenson, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Tauride Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)
BeyleGamarnik@yandex.ru

Emir R. Mamudov, Undergraduate Student, Tauride Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)
emiremirrych@gmail.com

LEXICAL, CULTURAL AND HISTORICAL REALITIES OF THE *HERMENEUMATA PSEUDODOSITHEANA* TEXTS

Abstract. This article deals with lexical correspondences, borrowings and calques in the texts of the bilingual monument of educational literature of the Late Antiquity period known as the *Hermeneumata Pseudodositheana* (Interpretations of Pseudo-Dositheus). The relevance of the research topic lies in the fact that various editions of this collection of texts fixing the historical, legal and religious realities of the Late Antiquity are obviously of great interest for historical and linguistic research. The aim of the authors is to analyze various types of interactions between the Greek and Latin languages reflected in the texts of the *Hermeneumata Pseudodositheana* corpus. The analysis of these texts with different content (the norms of law, mythology, gnomic literature, thematic and alphabetical dictionaries, phrase-books) revealed Greek-Latin lexical correspondences in the field of politics and state structure, law, economics, culture, religion, mythology, and everyday life. This study also demonstrates that Latin vocabulary borrowings in Greek are mainly characteristic of the legal and political spheres. However, this trend was not stable: Greek analogies were used for Latin magistracy and legal terms, but not necessarily accurate ones. Mythological and religious correspondences, where a large number of Greek words adopted by the Latin language and Greek borrowings prevailed, also vary in different editions of the texts. The long transformation of the *Hermeneumata Pseudodositheana* collection led not only to the formation of Greek-Latin correspondences, but also to the borrowing of concepts from Eastern cultures: Phoenician, Egyptian and Jewish ones (in the latter case – probably through the spread of Christianity). This article demonstrates for the first time the examples of such interaction between the Greek, Latin and Semitic languages in the corpus of *Hermeneumata Pseudodositheana*.

Key words: antiquity, Latin language, Greek language, lexicon, *Hermeneumata Pseudodositheana* (Interpretations of Pseudo-Dositheus)

For citation: Leybenson, Yu. T., Mamudov, E. R. Lexical, cultural and historical realities of the *Hermeneumata Pseudodositheana* texts. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.956

REFERENCES

1. Barannikova, N. B. Teaching words through conversation: Greco-Latin dialogues in the transition from Antiquity to the Middle Ages. Dialogues from the textbook of Pseudo-Dositheus. *I will love the word as my neighbor: Educational text in the Late Antiquity and the Early Middle Ages: a study of the composition of the school canon of the III–XI centuries: Collection of articles and translations*. (M. R. Nenarokov, Ed.). Moscow, 2017. Issue 19. P. 109–189. (In Russ.)
2. Dickey, E. The Colloquia of the *Hermeneumata Pseudodositheana*. Vol. 1: *Colloquia Monacensia-Einsidlensia, Leidense-Stephani*, and *Stephani*. Cambridge, 2012. 283 p.
3. Dickey, E. The Colloquia of the *Hermeneumata Pseudodositheana*. Vol. 2: *Colloquium Harleianum, Colloquium Montepessulanum, Colloquium Celtis*, and fragments. Cambridge, 2015. 334 p.

Received: 22 August 2023; accepted: 29 September 2023

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ПРИХОДЬКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков исторического факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)
aristonica@list.ru

ГОМЕР В ПОЭЗИИ ПОТОМКОВ «СЛАВНЫХ СОЛИМОВ»

А н н о т а ц и я . Жители Термесса, одного из трех крупнейших городов Писидии, считали себя потомками солимов, о которых дважды упоминает Гомер. После завоеваний Александра Македонского Писидия попала под сильное влияние греческой культуры. Эллиназация коснулась всех сторон жизни коренного населения, и к периоду Римской империи сложилось общество, в жизни которого соединились элементы местной и эллинской культуры. Если об уровне эллиназации архитектуры можно судить по руинам городов, то оценить уровень литературной образованности сложнее. В Писидии не было известных поэтов, и литература этого региона остается малоизученной. В статье ставится задача – определить уровень образованности городской элиты Термесса на основании лексико-грамматического анализа трех произвольно выбранных погребальных надписей, написанных гекзаметром. Основным текстом для обучения были поэмы Гомера, поэтому автор выявляет в структуре каждой эпитафии все элементы, которые могут свидетельствовать о знакомстве термесских поэтов с текстом Гомера: принадлежавшие эпической традиции слова, гомеровские формулы и свойственные эпосу грамматические формы. В результате автор показывает, что 43,6 % текста этих эпитахий заимствовано из эпической традиции, и на основании этого делает вывод о том, что образованные жители Термесса хорошо знали поэмы Гомера и даже пользовались его формулой для своего этнического самовыражения, гордо называя себя «славными солимами».

К л ю ч е в ы е с л о в а : Писидия, Термесс, солимы, Гомер, эллиназация, эпитафия, гомеровская формула, образование в римской провинции

Д л я ц и т и р о в а н и я : Приходько Е. В. Гомер в поэзии потомков «славных солимов» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 49–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.957

ВВЕДЕНИЕ, ИЛИ КТО ТАКИЕ СОЛИМЫ

Среди многочисленных народов, воспетых Гомером, были и «славные солимы». В «Илиаде» Главк, сын Гипполоха, рассказывает Диомеду сначала о том, как по приказу владыки Ликий Иобата его дед Беллерофонт «сражался со славными солимами»¹ и говорил потом, что ему никогда еще не приходилось погружаться в столь ожесточенную битву (VI 184–185), а затем о том, как Арес убил сына Беллерофонта Исандра², когда тот «сражался со славными солимами» (VI 203–204). О солимах позже писали Геродот (I 173), Страбон (XII 8, 5; XII 3, 27; XIV 3, 10) и Тимаген Милетский (Steph. Byz. Ethnica M187 (s.v. Μιλύαι) Billerbeck), высказывая разные мнения о дальнейшей судьбе этого народа. Согласно Страбону, солимы «занимали вершины Тавра вокруг Ликийи вплоть до Писидии, причем самые высокие» (I 2, 10), и в схолиях к Пиндару сказано, что солимы были воинственнейшим наро-

дом и жили между Ликией и Писидией (Ол. XIII 118–129). У солимов был свой собственный язык: жители Кибиры говорили на четырех языках: писидийском, солимском, греческом и лидийском (Strab. XIII 4, 17).

Потомками солимов неизменно позиционировали себя жители Термесса, одного из трех самых крупных городов Писидии [2: 129–130], [12: 53, 62, 93–94, 103].

«Вершина, возвышающаяся над акрополем термесцев, – пишет Страбон, – называется Солим³, и сами термесцы называются солимами. А поблизости находится и укрепленный стан Беллерофонта, и могила его сына Писандра, павшего в битве с солимами» (XIII 4, 16).

В надписях термесцы называли себя «солимами» или «народом солимов» (ТАМ III.1 103, 5; 135, 6–7), а сам город величали «родиной Солимеидой» (ТАМ III.1 18, 4; 548, 9). На монетах Термесса чеканилось изображение героя Солима [9: 41–50], [12: 96–97, 191]. В городе особо почитался

Зевс Солимей, жрецы которого исполняли свои обязанности пожизненно (ТАМ III.1 22, 26, 52, 83 А, 84, 96 и т. д.).

Проблема, вынесенная для обсуждения в данной статье, по хронологии будет касаться I–III веков н. э., то есть того периода истории Термесса, когда город, активно хранивший память о своем солимском происхождении, уже подвергся эллинизации и оказался внутри эллинской культуры.

ЭЛЛИНИЗАЦИЯ ПИСИДИИ И ПРОБЛЕМА УРОВНЯ ОБРАЗОВАННОСТИ

Хотя во время своего стремительного марша через Малую Азию в 334–333 годах до н. э. Александр Македонский отказался от идеи захвата Термесса, в дальнейшем город, как и вся Писидия, попал под сильнейшее влияние греческой культуры. Заселяя Писидию и соседние области Анатолии, эллины, уверенные в превосходстве своей культуры, начали повсеместно внедрять привычные для них формы политической и социальной структуры. Однако они не ставили перед собой цели полного уничтожения коренного населения и его образа жизни – шел процесс постепенной ассимиляции, при котором не только жители Анатолии усваивали нормы эллинской жизни, но и эллинская культура обогащалась за счет включения отдельных автохтонных обычаев. Этому процессу весьма способствовало большое количество смешанных браков, заключавшихся между греками и представителями городских элит. Происходившее взаимовлияние, конечно же, никоим образом не было равным, культура иммигрантов во всем превалировала, и в результате к периоду Римской империи как в Термессе, так и во всем регионе произошла «интернационализация эллинских нравов» [6: 50], сложилось общество, в жизни которого сплелись в неделимое целое элементы местной и эллинской культуры и которое с гордостью считало себя частью эллинского мира, не забывая при этом о своих солимских или писидийских корнях.

Древнегреческий язык полностью вытеснил писидийский и другие языки юго-западной Анатолии, тем более что у писидийского языка не было богатой письменной традиции. Но при этом даже среди самых образованных семей остались в обиходе многие местные имена. Так, в надписях из Термесса можно встретить горожан с именами Троконд, Троил, Обримот, Обролам, Осбар, Кбедасий, Кендей, Котт(ес), Мол(ес), Опл(ес), Пиатерабий, Пиллакой, Киннуний и горожанок с именами Нанелида, Армаста, Оа, Ана, Коркена, Моланиса, На, Морсанда, Кил-

ла и т. д. В архитектуре городов преобладали греческие черты: в них были построены храмы, театры и одеоны, булевтерии, портики с колоннами, гимнасии и бани, – но при этом в рельефном украшении гробниц сосуществовали и переплетались греческие гирлянды и писидийские щиты, анатолийские погребальные двери и римские портреты хозяев усыпальниц. Повсеместно в пантеоне богов утвердились греческие боги, но в их почитании часто присутствовали такие элементы культа, каких у самих греков никогда не было. Помимо привычных храмов, небожителям посвящали скальные святилища в сельской местности, а иконография богов нередко принципиально отличалась от греческих образцов. Так, на обетных стелах из святилища Перминунта Аполлон изображен в виде восседающего на коне всадника [4: 43–46, 167–169, № 293–297], а в святилищах Педнелисса и древнего города возле Коджаалилер изображения Аполлона, одетого в хитон, плащ и сапоги, следовали иконографии Аполлона Сидетского – именно в таком виде изображался бог на серебряных статерах из Сиды IV века до н. э., а также на монетах римского времени [8: 89–90]. В музее Бурдура хранится мраморный алтарь, на котором в виде размахивающего трезубцем бога-всадника изображен Посейдон [4: 67, 192, № 365]. Анатолийская традиция создания вотивных скальных святилищ продолжала существовать и в римское время. На землях Писидии и Кибиратиды было обнаружено много святилищ Какасба и Геракла, Диоскуров и Ареса, а также местнотимых Суровых–Справедливых богов – их культ, скорее всего, изначально принадлежал солимам [1]. Интересно, что Суровым–Справедливым богам в Термессе было посвящено большое скальное святилище, и в вырезанной там надписи говорилось о существовании в городе фиаса – религиозного сообщества почитателей этих богов [5: 197–210], [7].

Как строилось обучение в Термессе и в целом во всей Писидии до похода Александра Македонского, нам неизвестно. Эллины принесли свою систему образования, которая, распространившись, стала весьма востребованной, поскольку, даже в чисто практическом аспекте, способствовала повышению социального статуса и открывала перспективы для карьерного роста [6: 54, 74]. Основным текстом, по которому начинали обучать детей читать и писать, были поэмы Гомера, и в первую очередь «Илиада». Для древнего эллина Гомер всегда был неоспоримым воплощением греческой культуры, и, окунувшись в эллинскую среду, жители Анатолии стали понимать, что способность процитировать Гомера

не просто выступала признаком образованности, но и означала принадлежность к более престижной культуре [6: 57].

Если об уровне эллинизации устройства городов и городской архитектуры можно достаточно определенно судить по сохранившимся до наших дней руинам, то оценить уровень литературной образованности значительно сложнее. Писидия не стала родиной ни одного известного поэта или писателя, хотя поэтическое творчество Леонтиана, сына Леонтиана, из города Адады, безусловно, заслуживает внимания [10]. Из письменных свидетельств в нашем распоряжении есть только надписи, которые по своей природе всегда рассматривались как официальные документы. Это могли быть зафиксированные на камне декреты или постановления, обычно очень короткие обетные надписи, почетные надписи, перечислявшие все заслуги какого-то гражданина, а также погребальные надписи, составлявшиеся как своего рода распоряжение по использованию гробницы, где фиксировались права на усыпальницу, размер штрафа в случае нарушения ее покоя и юридическое лицо (совет города или святилище бога), назначенное получателем штрафа. Всем этим эпиграфическим жанрам была свойственна строгая проза. Но в отдельных случаях тот, кто воздвигал стелу с посвятительной надписью на постаменте или обустроивал свою родовую усыпальницу, принимал решение выразить свои мысли в стихах. Авторство таких стихотворений установить невозможно – человек мог как написать их сам, так и заказать какому-то местному поэту, чье имя не покинуло пределов родного города. Но текст подобных произведений может стать важным материалом для изучения уровня литературной образованности городской элиты. Об актуальности такого исследования говорит тот факт, что эпиграфический материал крайне редко привлекает внимание исследователей литературы, и изучение малоазийской поэзии периода Римской империи ограничивается, как правило, произведениями, вошедшими в «Палатинскую антологию» [3].

Жанр статьи не позволяет нам предпринять рассмотрение всех поэтических надписей, найденных в Термессе, поэтому для анализа будут взяты три произвольно выбранные погребальные надписи, написанные гекзаметром. Задачей исследования является выявление элементов, свидетельствующих об использовании их авторами эллинской литературной традиции, и особенно поэм Гомера.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ТЕРМЕССЦЕВ И ИХ АНАЛИЗ

1. **ТАМ III.1 268.** Надпись на гробнице семьи Страбониана Аполлония, ок. 205 года [11: 92–93]⁴:

Ναηλῖς Κβηδασεως, Στράβων Απολλωνίου, Στράβων Απολλωνίου νέος, Στραβωνιανός Απολλώνιος, | Τιβ(ερία) Κλ(αυδία) Κίλλη ἢ καὶ Καπετωλεῖνα. |

μητέρι καὶ γενετῆρι φίλῳ ἀέκητά τε παιδὶ
οἱ τ' αὐτῷ γαμετῆ τε μόνοις ὄδε λύσθιος οἶκος, |
ἄλλον δ' οὐκ ἐθέλω δέχθαι νέκυν ἀλλ' αἴοιτε·
λῶβην ἡμετέρων ρεθέων ἀπὸ τύμβιον ἴσχειν. |
εἰ δέ τις οὐκ ἀλέγοι τεθνηότος, ὧδ' ἀλιτήμων,
ζῶει τοι νεκύων, ζῶει τειμήροσ Ἄτη. |
δυσὼ μὲν τε Στράβωνε κατὰ χθονός ἡδὲ Ναηλῖς,
ἡμασι μυριδίοις Απολλώνιος ἡδὲ τε Κίλλη⁵, –

«Нанелида, дочь Кбедасия, Страбон, сын Аполлония, Страбон младший, сын Аполлония, Страбониан Аполлоний, Тиберия Клавдия Килла, она же Капетоллина. Это последний дом только для [моей] матери и отца, и вопреки [моей воли] для милого сына, и для меня самого, и [моей] супруги, а другого мертвеца я допустить [сюда] не желаю, но услышьте: держите осквернение гробниц подальше от наших тел. Если же, возможно, кто-то не заботится о мертвом и настолько нечестив, то жива, несомненно, жива мстящая за мертвых Ата. Два Страбона [уже] под землей и Нанелида, к назначенным судьбой дням [приближаются] Аполлоний и Килла.

2. **ТАМ III.1 590.** Надпись на гробнице Марины и Оа, до 212 года [11: 99]:

Μαρεῖνῳ πινυτῆ τ' ἀλόχῳ Οα ἀγλαοπέπλῳ
ζοινός μὲν βίοτος, ζοινὴ δὲ ἰθεῖα κέλευσθαι
ἔσκε βίου· ζοινὸν δὲ καὶ ἀμφοτέροισι τέτυκται
ἡμὲν ἐμοὶ τόδε σῆμα πανύστατον ἡδὲ δάμαρτι,
μνηστὸν ἐπεσομένοισι, σαοφροσύνησιν ἀρίστη.
τῆς δὲ τις ὀπιγόνων μεμνήσεται ἡδὲ Μαρεῖνου.
καὶ ῥ' ἡ μὲν πείσυράς τε καὶ ἐξήκοντ' ἐνιαυτοῦς
αἰὲν ἄμωμος εὐοῦσα βίου λάχε· τὸν δ' ἔτι Μοῖρα
ἄλβιον ἐν ζωοῖσι μινυθαδίοισι φυλάσσει
ὄκτ' ἡδὲ δεκάδας ζωῆς ἀνύοντα ποθεινῆς⁶, –

«У Марина и [его] благоразумной жены Оа прекраснодетой обшей была жизнь и общим прямой жизненный путь; также и общим для обоих воздвигнуто это последнее пристанище, и для меня, и для супруги, в память грядущим поколениям, [для нее] лучшей в рассудительности. Кто-то из потомков будет помнить о ней и о Марине. И она вот, всегда безупречная, получила по жребию шестьдесят четыре года жизни, а его, счастливого, Мойра все еще охраняет среди недолговечных живых существ, завершающего уже восьмой десяток желанной жизни».

Далее надпись имеет длинное, из 9 строк, прозаическое продолжение, приводить которое в нашу задачу уже не входит.

3. **IGUR III 1204.** Надпись на мраморной стеле, найденной в Риме, сделана термесцем Кононом, сыном Гермея, в память о двух его соотечественниках, умерших в Риме: первые шесть строк написаны в гекзаметре от имени первого умер-

шего – его имя не сохранилось, а был он сыном Орфагора, вторые шесть строк, также в гекзаметре, написаны от имени второго умершего, Гермея, сына Артима, а последняя строка в прозе сообщает имя воздвигшего эту стелу (именно его, судя по всему, и следует считать автором стихотворения), – I–II века [2: 131]:

Τερμησσὸν ναίων Σολύμοις | ἐνὶ κυδαλίμοισι |
ἦλθον ἐς Ῥώμην τρίτος | ἀστῶν κῆρι πιθήσας |
ἀλλὰ θανῶν ἠβῶν συνοδύπορον | Ἄϊδος εἴ[ι]σω
δεύτερον αὐτ' ἀνέμεινα | [τ]ὸν ἐκ πάτρης ἅμ' ἰόντα |
[ἀμ]φοῖν δ' ὄστέα κείται | [ὁ]μοῦ νοῦσ[ο]ισι καμόντων, |
[...]νου Ὀρθαγόρου παιδὸς | [β]λο[σ]υροῦ τε Ἑρμαίου. |
σο[ι] δ' ἐ[γ]ώ, Ὀρθαγόροιο τέκος, | προϊόντι κατ' αἴσαν |
εἰς Αἴδαο δόμους συναφέςπ[ο]μαι | ἠίθεος φῶς, |
Ἑρμαῖος Ἀρτείου Σολυ[μη]ῖδος | αὐτ' ἀπὸ γαί[ας]. |
σάρκας μὲν πῦρ νῶ[ιν] ἐδαί[σ]ατο, | ὅστ' αὖ δὲ κεῦθ[ε]ι |
ἦδε χθῶν πάμφορβο[ς], ἀτὰρ | ψυχὰι θεόπεμπτοι |
οἴχεσθον κατὰ γῆς ἐνὶ δαίμονι | ξυνὰ κέλευθα. |

Κόνων Ἑρμαίου [τ]οῖς φίλο[ι]ς | μνήμης χάριν⁷, –

«Жил я в Термессе среди достославных солимов
и прибыл,
Сердцу доверившись, в Рим – из сограждан
со мной было двое, –
Возраст цветущим мой был, но я умер и в царстве
Аида
Спутника также дождался, с кем с родины вместе
уехал.
Кости обоих лежат, от болезней скончались мы оба,
Сын Орфагора, [Парме]н, и Гермей столь
степенный по нраву.
Я за тобой, Орфагора дитя, в дом Аида сошедшим
Прежде меня – суждено так, – последовал, муж
неженатый,
Чадо Артима, Гермей, из отечества Солимеиды.
Плоть нашу выжег огонь, и земля всекормящая
кости
В недрах скрывает своих, между тем богоданные
души
Общей под землю дорогой спускаются с даймоном
тем же.
Конон, сын Гермея, друзьям ради памяти».

Каждая из этих погребальных надписей изобилует гомеровскими словами, то есть словами, которые были использованы в поэмах Гомера и затем сохранялись в эпической литературной традиции: эти слова могут присутствовать у Аполлония Родосского, Ликофрона и в более поздних эпосах, а также в отдельных случаях встречаются в трагедиях и лирике⁸. В надписи № 1: существительные ὁ νέκυς ‘мертвец’, τὸ ρέθος ‘член’, pl. ‘тело’, ἡ Ἄτη ‘Ата’, ἡ χθῶν ‘земля’, τὸ ἦμαρ ‘день’, прилагательные ἀλιτήμων ‘нечестивый’, δοῖός ‘двойной’, dual. ‘двое’, местоимение οἱ dat. sg. ‘ему’, глаголы ἀῖω ‘слушать’, ἀπίσχω ‘удерживать’ (вместо ἀπέχω), ἀλέγω ‘заботиться’, ζῶω ‘жить’ (в прозе крайне редко, например, у Геродота), наречие ἀέκητα, которое в таком виде больше нигде не засвидетельствовано

и явно восходит к гомеровскому предлогу ἀέκητι ‘вопреки’, союз ἠδέ ‘и’. В надписи № 2: существительные ἡ ἄλοχος ‘супруга’, ὁ βίος ‘жизнь’, ἡ κέλευθος ‘путь’, ἡ δάμαρ ‘супруга’, ἡ σοφροσύνη ‘рассудительность’ (в прозе использовалась форма σοφροσύνη), прилагательные πινυτός ‘благо-разумный’, ξυνός ‘общий’, πανύστατος ‘последний’ (иногда встречается в прозе), μινυθάδιος ‘недолговечный’, глагол τεύχω ‘воздвигать’, числительное πῖσυρες ‘четыре’, наречие αἰέν ‘всегда’ (вместо αἰεί), союзы ἠμὲν ... ἠδέ ‘и ... и’. В надписи № 3: существительные τὸ κῆρ ‘сердце’, ὁ Ἄϊδος ‘Аид’ (вместо Ἄϊδος), ἡ πάτρι ‘родина’, ὁ νοῦσος ‘болезнь’ (вместо νόσος), τὸ τέκος ‘дитя’, ἡ αἴσα ‘судьба’, ὁ δόμος ‘дом’, ὁ φῶς ‘мужчина’, ἡ γαῖα ‘земля’ (вместо γῆ), ἡ χθῶν ‘земля’, τὰ κέλευθα ‘пути’, прилагательные κυδαλίμος ‘славный’, ξυνός ‘общий’, глаголы ναίω ‘населять’, δαίω ‘зажигать’, кеῦθω ‘скрывать’, наречие αὐτε ‘опять’, предлоги ἐνὶ ‘в’, ‘среди’ (вместо ἐν), ἐς ‘в’ (вместо εἰς).

Также весьма внушительным оказывается список слов, которые, присутствуя уже в поэмах Гомера, затем в силу своей употребительности активно функционировали как в поэзии, так и в прозе. В надписи № 1: существительные ἡ μήτηρ ‘мать’, ὁ παῖς ‘сын’, ὁ οἶκος ‘дом’, ἡ λῶβη ‘осквернение’, прилагательное φίλος ‘милый’, местоимение ἡμέτερος ‘наш’, глаголы ἐθέλω ‘желать’, θνήσκω ‘умирать’, наречие ὧδε ‘таким образом’. В надписи № 2: существительные ὁ βίος ‘жизнь’, τὸ σῆμα ‘знак’, ‘гробница’, ὁ ἐνιαυτός ‘год’, ἡ Μοῖρα ‘Мойра’, ἡ δεκάς ‘десяток’, ἡ ζωή ‘жизнь’, прилагательные ἰθύς ‘прямой’, ἄριστος ‘лучший’, ὀψίγονος ‘родившийся позже’, ὀλβιος ‘счастливей’, глаголы μινύσκω ‘напоминать’, λαγχάνω ‘получать по жребью’, φυλάσσω ‘охранять’, ἀνύω ‘заканчивать’, числительные ἐξήκοντα ‘шестьдесят’, ὀκτώ ‘восемь’, ἀμφότερος ‘оба’, наречие ἦδη ‘уже’. В надписи № 3: существительные ὁ ἀστός ‘горожанин’, τὸ ὀστέον ‘кость’, ὁ παῖς ‘сын’, ἡ σάρξ ‘плоть’, τὸ πῦρ ‘огонь’, ἡ ψυχή ‘душа’, ὁ δαίμων ‘даймон’, прилагательные βλοσυρός ‘степенный’, ἠίθεος ‘неженатый’, глаголы ἐρχομαι ‘приходить’, πείθω ‘убеждать’, θνήσκω ‘умирать’, ἡβῶ ‘быть во цвете лет’, ἀναμένω ‘ждать’, εἶμι ‘идти’, κεῖμαι ‘лежать’, κάμνω ‘страдать’, οἴχομαι ‘уходить’, числительные τρίτος ‘третий’, δεύτερος ‘второй’, ἄμφω ‘оба’, наречие ἅμα ‘вместе’, предлог εἴσω ‘внутри’. Для подсчета статистических данных мы эту группу не учитываем: все эти слова были слишком распространенными, и их употребление не может свидетельствовать о близком знакомстве с поэмами Гомера.

Интересно отметить, что в надписи № 1 использованы три прилагательных, которые принадлежат послегомеровской поэтической традиции: λοῖσθιος ‘последний’, τιμήροος ‘мстительный’

и μοιρίδιος ‘назначенный судьбой’ (встречается также в поздней прозе). В двух других надписях подобных примеров нет. Зато авторы этих двух надписей создали, следуя гомеровским образцам, по одному примечательному неологизму.

В надписи № 2 супруга Марина Оа названа ἀγλαόπεπλος ‘прекрасноодетой’. В литературе это прилагательное встречается только один раз в поэме Квинта Смирнского (XI 240), где выступает эпитетом Фетиды. Автор нашей надписи жил более чем на сто лет раньше Квинта Смирнского, а значит, создал этот эпитет самостоятельно, опираясь на известные из поэм Гомера композиты со вторым компонентом -πεπλος (все они являлись эпитетами женщин): τανύπεπλος ‘одетая в длинное платье’ (II. III 228, XVIII 385, XVIII 424; Od. IV 305, XII 375, XV 171, XV 363), κροκόπεπλος ‘одетая в платье шафранного цвета’ (II. VIII 1, XIX 1, XXIII 227, XXIV 695), ἔλκεσίπεπλος ‘одетая в платье, влачащееся по земле’ (II. VI 442, VII 297, XXII 105) и εὐπέπλος ‘хорошо одетая’ (II. V 424, VI 372, VI 378, VI 383, XXIV 769; Od. VI 49, XXI 160). Конечно, не следует думать, что автор нашей надписи первым вступил на путь подражания Гомеру. Ко времени его жизни в древнегреческой литературе уже было создано некоторое количество композитов со вторым компонентом -πεπλος: например, куανόπεπλος ‘одетая в темно-синее или черное платье’, καλλιπέπλος ‘красиво одетая’, λευκόπεπλος ‘одетая в белое платье’, μελάμπепλος ‘одетая в черное платье’, χρυσόπεπλος ‘одетая в золотоканное платье’, – а позже Квинт Смирнский и Нонн Панополитанский еще больше расширили эту группу композитов. Так что наш поэт оказался в русле этого литературного процесса.

Автор надписи № 3 снабдил слово χθών эпитетом λάμφορβος – «вскормляющая земля». Помимо рассматриваемой надписи, прилагательное λάμφορβος зафиксировано в одном проциании без точной датировки (App. Anth. Or. 259, 3) и у Христорора Коптского (AP VII 698, 5), жившего в V–VI веках, то есть значительно позже создания эпитафии. Это дает нам определенные основания допустить вероятность того, что λάμφορβος впервые появилось именно в найденной в Риме надписи. Однако автор эпитафии сочинил этот эпитет не на пустом месте. У Гомера трижды используется почти синонимичное по значению прилагательное πολύφορβος ‘питающая многих’, выступающее устойчивым эпитетом при слове γαῖα ‘земля’ (II. IX 568, XIV 200, XIV 301), и потом эта формула повторяется в гомеровском гимне к Аполлону Пифийскому (187 (365)). В творческой мастерской автора эпитафии

формула γαῖα πολύφορβος превратилась в соответствии с метрическими требованиями его стиха в χθών λάμφορβος. Против такой подмены будет позже выступать Евстафий Солунский: «правильно πολύφορβος ἢ γῆ, а не λάμφορβος» (Hom. II. Vol. III, p. 614).

Несмотря на сравнительно небольшие размеры каждой надписи, их авторы не преминули возможностью украсить свои стихи настоящими гомеровскими формулами в их исходном, непереработанном виде. В надписи № 1 Страбониан Аполлоний говорит, что воздвиг гробницу для «милого сына» – φίλῳ παιδί. У Гомера эта формула в различных вариациях (разные падежи, разный род) встречается 22 раза (II. I 20, I 447, II 713, VII 44, VII 279, XVI 460, XVI 568, XVIII 147, XX 210, XXIV 619, XXIV 748; Od. I 278, II 197, VII 70, XI 506, XVI 337, XVII 38, XIX 401, XIX 455, XIX 522, XXIV 103, XXIV 345). В предпоследнем стихе сказано, что два Страбона и Нанелида уже находятся «под землей» – κατὰ χθονός. Это выражение встречается в «Илиаде» дважды (II. III 217, XXIII 100), но на его формульный характер указывает его дальнейшее употребление у Гесиода (Theog. 497; Erga 617; Fr. 204, 141 Merkelbach – West), в гомеровском гимне к Гермесу (68, 410), у Еврипида (14 случаев) и т. д.

Автор гекзаметров из надписи № 2 воспользовался только одной формулой: τις ὀψιρόνων – «кто-то из родившихся позже», расположив, правда, ее в стихе совсем не в тех стопах, в каких она находится у Гомера (II. III 353, VII 87; Od. I 302, III 200). Больше всего формул присутствует в надписи № 3: Σολύμοις ... κυδαλίμοισι – «славным солимам», у Гомера отличается только окончание этнонима: Σολύμοισι ... κυδαλίμοισι (II. VI 184, VI 204); Ἄϊδος εἶσω – «в Аиде», причем это выражение поставлено в исходе стиха точно так же, как и везде у Гомера (II. III 322, VI 284, VI 422, VII 131, XI 263, XIV 457, XXII 425, XXIV 246; Od. IX 524, XI 150, XI 627, XXIII 252); ὀστέα κεῖται – «кости лежат»: это выражение у Гомера встречается дважды, но расположение по стопам стиха другое (Od. XIV 135, XXIV 76), а затем оно от случая к случаю появляется в прозе, например, у Геродота (III 12) и Павсания (II 21, 4); κατ’ αἴσαν – «в соответствии с судьбой»: у Гомера эта формула часто соединяется с формулой ὑπὲρ αἴσαν – «сверх судьбы», которая, как и в разбираемой эпитафии, может занимать тесис пятой стопы и шестую стопу (II. III 59, VI 333, X 445, XVII 716, ср. II. VI 487, XVI 780, XVII 321), позже эту формулу использовали Пиндар (Pyth. IV 107, X 26; Nem. III 16), Вакхилид (X 32) и другие поэты; εἰς Αἴδαο δόμους – «в дом Аида»: наш поэт

не только прибегнул к этой гомеровской формуле, но и расположил ее, как у Гомера, в первых стопах стиха (Od. X 175, X 491, X 564, XIV 208), интересно отметить, что аналогичная формула εἰν Αἴδαο δόμοισιν – «в доме Аида» занимает у Гомера, за одним исключением, последние стопы стиха (Il. XXII 52, XXIII 19, XXIII 103, XXIII 179; Od. IV 834, XV 350, XX 208, XXIV 264; ср. Od. XXIV 204); последняя формула ἀπὸ γαῖ[α]ς – «из земли» реконструирована издателями неправильно, поскольку в эпической традиции эта формула пишется через *эту* ἀπὸ γαίης и встречается она именно в таком написании не только у Гомера (Il. VIII 16) и Гесиода (Theog. 715), но и в орфических гимнах (XXIX 17, XXXVI 14, LVI 12) и у более поздних поэтов, причем всегда в исходе стиха.

Здесь следует подчеркнуть, что в самой природе эпических формул заложена возможность заимствования их от поэта к поэту, и, конечно же, авторы трех рассматриваемых стихотворений могли почерпнуть эти формулы не только из «Илиады» и «Одиссеи». Но мы исходим из того, что в эллинистическом образовании Гомер безоговорочно занимал первое место, и знакомство с другими произведениями древнегреческой литературы предполагало, что ему предшествовало основательное изучение Гомера. Трудно допустить мысль о том, что жители Термесса знали более близкие им по времени сочинения лучше, чем поэмы Гомера.

Перечисляя встречающиеся в этих трех эпиграфиях гомеровские формулы, мы также обращали внимание на то, что их создатели нередко заимствовали у Гомера и позицию той или иной формулы внутри стиха. То же самое можно отметить и для отдельных слов. Так, гомеровскую позицию (где-то единственную, где-то один из вариантов) демонстрируют в надписи № 1: μητέρι в 1-й стопе (3 ст.⁹), ἀέκητι начиная с тесиса 4-й стопы (3 ст.), λώβην (в разных падежах) в 1-й стопе (4 ст.), τεθνηότος (-τα, -τας) в тесисе 3-й и в 4-й стопе (6 ст.), ἀλιτήμων в исходе стиха (2 ст.), ζῶει в 1-й стопе (6 ст.), δοῖω в 1-й стопе (2 ст.); в надписи № 2: πινυτή (в разных падежах) в тесисе 2-й и арсисе 3-й стопы (3 ст.), ἀλόχῳ в тесисе 3-й и арсисе 4-й стопы (8 ст.), κέλευθος (в разных формах, включая κέλευθα из надписи № 3) в исходе стиха (37 ст.), ἔσκε в 1-й стопе (8 ст.), ἀμφοτέροισι начиная с арсиса 4-й стопы (14 ст.), τέτυκται в исходе стиха (24 ст.), ἦμέν в 1-й стопе (31 ст.), σῆμα в 3-й стопе (16 ст.), πανύστατον (в разных формах) начиная со второго элемента тесиса 3-й стопы (3 ст.), ἦδέ в арсисе и первом элементе тесиса 5-й стопы (десятки раз), δάμαρτι (-τα) в исходе стиха (3 ст.), ἐνιαυτούς в исходе стиха (3 ст.), αἰέν в 1-й стопе (16 ст.), εἰούσα

начиная со второго элемента тесиса 2-й стопы (8 ст.), λάχε в тесисе 4-й стопы (2 ст.), ὄλβιον (в разных формах) в 1-й стопе (5 ст.), μινυνθαδίοισι (в разных формах) всегда начиная со второго элемента тесиса 4-й стопы (8 ст.), φυλάσσει (-σεις, -σειν) в исходе стиха (8 ст.), ὀκτώ (и его производные) в начале стиха (7 ст.); в надписи № 3: ἦλυθον в 1-й стопе (7 ст.), πιθήσας в исходе стиха (7 ст.), δεύτερον (-ος) в 1-й стопе (19 ст.), ἀνέμεινα начиная с тесиса 2-й стопы (1 ст.), ἰόντα (в разных падежах) в исходе стиха (46 ст.), καμόντων (-ντα, -ντας) только в исходе стиха (5 ст.), φώς в тесисе 6-й стопы (17 ст.), κεύθει (или ἐκεκεύθει) в исходе стиха (2 ст.), οἴχεσθον в 1-й стопе (единственный случай употребления этой формы), δαίμονι в 4-й стопе (2 ст.). Этот обзор позволяет заметить, что автор надписи № 2 почти не пользовался гомеровскими формулами, но зато часто следовал эпическому принципу расположения слова в стихе, в то время как автор надписи № 3 поступал прямо противоположным образом: у него много формул, но превалирует негомеровское расположение слов.

Еще более глубокое знакомство с поэмами Гомера демонстрирует употребление авторами эпиграфий эпических грамматических форм. В разговорном языке, которым пользовались в Термессе в период Римской империи, таких форм, несомненно, быть не могло, и в прозаических надписях они не встречаются. Узнать такие формы и понять принцип их функционирования в тексте настолько хорошо, чтобы самим правильно воспользоваться ими при написании стихов, можно было только при последовательном изучении тех произведений, где они были представлены, то есть опять же в первую очередь поэм Гомера. В рассматриваемых стихах таких форм немало. Это две эпические формы gen. sg. по разным склонениям от «Аида» Ἄϊδος и Αἴδαο (3¹⁰); в 1-м склонении gen. sg. πάτρης (3) с *этой* вместо *альфы* в позиции после *po* и *dat. pl.* σαοφροσύνησιν (2) вместо σαοφροσύναις; во 2-м склонении gen. sg. Ὀρθαγόροιο (3) вместо Ὀρθαγόρου, *dat. pl.* с окончанием -οῖσι вместо -οῖς; ἀμφοτέροισι (2), ἐπεσομένοισι (2), ζωοῖσι (2), μινυνθαδίοισι (2), κυδαλίμοισι (3), νοῦσοισι (3), – и неслитная форма *nom. pl. n.* ὀστέα (3); в 3-м склонении *dat. sg.* μητέρι (1) вместо μητρί и *gen. pl.* ρεθέων (1) вместо ρεθῶν; οἶ (1) – местоимение 3-го лица в *dat. sg.*; ἔσκε (2) – *imperfect. ind. act. 3 sg.* от εἰμί вместо ἦν; εἰούσα (2) – *participium praes. act. nom. sg. f.* от εἰμί вместо οὔσα; πιθήσας (3) – причастие эпического сигматического аориста от πείθω *nom. sg. m.*; λάχε (2) – *aor. 2 ind. act. 3 sg.* без аугмента вместо ἔλαχε; ἦλυθον (3) – несинкопированный *aor. 2 ind. act. 1 sg.* вместо ἦλθον; θανών (3) – *participium aor. 2 nom. sg. m.* без приставки, в прозе ἀποθανών; δέχθαι (1) – инфинитив меди-

ального атематического аориста; $\tau\epsilon\theta\nu\eta\acute{o}\tau\omicron\varsigma$ (1) – причастие корневого перфекта gen. sg. m. вместо $\tau\epsilon\theta\nu\epsilon\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma$; $\acute{\alpha}\pi\omicron$... $\dot{\iota}\sigma\chi\epsilon\iota\nu$ (1) – приставка в тмесисе; формы двойственного числа: $\delta\omicron\iota\acute{\omega}$ (1), $\Sigma\tau\acute{\rho}\alpha\beta\omicron\nu\epsilon$ (1), $\acute{\alpha}\mu\phi\omicron\iota\nu$ (3), $\nu\acute{\omicron}\iota\nu$ (3), $\omicron\dot{\iota}\chi\epsilon\sigma\theta\omicron\nu$ (3).

Как бы ни стремились авторы этих трех стихотворений создать достойное литературное произведение, они допустили в них отдельные слова и формы, принадлежавшие, вероятно, разговорному языку. Это прилагательные $\tau\acute{\upsilon}\mu\beta\iota\omicron\nu$ (1) ‘могильный’, ‘касающийся гробницы’ и $\mu\eta\sigma\tau\acute{\omicron}\nu$ (2) ‘памятный’, существительное $\acute{\omicron}\sigma\tau\acute{\alpha}$ (3) ‘кости’ с краткой конечной *альфой* (что было свойственно позднему эпосу) и неправильная форма презенса $\sigma\upsilon\nu\epsilon\phi\acute{\epsilon}\sigma\tau\omicron\mu\alpha\iota$ ‘следовать вместе’ вместо $\sigma\upsilon\nu\epsilon\phi\acute{\epsilon}\lambda\omicron\mu\alpha\iota$, созданная по аналогии с тематическим аористом, скорее всего, *metri causa*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятое рассмотрение позволяет сделать весьма показательный статистический подсчет. В изученных эпитафиях в общей сложности (включая все служебные части речи) насчитыва-

ется 204 (57 + 67 + 80) слова. Если подсчитать, сколько слов (причем тут будут преимущественно значимые слова, а не частицы, союзы или предлоги) принадлежат эпической традиции, входят в состав формулы или стоят в собственной эпосу грамматической форме, то получается 89 (27 + 26 + 36) слов. 89 из 204 – это чуть больше 43,6 %. Данный результат доказывает, что образованные жители Термесса обладали весьма серьезным знанием поэм Гомера и черпали из этого неиссякаемого источника эллинского вдохновения слова и выражения для реализации своих творческих амбиций. И хотя исторически «Илиада» и «Одиссея» не принадлежали культуре их предков, этот неудобный факт был если не предан забвению, то задвинут куда-то очень далеко: они были представителями эллинского мира, и принесенный к ним несколько столетий назад Гомер стал для них настолько своим, что они пользовались его формулой даже для своего этнического самовыражения и с гордостью признавали себя именно теми «славными солимами», о которых пел Гомер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все переводы, представленные в статье, выполнены автором.

² Страбон называет сына Беллерофорта Писандром (XII 8, 5; XIII 4, 16).

³ Современное название этой горы – Гюллюк Дагы.

⁴ Для удобства прочтения текст всех трех надписей дан в соответствии со стихотворным делением, переход на новую строку самой надписи отмечен знаком |.

⁵ $\lambda\acute{\upsilon}\sigma\theta\iota\omicron\varsigma$ = $\lambda\omicron\dot{\iota}\sigma\theta\iota\omicron\varsigma$, $\tau\epsilon\mu\acute{\eta}\omicron\rho\omicron\varsigma$ = $\tau\mu\acute{\eta}\omicron\rho\omicron\varsigma$, $\delta\upsilon\acute{\omega}$ = $\delta\omicron\iota\acute{\omega}$, $\mu\upsilon\tau\iota\delta\iota\omicron\iota\varsigma$ = $\mu\omicron\iota\tau\iota\delta\iota\omicron\iota\varsigma$.

⁶ $\xi\omicron\iota\nu\acute{\omicron}\varsigma$ = $\xi\upsilon\nu\acute{\omicron}\varsigma$.

⁷ $\sigma\upsilon\nu\omicron\delta\upsilon\lambda\acute{\omicron}\beta\omicron\nu$ = $\sigma\upsilon\nu\omicron\delta\omicron\iota\lambda\acute{\omicron}\beta\omicron\nu$.

⁸ При изучении истории функционирования каждого слова мы не ограничились данными словарей, но опирались на ресурс TLG.

⁹ Сокращение «ст.» мы используем при указании количества стихов в поэмах Гомера со словом в разбираемой позиции.

¹⁰ В скобках после слова указан номер надписи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Приходько Е. В. «Суровые боги» становятся «Справедливыми богами», или об одном местном культе высокогорий Кибиратиды, Милиады и северной Ликии // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVII (2) (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы Междунар. конф., проходившей 26–28 июня 2023 г. / Гл. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 946–994. DOI: 10.30842/ielcp230690152766
2. Argoyo - Quirce H. Glorious Solymi. Homer and a neglected inscription concerning Pisidian Termessos at Rome // Epigraphica Anatolica. 2017. Heft 50. P. 129–132.
3. Bowie E. L. Greek poetry in the Antonine age // Antonine literature. Oxford: Clarendon Press, 1990. P. 53–90.
4. Delemen I. Anatolian rider-gods. A study on stone finds from the regions of Lycia, Pisidia, Isauria, Lycaonia, Phrygia, Lydia and Caria in the late Roman period. (Asia Minor Studien 35). Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1999. 228 p.
5. Fleischer R. Unbekannte Felsheiligtümer in Termessos // Istanbul Mitteilungen. 2008. Bd. 58. S. 197–242.
6. Horsley G. H. R. Homer in Pisidia: Aspects of the history of Greek education in a remote Roman province // Antichthon. 2000. Vol. 34. P. 46–81.
7. İplikçioğlu B. ΘΕΟΙ ΔΙΚΑΙΟΙ. Die “Gerechten Götter” in zwei neuen Inschriften aus Termessos // Anzeiger der Philosophisch-Historischen Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 2006. Bd. 141.2. S. 5–16.
8. Işın G. The sanctuaries and the cult of Apollo in Southern Pisidia // Anadolu / Anatolia. 2014. Bd. 40. P. 87–104.
9. Kosmetatou E. The hero Solymos on the coinage of Termessos Major // Schweizerische Numismatische Rundschau. 1997. Bd. 76. P. 41–63.
10. Labarre G., Özsait M., Özsait N. Les inscriptions de Yazılı Kanyon // Anatolia Antiqua. 2009. Vol. 17. P. 175–186.
11. Merkelbach R., Stauber J. Steinepigramme aus dem Griechischen Osten. Bd. 4. Die Südküste Kleinasiens, Syrien und Palaestina. München; Leipzig: K. G. Saur Verlag, 2002. 471 S.

12. Talloen P. Cult in Pisidia. Religious practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the rise of Christianity // *Studies in Eastern Mediterranean archaeology* 10. Turnhout: Brepols, 2015. 412 p.

Поступила в редакцию 11.07.2023; принята к публикации 04.09.2023

Original article

Elena V. Prikhodko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
aristonica@list.ru

HOMER IN THE POETRY OF THE DESCENDANTS OF THE “GLORIOUS SOLYMOI”

Abstract. The inhabitants of Termessos, one of the three largest cities in Pisidia, considered themselves the descendants of the Solymoi twice mentioned by Homer. Following the conquests of Alexander the Great, Pisidia fell under the profound sway of Greek culture. Hellenization permeated every facet of the indigenous population's existence, and by the time of the Roman Empire, there had developed a society, whose life combined the elements of local and Greek cultures. While the level of architectural Hellenization can be evaluated by the ruins of cities, it is more difficult to assess the level of literary education. There were no famous poets in Pisidia, and the literature of this region remains almost unexplored. The aim of the article is to ascertain the educational attainment of the urban elite in Termessos. This is achieved through the lexical and grammatical analysis of three randomly selected funerary inscriptions written in hexameter. The main educational texts were the poems of Homer, therefore, in the structure of each epitaph the author reveals all the elements that may indicate the acquaintance of Termessian poets with the Homeric verse: words belonging to the epic tradition, Homeric formulas, and grammatical forms characteristic of the epic. As a result, the author shows that 43.6 % of the text of these epitaphs was borrowed from the epic tradition and concludes that the educated inhabitants of Termessos knew Homer's poems well and even used his formula for their ethnic self-expression, proudly calling themselves the “glorious Solymoi”.

Keywords: Pisidia, Termessos, Solymoi, Homer, Hellenization, epitaph, Homeric formula, education in Roman province

For citation: Prikhodko, E. V. Homer in the poetry of the descendants of the “glorious Solymoi”. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):49–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.957

REFERENCES

1. Prikhodko, E. V. The “Severe Gods” become the “Fair Gods”, or about one local cult of the highlands of Cibratis, Milyas and northern Lycia. *Indo-European Linguistics and Classical Philology (Readings in Memory of I. M. Tronsky): Proceedings of the international conference, 26–28 June 2023*. (N. N. Kazansky, Ed.). St. Petersburg, 2023. Vol. XXVII. Part 2. P. 946–994. DOI: 10.30842/ielcp230690152766 (In Russ.)
2. Arroyo-Quirce, H. Glorious Solymi. Homer and a neglected inscription concerning Pisidian Termessos at Rome. *Epigraphica Anatolica*. 2017;50:129–132.
3. Bowie, E. L. Greek poetry in the Antonine age. *Antonine literature*. Oxford, 1990. P. 53–90.
4. Delemen, İ. Anatolian rider-gods. A study on stone finds from the regions of Lycia, Pisidia, Isauria, Lycaonia, Phrygia, Lydia and Caria in the late Roman period. (*Asia Minor Studien* 35). Bonn, 1999. 228 p.
5. Fleischer, R. Unbekannte Felsheiligtümer in Termessos. *Istanbul Mitteilungen*. 2008;58:197–242.
6. Horsley, G. H. R. Homer in Pisidia: Aspects of the history of Greek education in a remote Roman province. *Antichthon*. 2000;34:46–81.
7. İplikçioğlu, B. ΘΕΟΙ ΔΙΚΑΙΟΙ. Die “Gerechten Götter” in zwei neuen Inschriften aus Termessos. *Anzeiger der Philosophisch-Historischen Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*. 2006;141.2:5–16.
8. Işın, G. The sanctuaries and the cult of Apollo in Southern Pisidia. *Anadolu / Anatolia*. 2014;40:87–104.
9. Kosmetatou, E. The hero Solymos on the coinage of Termessos Major. *Schweizerische Numismatische Rundschau*. 1997;76:41–63.
10. Labarre, G., Özseit, M., Özseit, N. Les inscriptions de Yazılı Kanyon. *Anatolia Antiqua*. 2009;17:175–186.
11. Merkelbach, R., Stauber, J. Steinepigramme aus dem Griechischen Osten. Bd. 4. Die Südküste Kleinasien, Syrien und Palaestina. München; Leipzig, 2002. 471 S.
12. Talloen, P. Cult in Pisidia. Religious practice in Southwestern Asia Minor from Alexander the Great to the rise of Christianity. *Studies in Eastern Mediterranean archaeology* 10. Turnhout, 2015. 412 p.

Received: 11 July 2023; accepted: 4 September 2023

ГУЛЬНАРА МОНЕРОВНА АЛТЫНБАЕВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5168-7138; altynbaevagm@sgu.ru

АНТИЧНЫЙ КОД РОМАНА АСИ ВОЛОДИНОЙ «ПРОТАГОНИСТ»

А н н о т а ц и я . Цель статьи – показать роль отсылок на античные тексты в современном поколенческом романе. Новизна заключается в том, что впервые роман Аси Володиной – одного из представителей молодого поколения русской словесности – «тридцатилетних» («миллениалов») – подвергся детальному разбору на композиционном, проблемно-тематическом и мотивно-образном уровнях. Актуальность предложенной темы видится в необходимости комплексного исследования прозы тридцатилетних, представители которой претендуют на место голоса поколения. Рассмотрена связь новейшей прозы с античной традицией, которая показана через анализ персонажей-масок и связей масок с эпитафиями романа. Материал исследования – роман Аси Володиной «Протагонист» и семь античных трагедий, из которых писательница взяла цитаты для десяти эпитафий. Последовательно проанализированы девять «масок» в романе, показано, как эпитафии позволяют понять образы девяти «протагонистов». Основные методы исследования – интертекстуальный, структурно-семиотический, мотивный. Основные выводы связаны с обоснованием особенностей прозы тридцатилетних: травма, самоидентичность героя, литературная интертекстуальность, нравственно-эстетические критерии. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** современная русская литература, проза поколения «тридцатилетних» («миллениалов»), Ася Володина, «Протагонист», античный код, эпитафия, интертекстуальность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Алтынбаева Г. М. Античный код романа Аси Володиной «Протагонист» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.958

ВВЕДЕНИЕ

«Всемирная отзывчивость» русской литературы, обращение словесности XVIII–XX веков к мировоззренческому и художественному опыту античности – предмет глубокого интереса и исследования отечественных филологов. Может быть, и в наши дни стоит обратить внимание на своеобразное прикосновение к античным мыслителям и текстам молодого поколения писателей, ищущих не близкий, надоевший им в произведениях «отцов» контекст, а дальний, если не «вечный» (он все-таки страшит), то глубокий, «общечеловеческий». Современные писатели кодируют свои тексты античным кодом. Античный код – это и интертекстуальные отсылки и аллюзии к текстам и эпохе, и нравственно-эстетический ориентир для ряда молодых писателей нашего времени.

После 2015 года в современной русской литературе обозначилось новое поколение писателей. Сами себя они называют «тридцатилетние»

(в зарубежной литературе это «миллениалы» (Millennial)). Одним из признаков этого направления является насыщенность литературными, социальными, историческими аллюзиями. Это объясняется тем, что большинство авторов – выпускники филфаков и литературных мастерских, где будущие «профессиональные писатели» учились писать на образцах, в том числе античных. Связь с античной литературой и эстетикой не является системной, но то, что наблюдается, говорит о необходимости отслеживать эту линию в прозе тридцатилетних и анализировать. Среди примеров – «Опыты бесприютного неба» Степана Гаврилова¹, «Зевс» Игоря Савельева², «Протагонист» Аси Володиной³.

В центре внимания данной статьи – роман «Протагонист», так как античный код в нем присутствует наиболее полно на разных уровнях.

ОТ АГОНА ДО КОММОСА

Роман Аси Володиной «Протагонист» состоит из Списка масок, Пролога, трех Агонов, Ком-

моса и эпилога. В романе 10 эпиграфов – цитат из 7 античных трагедий Еврипида («Ифигения в Авлиде», «Ифигения в Тавриде», «Андромаха», «Орест»), Софокла («Электра»), Эсхила («Агамемнон», «Эвмениды»). Каждая из трех частей названа «агон», внутри каждого агона по три «маски».

Действие романа разворачивается в разгар пандемии. Основное место действия – Академия (очевидна отсылка к одному из престижных московских вузов – МГУ или МГИМО). Все самоизолировались, общаются через zoom, ходят в масках, «играют роли». Маска в романе имеет двойное значение – прямое и переносное, социальное и эстетическое. Надеть маску – спрятать себя, изолироваться, снять маску – показать себя, обнажиться. Завязкой сюжета стала трагическая смерть студента Академии и его предсмертная записка.

Заглавие романа готовит читателя к одному главному герою, но главных голосов девять. И в каждом агоне («Терпеть», «Служить», «Любить») каждая следующая маска вытесняет предыдущую и занимает место протагониста. Постмодернистское многоголосие и разноголосие и с позиции героев, и с позиции читателя. Такой композиционный прием объясняет название частей. В греческой культуре агонем называли соревнование, «борьбу, состязание» (68). Как утверждают исследователи греческой культуры [1], [4], агональность была ее неотъемлемым качеством. В чем состязаются герои «Протагониста»? «Мы всегда протагонисты. Мы всегда боремся за себя. Вот только мир борется с нами» (83), – так рассуждает герой Василий Евгеньевич. Может показаться, что это желание оправдаться в личной непричастности к смерти студента-второкурсника Никиты Буянова, покончившего с собой из-за отчисления, или показать / презентовать себя таким, каким тебя не видят другие: «Это ваш шанс рассказать свою версию» (13). Всех объединяет травма, личная боль, вокруг которой строится социальная роль каждого из героев. Это неслучайно, так как именно травма – один из признаков прозы поколения тридцатилетних. Герои Володиной – беззащитные, бессильные жертвы. Но такую роль они выбрали сами.

35-летняя преподавательница немецкого языка Ирина Михайловна Олевская – «маска: бледная с взъерошенными волосами» – устала работать на дистанте, постоянно ходить в маске и перчатках, и она не виновата, что студент не сдал ее предмет. Она живет, как будто упустила свой шанс (рефреном звучит «Ирина, это

ваш шанс»), хотела бы по-другому, но, как в судьбах античных героев, в ее жизни как будто все уже решено свыше. Она действует механически, повторяя одно и то же ежедневно, студентов называет «солдатами».

Эпиграфом к монологу первой маски стал фрагмент из «Ифигении в Авлиде» Еврипида. В центре трагедии – тема смысла жертвенности. Старшая дочь Агамемнона Ифигения, чья судьба – быть принесенной в жертву («кровью девы чистой») ради успешного начала морского похода на Троию, принимает свою роль за честь и согласна на «славную смерть царевны, без веревки и без жалоб»⁴, потому что «вся великая Эллада жадно смотрит» на это жертвоприношение. Смерть Ифигении – и «кара для фригийцев, и урок для их потомства»⁵: «Умирая, я спасу вас, жены Греции»⁶. Ифигения, обращаясь к матери, говорит: «А куда я Правду дену? Разве с истиной соспоришь?»⁷. В этом она демонстрирует эллинское понимание свободы – отказаться от борьбы с богиней Артемидой и так «спасти Элладу», «во славу ей, отчизне»⁸, «За родину, за всю Элладу тело / Я предаю, и никто / Меня к тому не вынуждал»⁹. Ифигения XXI века – Ирина – тоже принимает роль жертвы, но сама не понимает, ради чего эта жертва. Потому и монолог ее в романе заканчивается риторическим вопросом: «Отчего же мне не вздохнуть?» (26). В ее речи повторяются *бы, ли*, часто звучат вопросы, подчеркивающие ее неуверенность в себе. Ирина порой чувствует себя «копией, которая смогла» (17). Она лишена права сама решать свою судьбу и, как Ифигения Еврипида, как будто вынуждена смириться с ролью жертвы. Пассивность, бездеятельность Ирины показаны не как следствие обстоятельств (несостоявшаяся карьера, пандемия, неинтересная работа, слабые, равнодушные студенты), все это – от неспособности человека понять свое предназначение и достойно сыграть свою роль. Отсылка к судьбе Ифигении нивелирует как бы несчастную судьбу Ирины, снимая с читателя роль сопереживающего, сочувствующего зрителя. Ирина маска – это все, что в ней есть. В итоге ей рекомендуют уволиться из Академии по собственному желанию, и только эта рука судьбы дает ей шанс изменить жизненный путь.

Староста группы Женя – «маска: остриженная дева» – устала все время отвечать за всех, устала бесконечно учиться на «рейтинг», играть роль на наивысший результат «90+» (сначала ради сдачи ЕГЭ, потом ради перевода на бюджет), и все равно «ты видишь, как остальные начинают тебя обгонять» (41).

«Так что ты отличница, которая бесит всех, ты – та самая девочка, которая вскидывает руку раньше, чем успевают задать вопрос, ты – заучка, которая шпарит по учебнику, не отступая в сторону ни на шаг, – а только шагов от тебя и ждут. И ты замечаешь, что такие, как ты, не нравятся, ведь нравятся не те, кто хочет нравиться, а те, кто не оставляет равнодушным, а кто ты? – ноль, место не то что пустое, место не-полное, место, которому не могут подобрать определение...» (42–43), «недостаточно хороша / недотягиваешь / недостойна / недо» (43).

Эпиграфом ко второй маске стал фрагмент из «Электры» Софокла. Эта древнегреческая трагедия – о выборе и несмирении. В разговоре с Электрой о мести за убийство отца ее сестра Хрисофемида наставляет «взяться за ум»:

«Как тяжело все, и, если б стало силы, / Я показала б им свою... любовь! / Но в бурю лучше плыть, спустивши парус. / Зачем пытаться наносить удар, / Когда нет сил?»¹⁰

Электра противопоставлена Хрисофемиде: первая сестра («пыл мятежный», «дух свободный») решительная, жаждущая отмщения за смерть отца («злая жизнь толкает нас на зло»¹¹), вторая – смиренная, смирившаяся, следующая рассудку, считающая себя разумной («чтоб быть свободной, / Покорствую, сестра, имущим власть»¹², «учу тебя сильнейшим уступить»¹³, «не гибнуть безрассудно»¹⁴). Электра возмущена поведением сестры:

«я жизнь им отравляю – / И этим чту отца, – коль есть отрада / Там, в царстве тьмы... А ненависть твоя – / Лишь на словах. С убийцами отца / Ты заодно...»¹⁵.

В Жене как будто одновременно сочетаются черты обеих дочерей Агамемнона – и решительная, безрассудная Электра, символизирующая жажду, и сдержанная, прагматичная Хрисофемида, воплощающая смирение. В бесконечной гонке Женя словно и не живет, а только боится упустить реальный шанс. Но рассудочные решения не дают результата из-за случайностей судьбы (не хватило баллов, нет бюджетных мест и пр.)

Сестра Никиты Ника – «маска: молодая женщина» – всю жизнь пытается доказать свою важность папе, маме, другим: «я заботиться должна старшая сестра старшая» (50). Главу предваряет эпиграф из «Ореста» Еврипида. Центральные мотивы – муки совести и прощение. В разговоре с Орестом, сходящим с ума из-за убийства матери («в отчаянье и ужасе слабел / смущенный ум»¹⁶), Электра утешает его, переживая, что «он был здоров... И снова ум теряет...»¹⁷. Орест в ответ чувствует вину за то, что заставил сестру «нести со мною иго» недуга, и признается:

«Да, / Ты одобряла брата, но убийство / Я совершил один. И упрекать / Электру невозможно»¹⁸. Но, как убедительно доказывает В. Н. Ярхо, Орест не муками совести мучается, а пытается осознать, понять матереубийство, которое совершил, что и приравнивается, по сути, к мукам совести («искупить вину раскаянием»). Орест, «страшась смерти, попросту стремится избежать всякой ответственности – и перед коллективом, и перед собой» [3: 209].

Размышления Ники о ее семье до и после рождения Никиты, ее обвинения в адрес матери, жалость в адрес отца, обиды и сочувствие в адрес Никиты:

«...папа хотел сына я стала ему всем а никита не стал даже пасынком и папа только передай-своему-брату никогда не сыну никогда не никите только ему...» (50).

Муки совести, чувство личной вины за самоубийство Никиты заставляют Нику вспоминать их прошлую совместную жизнь, думать, что сделала не так и что могла сделать. И, наконец, принятие и прощение. Ника осознает, что очень любила брата («И мне нравится, нравится быть такой классной сестрой, с которой делятся секретами» (61)) и что никто не виновен в его смерти:

«...и это было полгода назад, и я могла бы понять, что он (Никита. – Г. А.) не собирается переживать маму, но я не поняла, ведь если бы я только поняла, я бы сказала, я бы много чего сказала, я бы доказала тебе, никита, как юрист доказала, что так нельзя, что это тоже убийство, тоже насилие, ну и что, что над собой...» (61–62).

В завершающем романе Коммосе читатель узнает, что Ника сочинит за брата другое прощальное письмо, в котором он никого не винит в своей смерти:

«Ей было страшно даже перечитывать это письмо, раскладывать на страницы в правильном порядке, выскидывать внутреннюю логику. Было страшно признавать, что, написав раз что-то такое, ты уже не сможешь с собой это смыть, ведь каждое слово впечатывается клеем, напоминая о том, что раз ты смогла написать, то сможешь и сделать...» (309).

Так, «написав то письмо, она простила и себя, и брата. А вместе с собой простила и всех остальных» (310).

Все три героини – Ирина, Женя, Ника – словно соревнуются в терпении, но агон предполагает конечную цель, приз, а не соревнование ради соревнования. Если античное терпение – качество героическое в масштабах Вселенной, то терпение у тридцатилетних – синоним травмы, боли, социальной самоидентичности.

За агонем «Терпеть» следует агон «Служить».

Четвертая маска – «маска: безбородый» – сюжетная линия декана философского факультета

та Академии Василия Евгеньевича Аникеева. Эпиграфом к этой главе стал фрагмент реплики Агамемнона из «Ифигении в Авлиде» Еврипида. Здесь акцент сделан на жертве Агамемнона, который должен отдать дочь. Он страдает как отец, неспособный убить собственного ребенка, и как верный своей родине и народу царь, неспособный пойти против воли богов и ожиданий народа. Какой бы выбор он ни сделал, он станет предателем – семьи или Эллады. Но есть еще один участник этого агона. В разговоре с братом Менелаем Агамемнон сокрушается, что нет страшнее народного гнева:

«Возбуждены ахейцы, / Сам знаешь, брат, и ярость их в толпе / Зажечь легко. / И вот по наущенью / Оратора они на нас с ножом, / А там и дочь не пощадят, конечно...»¹⁹.

Героя Аси Володиной также очень волнует общественное мнение. В его монологе текущие будни профессора философии и декана описываются параллельно с воспоминаниями о прожитой жизни, о том, как складывалась карьера от «умника, отличника» Васи до декана ВасильЕвгеньича, который должен был всегда «подавать пример» в «публичном пространстве». «Из неопытного новичка Вася превратился в опытного, но неумелого пожилого человека» (77). При этом он хорошо помнит, кому что сделал (Академии, факультету, коллегам, родному брату). Ему очень важна публичность и реакция окружающих:

«И вот Вася – звезда, Вася сияет, Вася подогнул мир под себя, но, оказалось, мир этого не заметил, мир даже и не запомнил, так что останется только запись: “Здесь был Вася”. А был ли, собственно, Вася? Не все ли равно Вселенной: punctum ты или astrum? Каждый из нас считает себя звездой» (83); сбрил бороду и «в коридорах не узнают, не здороваются...» (66).

Василий Евгеньевич тщеславен, но, как философ, он пытается объяснить природу этого чувства и хочет оправдать себя: «далеко ли мы ушли, если до сих пор ставим в центр мира себя? Мы всегда протагонисты» (83) – «Все просто: протагонисты – мы, разумная человеческая цивилизация» (83). Герой Володиной – адаптированная, современная версия Агамемнона, царя и человека, который «бьет своих, защищая... своих же» (85), «Decanus bestia или decanus bonus vir? (Декан – зверь или декан – хороший муж?)» (85). От его решений зависит судьба его alma mater, но выбор всегда был непростым, потому что в общественно значимые поступки вмешивалось личное отношение (он боится инфаркта, смерти, одиночества, своей несовременности, ректора, студентов, дистанционки, суда Божьего), но сильнее управляет им «ярость толпы».

«Маска: вторая остриженная голова» – секретарь декана Анжела. Заботливая и умелая. Ее рассказ предваряет эпиграф из трагедии Эсхила «Агамемнон». Главный мотив – человечность. Клитемнестра вынуждена принять в своем доме Кассандру («подарок воинства, сокровище сокровищ»²⁰, «рабыня беззащитная»²¹), которую Агамемнон привез с собой с Троянской войны, она «держит лицо»: «Кто завладел богатством неожиданно – / Жесток с рабами, нетерпим и мелочен. / У нас не так, мы добрые хозяева»²². Скорое убийство Агамемнона и его пленницы Кассандры кульминационно завершает долготерпение Клитемнестры.

Но не такова Анжела. Она всегда на службе. Обязанности свои знает хорошо, угадывает запросы начальника по его голосу, настроению. Сначала работала помощницей городского депутата, но он начал ее «прессовать. Перед тем как мозг вынести, сортировал его по полочкам» (93), повторял, что с ее «думалкой только на рынке рыбой торговать» (94). После скандала Анжелу пристроили к декану философского факультета. Она заботится о начальнике («Мой»), как о ребенке, по-матерински:

«Я как увидела своего нового, так сразу и умилилась. Он такой карманный интеллигентик» (95), «Жаль мне его. Понимаю: где он и где я, – да только вижу, что в нем неладное что-то, как будто он себя разбирает на части и ищет, где же сломано. Или я это в нем ищу» (91).

Анжела способна терпеть и как Клитемнестра, потому что надо или потому что должна, и как Кассандра, потому что такова ее природа – угадывать, что будет, и стараться сгладить неизбежное, сдерживая поток посетителей к декану, «пробивая» соцсети факультета. Может показаться, что она неумна (говорит «печенька», «вкусняшка», «любимка», «котейка», «Вотман» вместо Лотман и др.), но в ней чувствуется житейская мудрость. Терпение и человечность – ключевые черты ее характера. Но она не трагическая фигура, как Клитемнестра или Кассандра, ее судьба ограничена рамками ее социальной активности. И поэтому ее человечность можно приравнять не к античной человечности (Клитемнестра не богиня, и ничто человеческое ей не чуждо), а к гуманности в современном ее понимании.

Образ психиатра Дениса Сергеевича – «маска: бледный» – завершает агон «Служить». Эпиграф взят из трагедии Эсхила «Эвмениды». Во время суда над Орестом за убийство Клитемнестры Аполлон, как свидетель на суде, обращаясь к Оресту, защищает его перед Афиной и Эриниями:

«Пророк я. А пророк не лжет. / Ни разу не вещал я в прорицалище – / Будь то о муже, женщине иль городе – / Без приказанья Зевса: он богам отец. / О силе этой правды вы подумайте / И свято соблюдайте волю отчую. / Вы связаны присягой. Но сильнее Зевс»²³.

Самоуверенный, гордый Аполлон, «радея лишь о правде, лишь о истине»²⁴, выступает гонцом «вещаний, они от Зевса. Бойтесь не исполнить их»²⁵, объясняет произошедшие события долгом и обязательствами («Неужто преступление – быть заступником / Благочестивым смертным, коль они в беде?»²⁶), он взывает к суду: «Присягу чтя, / Проголосуйте судьи чужеземные»²⁷.

Денис Сергеевич, как Аполлон, руководствуется долгом, в его случае – врачебным долгом:

«для меня терапия – это все же таинство... <...> Таинство – про аскезу: два кресла, столик, бумажные салфетки – вот и все, что требуется. Ах да. Еще и человек, который приходит, чтобы поговорить и поделиться, а не допросить и вызнать» (109–110).

Он хотел исполнять свой долг, а ему – «здесь вам не колледж» (116), и в итоге он «подвыгорел – до психосоматики: как будильник, так мигрень, как телефонный звонок, так аритмия» (111), чувствует свою бесполезность («В основном справки выписываю с допуском к работе» (114)). Перебирая в памяти клинические случаи своих студентов-пациентов, Денис Сергеевич порой пугается и задается вопросами, говорит в сослагательном наклонении о своих методах лечения, размышляет, можно ли было по-другому помочь Даше «биполярке», Диме «синдром Туретта», Жене «смена пола», Тане «клиническая депрессия», Ване «гендерная идентичность», другим. «Раньше я *работал*. <...> Я так привык быть чистой формальностью, что чистой формальностью для меня в этом здании стали все» (120). Самоубийство Никиты словно разбудило психолога от спячки, ему будто дали второй шанс вернуться в работу. Денис Сергеевич – «бледный» по своей природе, он вроде бы следует клятве Гиппократова, но при этом без борьбы сдается «Зевсу», будто от него ничего не зависит, судьба или руководство колледжа, Академии все решают за него.

Главы про Василия Евгеньевича, Анжелу, Дениса Сергеевича написаны в жанре автофикшн. Герои снимают перед читателем маски, демонстрируя свою личную и профессиональную жизнь, свое прошлое и настоящее. В соревновании – кто служит лучше – они не состязаются между собой, но каждый состязается сам с собой за самооправдание ценности своего высокого положения. Отчасти признавая свои не-

достатки, каждый из них все-таки считает себя незаменимым, протагонистом жизни.

Последний агон «Любить» – самый сложный драматически и психологически. Перед читателем последовательно раскрываются три маски: «маска: девочка» (Кристина, студентка, которую любил Никита), «маска: менее бледный» (Алеша, студент и сосед Никиты по комнате) и «маска: кожаная» (Агния, мать Никиты).

С эпиграфа из «Андромахи» Еврипида начинается история Кристины («маска: девочка»), которая думает, что Никита покончил с собой из-за нее. Орест, обращаясь к Гермione с объяснением обстоятельств и смысла их женитьбы и собираясь вернуть ее Неоптолему, говорит: «Страдал я молча, хоть и горько было / Мне потерять тебя... и я ушел»²⁸.

Биография Кристины похожа на сериал. Она любит и Никиту, и Алешу, но не может выбрать. Алексей делает первый шаг, поэтому она решает быть с ним. Но после смерти Никиты она признается, что в этих отношениях их всегда было трое. Она так и не решается признать: «нас всегда было трое, но, пока я выбирала, кто из вас лишний, лишней была только я» (146). Кем себя считает Кристина? Безвольной Андромахой или коварной Гермioneй? «Если мама – Элен, то я – Наташа: недотянув по объемам, беру глубиной и живостью ума» (129). На какую роль назначен Никита? Он – Орест, вынужденно отказавшийся от Гермioneы, но не теряющий надежду отомстить за судьбу? А Алеша – Неоптолем, к которому в объятья судьба толкнула Андромаху, и он должен расплачиваться за это? В конце монолога Кристины, как заклинание, повторяется *если бы*, подводящее черту под этим любовным агонем:

«...если бы я не выбирала, если б я с самого начала не подзуживала вас обоих, если б не было нас с Алешей, всего бы этого не было, не было, не было!» (146).

Из всех травмированных героев романа «Протагонист» с наследственной травмой вынужден жить только Алеша («маска: менее бледный»). Эпиграф взят из «Ореста» Еврипида из фрагмента диалога Пилада и Ореста. Пилад говорит брату и другу: «Через город мне не стыдно будет друга пронести: / Черни, что ли, мне стыдиться? Я стыдился бы носить / Имя друга, убегая от товарищей больных»²⁹. Алеша – выпускник Гимназии при Академии, куда он стремился поступить, чтобы обрести свободу и жить отдельно от родителей («с рожденья Люськи (младшая сестра Алеши. – Г. А.) чуть ли не в первый раз, когда я оказался в комнате один; да в какой комнате – больше нашей гости-

ной!» (155). Алеша ничего не знал о своей наследственности, пока на новогодних каникулах у него на глазах не умер дед. А потом «ОНО нашло ко мне ключик» (163). Болезнь он переживал один, выдавливая на лице прыщи до крови, пока не вызвали мать. Тогда он и узнал о ПРС («пограничном расстройстве личности»), унаследованном от бабушки («У нее бывали неприятности. Иногда она делала нехорошие вещи» (173)). Внешне Алеша – красавец, улыбается, «все под контролем, пока я пью таблетки. Я на колесах с девятого класса» (178), встречается с Кристиной. Он вроде бы дружит с соседом по комнате Никитой («нормально. Обычно. Играли в шахматы» (187)), но после его смерти не может найти ответ на вопрос: «Почему же я ничего не понял про Никиту?» (187). Как Оресту нужен был Пилад, чтобы не сойти с ума, так Никите был нужен Алеша для поддержки: «Я был ему нужен. Я должен был понять» (189). Кристина «сливает» Алешу после самоубийства Никиты («Хотелось рассказать ей так много, попросить так немного: только пожалеть, только не бросать его здесь, сейчас, так» (297)), но он готов «переждать»: «Я уже знаю, что переждать придется всю жизнь» (190), пока Кристина не полюбит его «даже такого, нормального и сильного, которого он мог только сыграть» (297).

Последняя маска («маска: кожаная») – мать Никиты Агния. Эпиграфом к главе про Агнию взяты слова Аполлона из «Эвменид» Эсхила: «Вновь и вновь твержу: / Не может быть страшнее наказания, / Чем то, которым покарали ближние / Меня»³⁰.

Этот рассказ – самый длинный и стилистически выбивается из общего ряда. Любовный роман, почти детективная история золушки или красной шапочки. Перед читателем разворачивается личная трагедия одинокой женщины, которая всю жизнь была жертвой: сначала матери, потом мужа Костика, теперь своих собственных неудач. И Агния сыграла эту роль до конца. Имя героини (от греч. агнос – ‘невинный’ или агнеи́а – ‘невинность’) словно противопоставлено ее жизни. Биография Агнии – натуралистичная иллюстрация истории России с 1980-х до 2010-х: позднесоветское время, перестройка, 1990-е и т. д. В интервью Ася Володина признается: «Наше поколение родилось одновременно со страной, и внимание к детству позволит нам узнать, с чего началась современная Россия» [2]. Агния, хотя и «вздорная, борзая, неблагодарная» (225), – героиня молчаливая (потому что ее никто не слушал) и бездействующая, ждущая поступка от других («я могла уехать», «я была

почти рада, потому что хотела, чтобы ты сделал хоть что-то, чтобы все это прекратить» (236)), она обозлена на весь мир за свою «засаленную» молодость, за то, что не сбылась детская мечта стать актрисой:

«Ты будешь винить последний удар, так и не разобравшись, так и не узнав, что во всем виноват тот первый, едва заметный, тот, от которого все и посыпалось. Это как шрам. <...> Мои шрамы не видны никому, кроме меня. Я вытаскиваю их на свет, перебирая, как старые фотографии в альбоме» (193).

На поминках Никиты Ника упрекает мать: «Это же не соревнование, мама. А вы нас использовали. Оба. Особенно Никиту. Это всегда было про вас с отцом и никогда – про нас с Никитой» (306). И дочери, и читателю этой главы к концу рассказа по-человечески жалко Агнию, но сама она категорически против жалости. Ника же убеждена: «Всех нас надо жалеть – надо» (307). Курсивом прописанная сказка про красную шапочку на новый лад заканчивается риторическим вопросом: «Бабушка, бабушка, что делать, если волк – это я?» (276).

В состязании за любовь проиграли все. Но каждый испытал это чувство, при этом страдая от нелюбви или выбора не той любви.

Завершает книгу коммос, который сюжетно связан с погребением и поминками Никиты и сводит в одном пространстве всех действующих лиц. Эпиграф к коммосу – цитата из «Ифигении в Тавриде» Еврипида. Пилад говорит Оресту: «Что ж я скажу еще: вот разве только / Что бедствия царей кругами в мире / Расходятся широко, и кого, / Кого они при этом не заденут!»³¹ «Скорбный плач» по закону жанра произносится героями практически одновременно: письмо Никиты, соболезнования его родным, разговоры Ники и матери, Жени и Ирины Михайловны, Кристины и Алеши, Ники и Ирины Михайловны, Ники и Алеши. Беда – самоубийство Никиты – затронула всех, но, прощаясь с Никитой, поминая его, каждый думает о себе, перебирая

«вспоминания заново, вставляя новые факты в уже известную облюбленную картину мира, узор которой не был простым, но был узнаваемым и реалистичным, – а сейчас вдруг растекся, обнажая второй слой с хаотичным набором густых мазков» (304).

В романе нет только одной маски, которую читатель ждет с первых строк, – маски Никиты Буянова. Он мертв, поэтому лишен права голоса. «Никита Буянов найдет способ прекратить движение и стать стрелой, долетевшей до цели» (44). Его образ объединяет всех героев: не только к его смерти все так или иначе причастны, но и к его жизни

каждый имел отношение. Каждый из героев состязался перед читателем за право быть в центре внимания, за право быть самим собой, за право не нести ответственность за других.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Античными героями движет долг и судьба. Герои прозы тридцатилетних – заложники социальных проблем. Они пока не способны выйти за рамки личной травмы, драмы. Мера протагониста притягивает, влечет мощная человеческая мера античного героя, но у тридцатилетних – это костюмерная, интертекстуальная игра,

увлекающая воображение, переводящая жизнь на другой уровень.

За любым агонем в античном театре всегда следует оценка, реакция зрителя. Участие читателя в агонах, которые предлагает А. Володина, – тоже часть представления. Читателю античный код напомнит многослойность античных ассоциаций в русской литературе – от трагических до комических и нравоучительных. Но эта высокая планка важна и для самих писателей – ради стремления к взрослению, поиска выхода из замкнутости на себе, осознания, что писательство – не ремесло, а дар Божий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гаврилов С. Опыты бесприютного неба. М.: Эксмо, 2020. 288 с.
- ² Савельев И. Зевс. М.: Эксмо, 2015. 288 с.
- ³ Володина А. Протагонист: Роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2023. 316 с. Далее в круглых скобках указывается страница. В приведенных цитатах сохранены авторская орфография и пунктуация.
- ⁴ Еврипид. Ифигения в Авлиде // Еврипид. Трагедии: В 2 т. Т. 2 / Пер. Иннокентия Анненского; Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. М.: Ладомир: Наука, 1999. С. 512.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 517.
- ⁹ Там же. С. 520.
- ¹⁰ Софокл. Электра // Софокл. Трагедии / Пер. с древнегреч. С. В. Шервинского. М.: ГИХЛ, 1958. С. 377.
- ¹¹ Там же. С. 376.
- ¹² Там же. С. 377.
- ¹³ Там же. С. 380.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 378.
- ¹⁶ Еврипид. Орест // Еврипид. Трагедии: В 2 т. Т. 2. С. 321.
- ¹⁷ Там же. С. 319.
- ¹⁸ Там же. С. 321.
- ¹⁹ Еврипид. Ифигения в Авлиде. С. 470.
- ²⁰ Эсхил. Агамемнон // Эсхил. Орестея / Пер. с древнегреч. С. Апта. М.: ГИХЛ, 1961. С. 43.
- ²¹ Там же. С. 61.
- ²² Там же. С. 47.
- ²³ Эсхил. Эвмениды // Эсхил. Орестея. С. 169.
- ²⁴ Там же. С. 174.
- ²⁵ Там же. С. 172.
- ²⁶ Там же. С. 173.
- ²⁷ Там же. С. 171.
- ²⁸ Еврипид. Андромаха // Еврипид. Трагедии: В 2 т. Т. 1 / Пер. с древнегреч. Иннокентия Анненского; Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо. М.: Ладомир: Наука, 1998. С. 272.
- ²⁹ Еврипид. Орест. С. 347.
- ³⁰ Эсхил. Эвмениды. С. 140–141.
- ³¹ Еврипид. Ифигения в Авлиде. С. 524.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. М и х а й л и н В. Древнегреческая симпозиастическая культура и проблема происхождения афинского театра // Литература и театр: проблемы диалога: Сб. науч. ст. Самара: ООО «Офорт», 2011. С. 250–265.
2. Н е м и р о в В. «Эти люди пришли, чтобы остаться» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://godliterary.ru/articles/2023/04/29/eti-liudi-prishli-htoby-ostatsia> (дата обращения 01.05.2023).
3. Я р х о В. Н. Была ли у древних греков совесть? (к изображению человека в аттической трагедии) // Историческая психология и социология истории. 2010. № 1. С. 195–210.
4. Н а г г о р S. Greek tragedy, agonistic space, and contemporary performance // New Theatre Quarterly. Cambridge University Press, 2018. Vol. 34, Issue 2. P. 99–114. DOI: 10.1017/S0266464X18000027

Поступила в редакцию 28.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Gulnara M. Altynbaeva, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5168-7138; altynbaevagm@sgu.ru

ANCIENT CODE OF ASYA VOLODINA'S NOVEL *THE PROTAGONIST*

Abstract. The aim of the article is to demonstrate the role of references to ancient texts in a contemporary generational novel. Asya Volodina is one of the representatives of the young generation of Russian authors – the “thirty-year-olds” (Millennials). The research novelty lies in the fact that it presents the first detailed analysis of Asya Volodina’s novel at the compositional, problem-thematic and motif-figurative levels. The relevance of the proposed topic is determined by the necessity of a complex analysis of the Russian “thirty-year-old” writers’ prose, which is claimed to express the voice of their generation. The article focuses on the connection between the contemporary prose and the ancient tradition presented through the analysis of the masked characters and their links with the epigraphs of the novel. The material for the study was Volodina’s novel *The Protagonist* and seven ancient tragedies that served as sources of quotes for the ten epigraphs of the novel. Nine “masks” in Volodina’s novel were analyzed sequentially to show how the epigraphs help to understand the images of nine “protagonists”. The research methodology included the intertextual method, the structural semiotic method, and the analysis of motifs. The main conclusions are related to the substantiation of the characteristic features of the Millennials’ prose: trauma, self-identity of the hero, literary intertextuality, moral and aesthetic criteria.

Key words: contemporary Russian literature, prose of “thirty-year-olds” (Millennials), Asya Volodina, *The Protagonist*, ancient code, epigraph, intertextuality

For citation: Altynbaeva, G. M. Ancient code of Asya Volodina’s novel *The Protagonist*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):57–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.958

REFERENCES

1. Mikhailin, V. Ancient Greek symposiastic culture and the origins of Athenian theatre. *Literature and theater: problems of dialogue: Collection of articles*. Samara, 2011. P. 250–265. (In Russ.)
2. Nemirov, V. “These people came to stay”. Available at: <https://godliterary.ru/articles/2023/04/29/eti-liudi-prishli-chtoby-ostatsia> (accessed 01.05.2023). (In Russ.)
3. Yarkho, V. N. Did the ancient Greeks have a conscience? (the portrayal of people in ancient tragedies). *Historical Psychology & Sociology*. 2010;1:195–210. (In Russ.)
4. Harrop, S. Greek tragedy, agonistic space, and contemporary performance. *New Theatre Quarterly*. 2018;34(2):99–114. DOI: 10.1017/S0266464X18000027

Received: 28 August 2023; accepted: 29 September 2023

ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА НАУМЧИК

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной литературы Института филологии и журналистики

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация)

naumchik@ff.unn.ru

АНТИЧНЫЙ КОД В ДИЛОГИИ Г. Л. ОЛДИ «ЗОЛОТОЙ ЛУК»

А н н о т а ц и я . Творчество Д. Громова и О. Ладыженского, работающих под псевдонимом Генри Лайон Олди, известно широкому кругу читателей на протяжении более трех десятилетий. Однако, несмотря на немалое количество исследований, ряд произведений оказывается вне сферы интересов литературоведов, что делает необходимым изучение дилогии «Золотой лук» в контексте принципов репрезентации античного кода. Сравнительно-исторический и мифопоэтический методы анализа позволяют выявить особенности творческого метода писателей, трансформирующих миф о Беллерофонте в традициях мифологического реализма. Пристальное внимание к мифологическим деталям и атрибутике, быту и нравам Коринфа, Аргоса и Ликий, система лейтмотивов, осовременивание и очеловечивание богов, выявление неочевидных связей между различными сюжетами, а также переосмысление образа Беллерофонта через историю его происхождения позволяют писателям создать произведение, интересное как знатокам античной мифологии, так и читателям, стремящимся окунуться в мир героического фэнтези.

К л ю ч е в ы е с л о в а : античный код, Г. Л. Олди, «Золотой лук», русскоязычное фэнтези, мифологический реализм, Беллерофонт, Химера

Д л я ц и т и р о в а н и я : Наумчик О. С. Античный код в дилогии Г. Л. Олди «Золотой лук» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 65–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.959

ВВЕДЕНИЕ

Мифологические сюжеты во всех их разновидностях – от космогонических и теогонических мифов до героических – являются неисчерпаемым источником для литературы и искусства последующих столетий. Переосмысление, дополнение, попытки переписать известные сюжетные линии и сплести их с иными, наполнив новыми смыслами, – все это позволяет адаптировать мифологический материал под нужды современности, актуализировав заложенные в нем идеи.

Неудивительно, что фантастическая литература, а особенно фэнтези, часто апеллирует к мифологическому материалу, либо используя узнаваемые имена богов и героев, либо обращаясь к архетипической основе, которая позволяет творить новые фантастические миры, выстроенные на основе мифологических моделей.

Д. Громов и О. Ладыженский, уже больше трех десятилетий работающие под псевдонимом Генри Лайон Олди, размышляя о сущности фантастической литературы, неслучайно выделяют мифо-

логическое (мифопоэтическое) и миротворческое допущения в одном ряду с научно-фантастическим, футурологическим, мистическим, фольклорным, легендарным и другими видами фантастических допущений¹.

Однако при неоспоримой важности мифологического наследия для развития фэнтези долгое время в его основе лежала мифология преимущественно кельтская, германо-скандинавская или артуровский цикл сказаний, что особенно подчеркивал А. Сапковский, утверждая, что

«легенда об Артуре стала не только архетипом, прообразом фэнтези – она была и полем возможности показать свое умение для тех авторов, которые предпочли творчески эксплуатировать сам миф»².

Д. Громов и О. Ладыженский смогли оттолкнуться от привычных сюжетных схем и обратиться к недостаточно представленным на тот момент в фэнтези античным мифам, а также мифологическому материалу Индии, Японии, Китая и Ближнего Востока. Это позволило творческому дуэту занять особую нишу в русскоязычной фантастике и встать в один ряд с писателями Новой волны –

Р. Желязны и М. Муркоком, с которыми их сравнивают.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ Г. Л. ОЛДИ

Творчество Г. Л. Олди нередко исследуют в контексте принципов воплощения мифа в современной русскоязычной фантастике. Произведениям писателей посвящено немало статей [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], да и сами они охотно высказываются о сути фантастической литературы, дают интервью³ и не скупятся на советы начинающим авторам⁴. При этом, условно обозначая жанр своих романов как «философский боевик», Д. Громов и О. Ладыженский признают, что не задумываются над жанровыми принципами и пишут так, как им хочется.

Определение их творческого метода как «мифологического реализма эпохи постмодерна» тоже кажется писателям неточным, потому что они не считают себя постмодернистами, хотя и используют элементы постмодерна, однако с мифологической основой, конечно, не спорят. Более того, Д. Громов уверен, что

«мы вообще сейчас живем в эпоху тотальной мифологии. Все, что у нас происходит, что нас окружает, включая как историю, так и день сегодняшний, – в большой степени это мифология»⁵.

Важная особенность стиля Г. Л. Олди состоит не только в том, что авторы тщательно работают с источниками, детально описывая быт, нравы и поверья древних ахейцев, китайцев или японцев, но и в том, что они стараются воспроизводить мифологические реалии максимально «правдоподобно, а еще лучше – правдиво»⁶, что и обосновывает понятие «мифологический реализм», которое нередко фигурирует в исследованиях творчества писателей.

Еще один термин, который можно встретить при обозначении жанра произведений Г. Л. Олди, – центон [7], что отсылает нас к одному из популярных жанров периода поздней Римской империи. Дословно он означает ‘одежда, сшитая из лоскутьев’⁷, а в переносном смысле подразумевает своего рода мозаику, собранную из фрагментов классических поэтических произведений, которые воспринимаются одновременно в двух контекстах – старом и новом. Этот сложный и декоративный жанр, представляющий собой шутливую игру, безусловно оказал влияние на всю последующую литературу и на постмодернизм с его интертекстуальностью.

И, наконец, применительно к творчеству Г. Л. Олди используется термин, который возник на украинской почве и потому важен для понимания творчества писателей, родившихся в Харь-

кове. Это так называемая «химерная» или «причудливая проза» [9], которая характеризуется этнографичностью, мифопоэтичностью и тяготением к историчности.

Образ Химеры для нашего исследования оказывается особенно важен, потому что в дилогии «Золотой лук» Д. Громов и О. Ладыженский обращаются к истории Беллерофонта, знаменитого победителя Химеры, порождения Тифоны и Ехидны.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СЮЖЕТА

О БЕЛЛЕРОФОНТЕ В ДИЛОГИИ Г. Л. ОЛДИ «ЗОЛОТОЙ ЛУК»

Дилогия «Золотой лук» входит в «Ахейский цикл», над которым авторы работали с 1996 года, на данный момент он насчитывает четыре произведения: «Герой должен быть один» (1996), «Одиссей, сын Лаэрта» (в двух книгах, 2000–2001), «Внук Персея» (в двух книгах, 2011–2012) и «Золотой лук» (в двух книгах, 2021). Д. Громов и О. Ладыженский открывают Ахейский цикл историей становления Геракла, продолжают его переосмыслением образов Одиссея и Амфитриона и, наконец, в «Золотом луке» обращаются к истории Беллерофонта. Во всех романах цикла затрагиваются вопросы воспитания и взросления героев, а также используется единый принцип организации сюжета, который строится на чередовании эпизодиев и стасимов, традиционно лежащих в основе структуры древнегреческой трагедии.

В художественном пространстве Ахейского цикла эпизодии посвящены человеческим судьбам и написаны от первого лица, а стасимы – повествованию о богах и чудовищах, которые принимают непосредственное участие в сюжете романов, и оформлены от третьего лица. У подобного деления текста вполне логическое обоснование, потому что слово *эпизодий* восходит к греческому ‘вступающий’, а *стасим* – производное от греческого ‘стоячий, неподвижный’. Таким образом, мы видим противопоставление неизменного, незыблемого, неподвижного мира богов и преходящего мира героев, которые еще только появляются в нем и ищут свой путь.

Дилогия «Золотой лук» состоит из двух романов – «Если герой приходит» и «Все бывает», их названия являются прямыми цитатами из текста романов, где они складываются во фразу «Если герой приходит, все бывает» и повторяются как в первой части⁷, так и во второй⁸, звуча в ключевые моменты, связанные с рождением Беллерофонта и укрощением Пегаса. Назва-

ние «Золотой лук», объединяющее два романа, отсылает читателя к имени великана Хрисаора (др.-греч. Χρυσάωρ 'золотой меч'), сына Посейдона и Медузы Горгоны. В соответствии с древнегреческой мифологией Хрисаор родился с золотым мечом в руках, однако в романе Г. Л. Олди его оружие меняет свою форму, превращаясь то в меч аор, то в лук, а когда Беллерофонту грозит опасность, радуга в форме лука соединяет человека и великана, призывая Хрисаора на помощь Беллерофонту:

«Я раздвоился. Парил в небе над Тринакрией с мечом-аором в руке; распрямлялся во весь свой исполинский рост на другом острове, под другими небесами. Меч превращался в лук, золотой лук-аор устремлялся к облакам. Выгибался огнистой радугой, соединял острова, миры, меня, где бы я ни был, на каком расстоянии от самого себя ни находился»⁹.

Образ золота вообще является лейтмотивом: золотой меч, золотой лук, золотая радуга, выкованная Гефестом золотая цепь, которой когда-то был скован Зевс во время мятежа богов. На эту же золотую цепь, разорванную Бриареем, впоследствии была подвешена Гера, а после ее освобождения обрывки чудесных оков упали на землю и были подобраны Сизифом, использовавшим эту цепь для того, чтобы пленить Танатоса, бога смерти. Уздечка, которой Беллерофонт по наущению Афины должен был обуздать Пегаса, тоже была выкована из золота, а тело героя защищает «невиданный, горящий золотом доспех без единой щели»¹⁰. Даже молнии Зевса, которые должен был перевозить Беллерофонт на Пегасе, доставляя из Тринакрии на Олимп, были из золота.

Частое упоминание золота в связи с богами-олимпийцами не является случайным, ведь этот драгоценный металл был не только символом высшей власти и неизменным атрибутом божеств, но и отсылал к мифологеме Золотого века. Олимп украшен золотом, боги используют золотые колесницы и доспехи, в виде золотого дождя Зевс является к Данае, крылатые сандалии Гермеса отделаны золотом, да и множество эпитетов богов связано именно с золотом (например, у Гомера: златотронная Гера, Деметра с златыми кудрями, златокрылая Ирида, златокудрая охотница Артемида и многие другие¹¹).

Однако при всей детальной работе с атрибутикой античных богов, с неоднократным упоминанием древнегреческих мифов и воспроизведением их сюжетов Д. Громов и О. Ладыженский намеренно снижают их образы, приписывая божествам те же чувства, недостатки и пороки, которые присущи людям: гнев, страх, ненависть,

неверность, предательство, жестокость и др. Причем такой подход к божественным фигурам, которые отличаются от людей разве что бессмертием, соответствует и позднеантичной традиции, и современной тенденции к очеловечиванию богов, которая складывается в фэнтези на мифологические сюжеты (например, «Евангелие от Локи» и «Рунная магия» Дж. Харрис, «Американские боги» Н. Геймана). Так, «шлемоблещущая» Афина в размышлениях Гермеса превращается в «медноголовую»¹², а Гефест, решив напугать Беллерофонта, сетует, что ему нелегко топтать с его хромыми ногами, да и сам Беллерофонт, наблюдая за общением богов, мысленно отмечает: «Надо же, боги, а грызутся и подначивают друг дружку точь-в-точь как мы, люди. Или это мы – как они?»¹³.

Оставляя нетронутой канву мифа и его официальную трактовку, Д. Громов и О. Ладыженский исподволь меняют многие факты, подчеркивая, что есть общепринятая версия, которую намеренно распространяют по Греции, а есть истинная история, остающаяся в тени. Например, практически в самом начале первого романа выясняется, что Главк, сын Сизифа, был проклят богами за деяния своего отца – у него не должно было остаться наследников, чтобы род Сизифа прервался. Почти до самого финала «Золотого лука» читатель вслед за Гиппоном-Беллерофонтом уверен в том, что Главк был бесплоден, а дети, рожденные его женой Эвримедой (по другой версии – Эвриномой), прижиты от других мужчин. И лишь в конце дилогии Главк и его жена признаются, что Алкимен, Делиад и Пирен, давно погибшие к тому моменту, были сыновьями Главка, который, распуская слухи о своем бесплодии, пытался уберечь детей от неизбежной кары богов.

Точно так же трансформируется и знаменитый эпизод в Арголиде: по официальной версии мифа, изложенной, например, Аполлодором [1], Сфенебея, жена царя Прета (в романе он получает имя Мегапент), воспылала любовью к Беллерофонту, но была отвергнута, после чего отправила юного героя к своему отцу с письмом, в котором содержался приказ его убить. В романе Г. Л. Олди частично повторяется сюжет этого мифа: Сфенебея действительно пыталась соблазнить Беллерофонта и на самом деле отправила роковое письмо своему отцу, однако причины ее поступка трактуются совершенно иначе, ведь Беллерофонт стал свидетелем убийства ее мужа и знал о заговоре против Персея, который готовила Сфенебея. Меняются и обстоятельства ее смерти: если в классических мифах

она либо кончает жизнь самоубийством, либо оказывается сброшена Беллерофонтом с Пегаса, то в романе «Все бывает» герой пытается спасти царицу из горящего города, но она все равно погибает по трагической случайности.

Однако наибольшие изменения претерпевает образ Беллерофонта, который в классическом мифе, изложенном у Аполлодора [1], Гесиода¹⁴, Гомера¹⁵, Павсания¹⁶, Пиндара¹⁷ и других античных авторов, представлен сыном Посейдона и Эвриномы, жены царя Коринфа Главка, сына Сизифа. Д. Громов и О. Ладыженский ведут повествование в эпизодах именно от лица Гиппоноя, будущего Беллерофонта, которому на начало романа всего шесть лет, а потому его внутренний монолог и размышления наивны и эмоциональны. Писатели отметят несколько важных вех в жизни героя – смерть Пирена от огня Химеры, смерть Делиада от рук конокрадов, гибель Алкимена от его собственного дротика и последующие попытки очиститься от случайно совершенного убийства. И параллельно с этим – поиски Гиппоноем самого себя и стремление разгадать тайну своего происхождения, потому что в детстве он узнает, что Главк не является его отцом, а впоследствии выясняет, что и Эвринома – вовсе не его мать.

Путь Гиппоноя-Беллерофонта лежит от Химеры, которую он увидел в детстве и пообещал убить, к ней же, Химере, когда он все же побеждает ее верхом на Пегасе. Однако ирония в том, что и сам Беллерофонт подобен своему врагу, а когда его тело срастается с телом Пегаса, простые люди, увидев в небесах крылатую двухголовую тень, принимают его за Химеру или за чудовищного кентавра:

«Бог или кто, он завис над двором, медля приземлиться – и Лакий с тихим ужасом понял: это не всадник. Это кентавр. Невиданный кентавр с двумя торсами, конским и человеческим, четырьмя копытами, парой рук и парой крыльев. Размерами кентавр вдвое превосходил человека, если того взгромоздить на лошадь»¹⁸.

Лишь в финале второго романа читатель наконец-то складывает все части мозаики в единое целое и понимает, каким образом были связаны Беллерофонт, Пегас, Хрисаор и почему ни одно из морских чудовищ не тронуло Беллерофонта – ни Химера, ни Лернейская гидра. Рассказ океаниды Каллирои, ставшей супругой Хрисаора, раскрывает не только тайну рождения Беллерофонта, но и по-новому представляет миф об убийстве Медузы Персеем: Медуза носила трехтелое дитя от Посейдона и, не в силах родить естественным путем, взмолилась явивше-

муся убить ее Персею о том, чтобы он разрезал ее чрево:

«Удар был точен. Чрево Медузы раскрылось невиданным цветком, влажным от серебряной росы. Дитя рванулось наружу, ища выход, созданный не природой, но алмазным лезвием. Дитя рванулось, и стало ясно, что рука Персея – в первый и последний раз за всю его жизнь, прошлую, настоящую и будущую – дрогнула. Клинок вспорол не только Медузу, клинок задел ребенка, трехтелую воплощенную месть.

Связь порвалась, расторглась»¹⁹.

Классический античный миф возводит происхождение Пегаса и Хрисаора к Медузе и Посейдону, однако писатели меняют мифологическую концепцию и делают сыном Медузы и Беллерофонта, подчеркивая, что изначально это должно было быть трехтелое существо, подобное Химере. Каждый из рожденных Медузой символизировал нечто одно: Пегас был воплощением свободы, Хрисаор – силы, а Беллерофонт – смерти. Или же смертности, как осознает это герой в финале романа:

«Я не смерть, я смертность. Знание свободы о том, что существуют узды и кнут. Знание силы о своей слабости. Бессмертие, знающее о своих пределах. Доспех, признающий свою уязвимость. Победа, которая со смирением принимает существование поражения»²⁰.

Известный по мифам эпизод с низвергнутым с небес Беллерофонтом тоже претерпевает изменения: героя наказывают не за то, что он бросил вызов богам и попытался долететь до Олимпа, а потому, что ему подчинились молнии Зевса, когда Афина реализовала свою давнюю мечту – использовать Пегаса (и его наездника) для того, чтобы переправлять молнии из Тринакрии. С переломанными ногами Беллерофонт остается править в Ликий, долго восстанавливается, но проживает почти счастливую жизнь, хотя слепнет к старости и, оставив трон младшему сыну, отправляется странствовать и рассказывать легенды о золотых цепях, крылатом Пегасе и герое Беллерофонте. От своего имени он отказывается, позволяя называть себя Кимоном, но его связь с Пегасом и Хрисаором сохраняется до самой смерти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в дилогии «Золотой лук» Д. Громов и О. Ладыженский, работающие под псевдонимом Генри Лайон Олди, трансформируют миф о Беллерофонте в традициях так называемого мифологического реализма. Благодаря особому вниманию к мифологическим деталям, атрибутике, быту и нравам древних городов, системе лейтмотивов, осовремениванию и очеловечива-

нию богов, выявлению неочевидных связей между различными сюжетами, а также переосмыслению образа Беллерофонта через историю его происхождения писатели создали произведение, интересное как знатокам античной мифологии, так любителям героического фэнтези.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Олди Г. Л. Что такое фантастика? Фантастическое допущение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mirf.ru/book/chto-takoe-fantasticheskoe-dopuschenie/> (дата обращения 09.08.2023).
- ² Сапковский А. Пируг, или нет золота в Серых Горах. М.: АСТ, 2002. С. 205.
- ³ Галина М. Орбитальная станция. В гостях у ведущей Генри Лайон Олди [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://litradio.ru/podcast/orbita_oldi_170409/detail.htm (дата обращения 01.08.2023).
- ⁴ Олди Г. Л. Интервью с писателями от 28 ноября 2019 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Xd6dBzZ27SuedS-Y> (дата обращения 13.08.2023).
- ⁵ Галина М. Орбитальная станция. В гостях у ведущей Генри Лайон Олди...
- ⁶ Там же.
- ⁷ Олди Г. Л. Золотой Лук. Книга 1. Если герой приходит. М.: Азбука, 2021. С. 387.
- ⁸ Олди Г. Л. Золотой Лук. Книга 2. Все бывает. М.: Азбука, 2021. С. 268.
- ⁹ Олди Г. Л. Золотой Лук. Книга 1... С. 351.
- ¹⁰ Там же. С. 376.
- ¹¹ Гомер. Илиада. М.: Классики и современники, 1987. 384 с.
- ¹² Олди Г. Л. Золотой Лук. Книга 2... С. 281.
- ¹³ Там же. С. 365.
- ¹⁴ Гесиод. Перечень женщин или Эои // Гесиод. Полное собрание текстов. М.: Лабиринт, 2001. С. 91–94.
- ¹⁵ Гомер. Илиада...
- ¹⁶ Павсаний. Описание Эллады. М.: Ладомир, 2002. 995 с.
- ¹⁷ Пиндар. Беллерофонт // Пиндар. Олимпийские песни. М.: Наука, 1980 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ancientrome.ru/antlit/pindar/pindar03.htm#c13> (дата обращения 11.08.2023).
- ¹⁸ Олди Г. Л. Золотой Лук. Книга 2... С. 355.
- ¹⁹ Там же. С. 389.
- ²⁰ Там же. С. 394.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека. М.: Литературные памятники, 1993. 214 с.
2. Голенищева М. С. Функции греческой мифологии в современной фантастике (на материале «Ахейского цикла» Г. Л. Олди) // Дергачевские чтения – 2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики: Материалы XIII Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Екатеринбург, 2019. С. 230–238.
3. Ложкина Д. Д. Функциональные особенности сравнительных конструкций, содержащих реалии фантастического мира (на материале трилогии Г. Л. Олди «Ойкумена») // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию славистики в Республике Башкортостан. Уфа; Велико Тырново, 2020. С. 79–85.
4. Лыткина А. В. Атрибуты и эпитеты греческих богов: своеобразие их функций в романе Г. Л. Олди «Герой должен быть один» // Художественная картина мира в фольклоре и литературе: Материалы Всерос. науч. конф. Астрахань, 2022. С. 114–119.
5. Милованов В. В. Пространство мифологического эпоса в романе Г. Л. Олди «Одиссей, сын Лаэрта» // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2011. № 6 (14). С. 56–59.
6. Милованов В. В. Философско-нравственная проблематика ахейского цикла Г. Л. Олди // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 10 (54). С. 155–158.
7. Резанова Н. Генри Лайон Олди: поэтика центона // Олди Г. Л. Путь меча. М.: Параллель, 1995. С. 667–670.
8. Таран А. В. Генри Лайон Олди – «классический» дуэт в русскоязычной фантастике, или кто продолжает просветительскую традицию братьев Стругацких // Культура в современном мире. 2012. № 3. С. 13.
9. Философы от фэнтези: жизнь и миры Генри Лайона Олди [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dtf.ru/read/187472-filosofy-ot-fentezi-zhizn-i-miry-genri-layona-oldi> (дата обращения 15.08.2023).
10. Щукина М. С. Театральность романа Г. Л. Олди «Войти в образ» // Воропановские чтения: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 13 ноября 2021 г. Красноярск, 2021. С. 86–88.
11. Элязян Н. Ж., Татевосян А. А. Переосмысление мифов о Геракле в романе Генри Олди «Герой должен быть один» // Научный форум: филология, искусствоведение и культурология: Сб. ст. по материалам XXXIX Междунар. науч.-практ. конф. М., 2020. С. 34–39.
12. Юданова М. В. Мифология в романах Г. Л. Олди «Герой должен быть один» и «Одиссей, сын Лаэрта» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 6. С. 85–89.

Поступила в редакцию 18.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Olga S. Naumchik, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
naumchik@flf.unn.ru

ANCIENT CODE IN HENRY LION OLDIE'S DILOGY *THE GOLDEN BOW*

Abstract. The works of Dmitry Gromov and Oleg Ladyzhensky using the joint pseudonym Henry Lion Oldie have been known to the general reader for more than three decades. However, despite a considerable amount of research on their works, a number of books fall outside the sphere of interests of literary critics, which explains the importance of studying their diology *The Golden Bow* in the context of the principles of ancient code representation. The methods of comparative historical and mythopoetic analyses allow to identify the specific features of the creative method of the writers who transform the myth of Bellerophon in the traditions of mythological realism. Close attention to mythological details and attributes, the life and customs of Corinth, Argos and Lycia, as well as the system of leitmotifs, modernization and humanization of the gods, establishing non-obvious connections between various plots, and reinterpretation of the image of Bellerophon through the story of his origins allow writers to create a book interesting for both connoisseurs of ancient mythology and readers seeking to dive into the world of heroic fantasy.

Keywords: ancient code, Henry Lion Oldie, *The Golden Bow*, Russian-language fantasy, mythological realism, Bellerophon, Chimera

For citation: Naumchik, O. S. Ancient code in Henry Lion Oldie's diology *The Golden Bow*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):65–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.959

REFERENCES

1. Apollodorus. Mythological library. Moscow, 1993. 214 p. (In Russ.)
2. Golenishcheva, M. S. Functions of Greek mythology in modern fantasy literature (based on Henry Lion Oldie's Achaean Cycle. *Dergachyov Readings – 2018. Literature of regions in the light of geo- and ethnopoetics: Proceedings of the XIII all-Russian research conference*. Yekaterinburg, 2019. P. 230–238. (In Russ.)
3. Lozhkina, D. D. Functional features of comparative constructions containing the realities of the fantasy world (based on Henry Lion Oldie's trilogy *Ecumene*). *Slavic ethnoses, languages and cultures in the modern world: Proceedings of the VI international research and practice conference dedicated to the 60th anniversary of Slavonic studies in the Republic of Bashkortostan*. Ufa; Veliko Tarnovo, 2020. P. 79–85. (In Russ.)
4. Lytkina, A. V. Attributes and epithets of the Greek gods: their specific functions in Henry Lion Oldie's novel *A Hero Must Be Alone*. *Artistic picture of the world in folklore and literature: Proceedings of the all-Russian research conference*. Astrakhan, 2022. P. 114–119. (In Russ.)
5. Milovanov, V. V. The space of mythological epos in Henry Lion Oldie's novel *Odysseus, Son of Laertes*. *Socio-Humanitarian Bulletin of the South of Russia*. 2011;6(14):56–59. (In Russ.)
6. Milovanov, V. V. Philosophical and moral problematics of the Achaean Cycle by Henry Lion Oldie. *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*. 2010;10(54):155–158. (In Russ.)
7. Rezanova, N. Henry Lion Oldie: poetics of centos. *Oldie, H. L. The Way of the Sword*. Moscow, 1995. P. 667–670. (In Russ.)
8. Taran, A. V. Henry Lion Oldie, classical duo in Russian-language fantasy and science fiction, or who continues the educational tradition of the Strugatsky brothers. *Culture in the Modern World*. 2012;3:13. (In Russ.)
9. Philosophers from fantasy: life and worlds of Henry Lion Oldie. Available at: <https://dtf.ru/read/187472-filosofyot-fentezi-zhizn-i-miry-genri-layona-oldi> (accessed 15.08.2023). (In Russ.)
10. Shchukina, M. S. The theatricality of Henry Lion Oldie's novel *Getting into Character*. *Voropanov Readings: Proceedings of the II international research and practice conference*. Krasnoyarsk, 2021. P. 86–88. (In Russ.)
11. Elyazyan, N. Zh., Tatevosyan, A. A. Reinterpretation of the myths about Hercules in Henry Oldie's novel *A Hero Must Be Alone*. *Scientific forum: philology, art criticism and cultural studies: Proceedings of the XXXIX international research and practice conference*. Moscow, 2020. P. 34–39. (In Russ.)
12. Yudanov, M. V. Mythology in Henry Lion Oldie's novels *A Hero Must Be Alone* and *Odysseus, Son of Laertes*. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2008;6:85–89. (In Russ.)

Received: 18 August 2023; accepted: 29 September 2023

ЕВГЕНИЯ ПЕТРОВНА ЛИТИНСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5901-7187; litgenia@yandex.ru

ГРЕЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК» (1836–1866)

Аннотация. Статья посвящена исследованию рецепции греческой лирической поэзии в журнале «Современник», наследующем пушкинскую традицию. В поле зрения автора критический материал В. С. Печерина «О греческой эпиграмме», обзорающая греческую антологию от Античности до современных ее переводов на европейские и русский языки; стихотворения Е. А. Баратынского, Я. К. Грота, Д. И. Коптева, объединенные редактором П. А. Плетневым в антологические циклы; рецензия на сборник «Греческих стихотворений» Н. Ф. Щербины анонимного автора. Делается вывод о том, что критические материалы, посвященные антологической поэзии, касаются ее жанрового и тематического аспектов. Печерин пишет об антологической эпиграмме как жанре и дает примеры филологических переводов. Автор рецензии на сборник Щербины, рассматривая его подражания греческой антологии, рассуждает о тематическом единстве текстов. Поэтические вариации Баратынского и Коптева из антологических подборок при формальной ограниченности ямбическими стихами и элегическим дистихом характеризуются жанровым и тематическим смешением как отличительной особенностью реформы лирических жанров.

Ключевые слова: Плетнев, Печерин, Баратынский, Коптев, Щербина, античность, романтизм, эпиграмма, рецепция

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00423 (<https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

Для цитирования: Литинская Е. П. Греческая антология на страницах журнала «Современник» (1836–1866) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 71–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.960

ВВЕДЕНИЕ

Русская антологическая поэзия формируется в 20–30-х годах XIX века, достигая пика своего развития в 40–50-х. Исследованию этого литературного феномена посвящены монографии Л. И. Савельевой [13], С. А. Кибальника [4], статья Т. Г. Мальчуковой [7] и др. Рецепция греческой лирической поэзии в творчестве отдельных авторов становится объектом изучения Н. В. Фридмана [15], Д. Н. Жаткина [3], С. В. Рудаковой [11], [12], Т. Г. Мальчуковой [8]. На страницах литературных журналов эпохи – «Литературная газета», «Вестник Европы», «Современник», «Северные цветы» – антологическая лирика была представлена в восприятии А. А. Дельвига, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковско-го, Е. А. Баратынского, В. К. Кюхельбекера и, конечно, А. С. Пушкина. Его циклы стихотворений, созданные в антологическом роде, «Подража-

ния древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Антологические эпиграммы», – вершина воплощения греческой антологии в русских стихах.

А. С. Пушкин, редактор, издатель, автор литературных текстов и критических статей в журнале «Современник», как и Н. В. Гоголь, В. Ф. Одоевский и П. А. Вяземский, критически оценивал «торговое направление» и крайний романтизм в современной литературе и журналистике, стремился создать общественный литературный журнал – продолжение «Литературной газеты» барона Дельвига. После смерти Пушкина редактором журнала «Современник» становится П. А. Плетнев. В 1847 году журнал переходит Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву. Редакторы уделяют внимание антологической поэзии. На страницах журнала за все время его существования были размещены как статьи теоретического и критического содержания, так

и отдельные стихотворения. Особый интерес для нас представляют подборки «Антологические стихотворения». Анализ материалов, посвященных рецензии древнегреческой лирической поэзии и ее воплощению в русском стихе, а также обзор антологических циклов, опубликованных на страницах журнала «Современник», будет задачей настоящей работы.

* * *

Тема греческой антологии открывается филологической работой «О греческой эпиграмме»¹ в отделе «История классической литературы» В. С. Печерина, известного филолога-классика. Печерин изучал классическую филологию в Санкт-Петербургском университете у академика Ф. Б. Грефе, специализировался в области греческой антологии. Его преподавательская деятельность в Московском университете в должности экстраординарного профессора греческой словесности и древностей была недолгой (один семестр в 1836 году), но яркой². Библиотека Печерина, содержащая около 180 наименований на русском, греческом, латинском и восточных языках, была завещана Московскому университету в 1886 году³.

Печерин обзрывает историю антологической поэзии от античных образцов до современных, сопровождая анализ собственными переводами. Под антологией (ἄνθος 'цветок') он понимает «рассеянные цветы легкой греческой поэзии» (1838; 12, 82), впервые собранные в «Венок» («Στέφανος») Мелеагром Гадарским, греческим поэтом II–I веков до Р. Х. В сборник Мелеагра вошли как стихотворения древнегреческих поэтов Архилоха, Алкея, Симонида, Анакреонта, Платона и александрийских поэтов, так и его собственные, «исполненные жизни и грации, исключая некоторые, оскорбляющие утонченный вкус или заключающие в себе софистические тонкости» (1838; 12, 83). Уже Мелеагром была заложена определенная свобода при выборе тем антологической поэзии. Принцип вольного подхода заимствуется и позднейшими авторами. Как отмечает Т. Г. Мальчукова,

«широкий тематический диапазон антологической эпиграммы был результатом эволюции античной поэзии, ее перехода от устного исполнения восходящих к обрядовому фольклору лирических жанров (каждого со своим музыкальным сопровождением, ритмом, составом исполнителей, тематикой, композицией, стилем, даже с особым диалектом греческого языка) к книжной поэзии» [8: 57].

Последующие антологии греческой поэзии составлялись на основе собрания Мелеагра. Палатинская антология (X век) К. Кефалы включала

15 томов античных и средневековых греческих эпиграмм. Греческая антология монаха Максима Плануда (XV век) состояла из 7 книг и легла в основу первого издания Греческой антологии во Флоренции в 1494 году.

В определении формы эпиграмматической поэзии Печерин однозначно указывает элегический размер, «гекзаметро-пентаметр». Содержание эпиграммы наполняла сама

«жизнь со всем ее пестрым разнообразием, все явления в области природы и искусства, все возможные случаи в жизни народов и неделимых лиц, тончайшие явления мысли и нежнейшие оттенки чувствований, одним словом, все, что может быть занимательным для мыслящего человека, все, что возбуждает сочувствие образованного человека – все сделалось предметом эпиграммы» (1838; 12, 75–76).

В греческой антологической поэзии Печерин выделяет две преобладающие разновидности: сатирическую эпиграмму и философскую:

«Сатирические эпиграммы, находящиеся в греческой антологии, суть большею частью гиперболы, иногда весьма забавные, иногда излишеством своим оскорбляющие законы строгого вкуса. Впрочем, есть в антологии другой род легких, прелестных стихотворений, нравящихся неожиданным сближением разнородных, по-видимому, предметов. Но в них, как в одах Горация, самые светлые картины жизни оттеняются легким облаком задумчивости» (1838; 12, 81).

Завершается историко-литературный очерк анализом переводов греческих эпиграмм. Так, перевод на латинский язык Г. Гроция, по мнению критика, «сохранил всю грацию и свежесть подлинника». Переводы Гердера названы «прекрасными», однако «в них часто бывает изменен настоящий смысл подлинника». Отмечена «строгая верность» переводов Якобса на немецкий язык, которые «в грации не уступают Гердеру». Печерин сетует на практически полное отсутствие русских вариаций. Упомянув две пьесы Державина, заимствованные из антологии («Горячий ключ», «Спящий Эрот»), и «две прекрасные греческие эпиграммы» Дмитриева, он подчеркивает, что переводы сделаны не с подлинника. Слабость русских воплощений греческих эпиграмм в брошюре «О греческой антологии» (1820), по мнению Печерина, состоит в том, что «иногда совсем потерял колорит древней простоты». О переводах Дашковым пятнадцати эпиграмм, напечатанных в «Северных цветах» (1825), сказано без указания автора: «...верность спорит с изяществом: стихи, написанные размером подлинника, легки и благозвучны» (1838; 12, 86–88).

Бросается в глаза отсутствие упоминания опытов иных современных поэтов, писавших

в антологическом роде. Объяснение мы находим в обстоятельствах публикации. Статья – отрывок из диссертации, которую намеревался представить Печерин в Московском университете. Но защита так и не состоялась, поскольку в 1836 году он эмигрировал из России. Предполагаем, что в черновом варианте могли быть приведены переводы Батюшкова, Дельвига или Пушкина.

Печерин преисполнен надежды на то, что изучение классической древности в России будет процветать и появятся достойные переводы греческой поэзии. Свой очерк он завершает восклицанием:

«Да явятся и у нас в России Гердеры, Якобсы с блестящими талантами, развитыми классическим образованием! Да перенесут они на отечественную почву прекрасные цветы, распутившиеся под вечно-ясным небом древней Эллады!» (1838; 12, 89).

В статью Печерин включает девять собственных переводов греческих эпиграмм, написанных размером подлинника. Словно соревнуясь с Державиным, он переводит любовную эпигرامму Мариана Схоластика «Горячий ключ» (AP IX, 627) – «Здесь, под яворов тенью, Эрот почивал утомленный...». Тезис о способности древних поэтов чувствовать и выражать красоту: «Видеть, ощущать прекрасное – и гармонически, в живых образах выражать ощущаемое, для грека было одно и то же» (1838; 12, 77) сопровождается тремя эпиграммами: «На Фидиева “Зевса”» Филиппа Фессалоникского (AP XVI, 81), «На бюст Александра Македонского» Асклепиада (AP XVI, 120) и Подисиппа (AP XVI, 119). Печерин переводит эпиграммы, имеющие эпический компонент: «Труп Леонида кровавый...» Филиппа Фессалоникского (AP IX, 293), «На разрушение Коринфа» Антипатра Сидонского (AP IX, 151). В эпитафиях «Неосторожное слово» Антифила Византийского (AP VII, 650), надгробии Платона неизвестного автора (AP VII, 62), надписи Асклепиада на могиле Аякса (AP VII, 145) автор отмечает «живую драматическую форму» (1838; 12, 80).

Переложения Печерина отличаются очевидной близостью к греческим оригиналам, «выполнены более гладким языком, лишены ярко выраженной архаизирующей тенденции» [4: 138] и предвосхищают позднейшие профессиональные филологические переводы антологической поэзии (Ю. Шульц, М. Грабарь-Пассек и др.).

Антологическую тему в журнале Плетнева продолжают в 1839 году три стихотворения Е. Баратынского «Благословен святое возвестивший!..», «Были бури, непогоды...», «Еще как патриарх не древен я. Моей...» под общим жанровым заголовком издателя «Антологические стихотворения»⁴. В письме к Плетневу в начале

1839 года Баратынский пишет: «Посылаю тебе несколько небольших пьес, набросанные мною на прошедшей неделе»⁵. Позднее миниатюры были включены в книгу стихов «Сумерки».

Это второй цикл Баратынского в антологическом роде. Первый включал пять стихотворений и был издан в «Северных цветах на 1829 год»⁶. Испытывая на себе влияние французской антологической поэзии, поэзии Батюшкова, Дельвига, Пушкина, Баратынский создает самобытные антологические миниатюры. «Благословен святое возвестивший!..» – десятистишие, написанное пятистопным ямбом. Приведем полностью текст миниатюры в журнальном варианте (есть разночтения с печатным вариантом в сборнике):

«Благословен святое возвестивший!
Но в глубине разврата не погиб
Какой-нибудь неправедный изгиб
Сердец людских пред нами обнаживший.
Две области – сияния и тьмы –
Исследовать равно стремимся мы.
Плод яблони со древа упадает:
Закон небес постигнул человек!
Так в дикий смысл порока посвящает
Нас иногда чуть явственный намек» (1839; 15, 157).

В стихотворении можно выделить три части: о поэте (1–6 ст.), об ученом (7–8 ст.), сентенция-вывод (9–10 ст.). Это философское размышление о роли поэта («благословен») и силе его слова («святое возвестивший»). Тема, безусловно, отсылает к поэзии Пушкина. Поэт исследует человеческий мир во всей его многогранности, его интересует и прекрасное, и порочное в нем. В этой романтической теме виден путь к творчеству Гоголя, Достоевского, изучавших глубины противоречивой личности человека в контексте реалистического подхода. Автор неожиданно, остроумно и лаконично сопоставляет поэзию и науку. Образы яблока и древа, имеющие как античные аллюзии (яблоко раздора), так и ветхозаветные (искушение Евы, Древо жизни), вводят легенду об открытии закона тяготения Ньютоном. Поэт допускает возможность соединения рационального и бессознательного в процессе познания. «Антологичность» стихотворения Баратынского – в безукоризненной по отделке форме, краткости и одновременно емкости мысли, характерных для античной гномы.

В романтической стилистике прочитываем стихотворение «Были бури, непогоды...». Оно состоит из 6 строф, написано четырехстопным хореем, малохарактерным для русской антологической поэзии. Стихотворение имеет песенную интонацию и развивает тему поэзии, которая выстраивается на пространственно-временной антитезе молодости и старости. Лирический ге-

сис (четыре восклицательных предложений, многоточие, неполные предложения) подчеркивает напряжение. В центре внимания – конфликт чувства и мысли. Рефлексирующий лирический герой – поэт, «жрец», способный облекать мысли в слова. Но он, «художник *бедный* слова (курсив наш. – *Е. Л.*)», несчастен, в отличие от творцов иных искусств, ведь поэзия, «этот волшебный дар – печать проклятья» [1: 28]. Мысль художника слова работает со сложнейшим материалом: «Все тут, да тут и человек, и свет, / И жизнь, и смерть, и правда без покрова». Но «именно мысль открывает перед Поэтом горизонты неведомой жизни, срывая все наносное, выявляя все иллюзорное, приближая его к познанию подлинных основ бытия» [11: 280]. Баратынский развивает мысль Пушкина о двойственной природе человека: он глашатай Бога и земной человек.

В подборке были также опубликованы две миниатюры: мадригал с заглавием «А. М. G.», подписанный М. Ф. Л., и эпитафия Я. Грота «На гробницу младенца».

Включение в цикл философской интимно-психологической лирики Баратынского миниатюр хвалебного и траурного содержания свидетельствует о достаточно широком понимании Плетневым антологической поэзии¹¹, обоснованном еще Мелеагром. В статье 1822 года «Два антологические стихотворения» он пишет:

«Но между всеми эпиграмматическими стихотворениями только те должно включать в раздел антологических, которые отличаются простотою мысли, нежностью чувства и совершеннейшею отделкою стихов»¹².

Наиболее объемно антологическая поэзия на страницах журнала представлена в воплощении Д. И. Коптева. В 1845–1846 годах Плетнев публикует четыре подборки его «Антологических стихотворений», в общем количестве 25 пьес.

Д. И. Коптев имел прекрасное классическое образование, «отлично знал по-латыни и был лучшим учеником у В. И. Красова (учителя греческого языка)», «писал также стихи по-латыни, подражая Вергилию, и под влиянием греческих классиков написал в древнем стиле трагедию Федру»¹³, отрывки из которой были опубликованы в «Современнике» в 1844–1845 годах.

Плетнев в письме Д. Коптеву от 4 ноября 1845 года пишет: «Я очень обрадовался, увидев из вашего письма, что вы теперь в периоде антологии»¹⁴. Позднее в письме от 5 апреля 1846 года дает высокую оценку его таланта: «Вам надобно помнить, что судьба ошибкою послала вас в мир после Пушкина. Вы поэт его времени»¹⁵.

«Антологические стихотворения» Коптева – лирические миниатюры различного содержа-

ния, написанные ямбическими стихами. Любовные стихотворения могут иметь элегическую интонацию. Частым является мотив разлуки с возлюбленной: «Однажды в год приходит извещенье...» (1845; 40, 223), «Мы тихо шли извилистой тропею...» (1838; 40, 223–224); «Случается, что я, плененный суетой...» (1846; 44, 371); смерти возлюбленной: «Лежала девушка, облитая слезами...» (1846; 43, 360); «Она покоится на кружеве постели...» (1846; 44, 225).

Многочисленны стихотворения, имеющие философское содержание. На антитезах, характерных для греческой эпиграммы, выстраивается стихотворение «Нередко в хронике, среди повествования...», в котором поэт рассуждает о гармонии бытия: в историческом тексте о героическом подвиге встречается романтический сюжет о смерти возлюбленных в разлуке, в научном тексте описывается бытовой эпизод. Далее поэт приводит поэтические сравнения: «Не также ли в темно-лиловых облаках / Мерцает звездочка?.. Не также ли порою, землю / Среди сухих, непринятых землею, / Приподымается лазоревый цветок? / Над ним жужжит пчела; игривый ветерок / Его, как будто бы баюкая, колышет – / И дышит чашечка... благоуханьем дышит» (1846; 42, 369). Образы цветка и пчелы характерны для греческой антологии. Так, например, они соединены у Никия в эпиграмме AP IX, 546.

Метафора девушка-цветок Коптева в стихотворении «Жужжащий шмель размахивает жалом...» (1846; 44, 215), скорее всего, позаимствована у Мелеагра (см., например, AP V, 144; AP V, 174). Антологическая поэзия представлена образами душистого цветника: «Мы тихо шли извилистой тропею...» (1845; 40, 224), венка и цветов: «Не из одних гвоздик, не из одних лилей...» (1846; 43, 361); «Сорится дождь прозрачными иглами...» (1846; 44, 235). Цветы антологии Коптева разнообразны: сирень в «Я обходил полуночной порой...» (1846; 44, 234), лилия в «Ни облака. Теряясь в кустах...» (1846; 43, 360), гвоздика, жасмин в «На рытом бархатом обитой отомане...» (1846; 42, 370), тюльпан, василек в «Не из одних гвоздик, не из одних лилей» (1846; 43, 361).

Миниатюра «Настала грустная и страшная година...» (1846; 43, 215) – размышление о силе веры в успех с использованием мотива кораблекрушения. Эпитафия рыбаку Феону «К сему подножию раздробленных колон...» близка по своему воплощению к древнегреческому образцу – к эпитафии рыбаку Фериду Леонида Тарентского (AP VII, 295).

«К сему подножию раздробленных колонн
Нередко лодочку причаливал Феон.
Он, выделав ее искусными руками,

Он, подружив ее с бурливыми волнами,
Смиренно воевал с пугливым осетром.
Но в злополучный день, как загрохочет гром...
И вместе въехали в угодие Харона,
Как вместе пожили, Феон и челн Феона» (1846; 42, 369)

В отдельную группу можно выделить стихотворения, посвященные теме юности и старости: «Приходит ночь – за дрогнувшим стеклом...» (1846; 42, 371); «Ни облака. Теряясь в кустах...» (1846; 42, 371).

В идиллическом ключе рисуется образ смерти в стихотворении «Когда отжившие приобретают силу...»:

«Но в утро ясное на ниве золотой
Где блещет светлый серп послушною змеей,
Где девица, себя цветами убирая,
Поет так весело, как птичка полевая,
И будет проходить аллеею снопов,
Как прежде, ласково приветствуя жнецов» (1846; 42, 370).

Смерть ясна и прекрасна, как девушка. Иной образ находим в стихотворении «На облаке, не опуская глаз...», где смерть – «погибельная дева / И семена отчаянья и гнева / Посыпала, рассыпала на нас» (1846; 43, 361).

Классические европейские мотивы перемежаются с восточными: изречения Конфуция об умеренности могут быть прочитаны в контексте горацианской философии в стихотворении «На мирной синеве полуночного неба...» (1846; 42, 369). Свою возлюбленную поэт встречает в восточном интерьере в «На рытом бархатом обитой отомане...» (1846; 42, 370). Здесь, как нам кажется, очевидно влияние поэзии Батюшкова, умело синтезировавшего «антологическую и ориентальную традиции» [4: 77]. Коптев, ориентируясь на предшественников, в оригинальных антологических миниатюрах воссоздает мотивы древнегреческой лирики.

Таким образом, объединение разных стихотворений в антологические циклы Плетневым объясняется пониманием широты границ этого жанра в русской литературе первой половины XIX века. В. Белинский, рассматривая антологическую лирику Пушкина, отмечал, что

«сущность антологических стихотворений состоит не столько в содержании, сколько в форме и манере. Простота и единство мысли, способной выразиться в небольшом объеме, простодушие и возвышенность в тоне, пластичность и грация формы – вот отличительные признаки антологического стихотворения. Тут обыкновенно в краткой речи, молниеносном и неожиданном обороте, в простых и немногосложных образах схватывается одно из тех ощущений человеческого сердца, одна из тех картин жизни, для которых нет слова на вседневном языке богов в поэзии»¹⁶.

И далее:

«Содержание антологических стихотворений может браться из всех сфер жизни, а не из одной греческой:

только тон и формы их должны быть запечатлены эллинским духом. Поэт может вносить в антологическую поэзию содержание нового и, следовательно, чуждого классицизму мира, лишь бы только мог выразить его в рельефном и замкнутом образе, этими волнистыми, как струи мрамора, стихами, с этой печатью виртуозности, которая была принадлежностью только древнего резца»¹⁷.

В обновленном «Современнике» в 1850 году была опубликована рецензия на книгу «Греческие стихотворения» Н. Щербины. В 8 д. л. 98 стр. Одесса, 1850 (1850; 21, 25–50). Н. Ф. Щербина – этнический грек, получивший прекрасное образование в Таганрогской мужской гимназии¹⁸. Знание ново- и древнегреческого языков позволило ему создать переводные и оригинальные антологические стихотворения. Автор рецензии делится своими мыслями о переводах греческой антологии в России и Европе и делает следующий вывод:

«Есть нечто чужое, холодное, безжизненное в этих подражаниях эллинской словесности, под которыми, однако, значатся имена первых писателей нашего времени» (1850; 21, 26).

Под «именами первых писателей нашего времени» критик подразумевает Пушкина, Гете, Шиллера, Шенье, переводческая манера которых, с точки зрения критика, значительно отличается от подхода Щербины.

«Г. Щербина почти полностью разделяет наши собственные мысли касательно подражаний древним, то есть почитает необходимостью следить не столько за буквой, как за мыслью греческой словесности» (1850; 21, 33).

В послесловии к своему сборнику Щербина выделял собственно переводные стихотворения, антологические и стихотворения самостоятельные на греческом материале, о которых в журнальной статье сказано следующее: «В слиянии древнего элемента с симпатией современного человека и заключается поле для таланта г. Щербины» (1850; 21, 34). К антологическим стихотворениям сам поэт причислял меньше половины из 36 стихотворений, включенных в сборник, такие как: «Купанье», «Стыдливость», «Миг», «В деревне», «Мир и человек», «Стих» и некоторые другие¹⁹. Автор критической статьи к антологическому роду относит также «Свидание», «Туча», «Уединение», «Просьба художника», «Незнакомка» и др., в которых

«уже есть место страсти и сочувствию, уже к ним можно иногда применить примешивать современное воззрение на древнее искусство, – стало быть, поэту тут можно высказаться, и он начинает высказываться» (1850; 21, 36).

Статья сопровождается обильными цитатами стихотворений Щербины. Так, приводится написанное элегическим дистихом «изящное, чисто греческое стихотворение “В деревне”, кото-

рое кажется выхваченным из древней антологии» и отмечается, что «в нем дышит не один древний мир: в нем видна уже сама страстная натура поэта» (1850; 21, 35–36). В стихотворении «Миг» подчеркивается его лирический характер:

«страстное, сознательное преклонение перед чудесами природы, понимание жизненных благ и наслаждение жизнью» «делают это антологическое стихотворение гимном, высоким по содержанию, удачным по выполнению» (1850; 21, 37).

В год публикации критической статьи выходят также две подборки из сборника «Греческие стихотворения» Щербины, в которые помещаются высоко оцененные

«собственно греческие стихотворения, навеянные автору некоторым образом знакомством его с эллинской жизнью, наукой и искусством и внушенной ему симпатией ко всему греческому»²⁰.

В подходе Щербины к воспроизведению греческой поэзии ощутимо влияние эстетики романтизма. Подобный синтез характерен для неоклассицистического направления в русской литературе 1840-х годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Освоение древнегреческого лирического материала в журнале «Современник» осуществлялось не только при обращении к греческим образцам, но и при посредничестве западноевро-

пейских текстов. Такой подход дает различные интерпретации. Критические статьи касаются жанрового и тематического аспектов антологической поэзии. Печерин пишет об антологической эпиграмме как жанре и дает примеры филологических переводов. Автор рецензии на сборник Щербины, рассматривая его подражания греческой антологии, рассуждает о тематическом единстве текстов.

Антологические миниатюры Баратынского, анонимного автора М. Θ. Л., Грота и Коптева формально были ограничены ямбическими стихами и элегическим дистихом. Для них было характерно жанровое и тематическое смешение. Так, в антологических стихотворениях Баратынского, испытывавшего влияние Пушкина, очевидны романтическая составляющая и поворот к реалистическому психологизму. Появление антологических циклов Коптева во многом объясняется субъективной редакторской позицией Плетнева, который видел в нем наследника поэтов пушкинского круга. Но его антологические стихотворения, очевидно, менее выразительны вариаций предшественников.

Таким образом, антологическая поэзия, представленная в журнале «Современник», — емкая жанрово-стилевая форма русского неоклассицизма, утверждавшего романтическое направление в России в 40-х годах XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ [Печерин В. С.] О греческой эпиграмме // Современник. 1838. Т. 12, № 3. С. 73–89. Далее ссылки на журнал «Современник» даются в тексте с указанием года издания, тома и страницы.
- ² См. подробнее: Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь / А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 555–557.
- ³ См. подробнее: [5].
- ⁴ Баратынский Е. Антологические стихотворения // Современник. 1839. Т. 15, № 3. С. 156–157.
- ⁵ Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М.: ГИХЛ, 1951. С. 528.
- ⁶ Боратынский Е. А. Антологические стихотворения // Северные цветы. СПб., 1829. С. 170–172.
- ⁷ См. подробнее: [9], [14], [16] и др.
- ⁸ Анохина Ю. Ю. Поэтика пространства и времени в книге стихов «Сумерки» Е. А. Боратынского: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. С. 77.
- ⁹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. С. 249.
- ¹⁰ Как отмечает Т. Г. Мальчукова: «Антологические эпиграммы – это объединение жанровое, антологические стихотворения – объединение тематическое. (Истолкование этого тематического объединения как антологического жанра (рода) – результат исторического соседства и аналогии, заимствования тематической классификацией лирики единиц исторически предшествующей жанровой классификации). Как объединение тематическое антологическая поэзия предполагает «подражание древним» и тем самым исключение явной модернизации, по крайней мере, сглаживание, нивелировку современных и местных черт» [7: 27].
- ¹¹ См. подробнее: [4: 99].
- ¹² Плетнев П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 1. С. 54.
- ¹³ Письма П. А. Плетнева к Д. И. Коптеву (1844–1852). С очерком жизни Коптева // Русский архив. 1877. Т. 12. С. 358.
- ¹⁴ Там же. С. 368.
- ¹⁵ Там же. С. 370.
- ¹⁶ Белинский В. Г. Указ. соч. С. 257.
- ¹⁷ Там же. С. 258–259.
- ¹⁸ См. подробнее о биографии и творчестве Н. Щербины: [2].

¹⁹ Щербина Н. Греческие стихотворения. Одесса, 1850. С. 97.

²⁰ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альми И. Л. Сборник Е. А. Боратынского «Сумерки» как лирическое единство // Вопросы литературы. Метод. Стиль. Поэтика. Владимир, 1973. Вып. 8. С. 23–81.
2. Васильева И. Э., Кисилиер М. Л. «Греческий миф» у греков Приазовья // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб., 2018. № 22 (1). С. 274–291.
3. Жаткин Д. Н. Антологические эпиграммы А. А. Дельвига в литературном процессе XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. 2011. № 1 (17). С. 97–108.
4. Кибальник С. А. Русская антологическая поэзия первой трети XIX века. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1990. 270 с.
5. Любжин А. И. Античные авторы в библиотеке В. С. Печерина // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVII (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы Междунар. конф., проходившей 24–26 июня 2013 г. СПб.: Наука, 2013. С. 559–570.
6. Мазур Н. Н. Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как Патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конф. Тарту, 2007. С. 345–378.
7. Мальчукова Т. Г. Концепция «антологического рода» у В. Г. Белинского // Проблемы исторической поэтики. 1992. Вып. 2. С. 27–44 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://poetica.petsu.ru/journal/article.php?id=2357> (дата обращения 12.07.2023).
8. Мальчукова Т. Г. «Подражания древним», «Эпиграммы во вкусе древних» и «Анфологические эпиграммы» в лирике А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 1990. Т. 1. С. 48–72. DOI: 10.15393/j9.art.1990.2344 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2344> (дата обращения 12.07.2023).
9. Машевский А. Вопросы Баратынского // Литература. Приложение к газете «Первое сентября». 2002. № 14. С. 8–12.
10. Патроева Н. В. Античные образы в книге стихов Е. А. Баратынского «Сумерки» // Россия и Греция: диалоги культур. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. С. 127–135.
11. Рудакова С. В. «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» как концептуальное стихотворение Е. А. Боратынского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 5 (1). С. 276–281.
12. Рудакова С. В. Стихотворение «Еще, как патриарх, не древен я...» в контексте книги «Сумерки» Е. А. Боратынского // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 47–55.
13. Савельева Л. И. Античность в русской романтической поэзии. Поэты пушкинского круга. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1986. 78 с.
14. Фигут Р. Субъективное и несубъективное в циклическом субъекте «Сумерек» Е. А. Боратынского // Логос. 2001. № 3. С. 19–39.
15. Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. М.: Наука, 1971. 383 с.
16. Хитрова Д. Ода как мадригал: к описанию одного стихотворения Баратынского // Пушкинские чтения в Тарту. Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конф. Тарту, 2007. С. 331–344.

Поступила в редакцию 21.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Evgenia P. Litinskaya, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5901-7187, litgenia@yandex.ru

GREEK ANTHOLOGY IN THE JOURNAL *SOVREMENNİK* (1836–1866)

Abstract. The article studies the reception of Greek lyric poetry in the journal *Sovremennik* (The Contemporary), which followed Pushkin's tradition. The author focuses on the critical article by V. S. Pecherin "On the Greek Epigram", which reviews the Greek anthology from antiquity to its modern translations into European and Russian languages, on the poems by E. A. Baratynsky, Ya. Grot and D. I. Koptev, combined by the editor P. A. Pletnev into anthological cycles, and on the anonymous review of the *Greek Poems* by N. Shcherbina. It is concluded that critical texts on anthological poetry address its genre and thematic aspects. Pecherin writes about the anthological epigram as a genre and gives examples of philological translations. The anonymous author of the review of Shcherbina's collection of poems considers his imitations of the Greek anthology and discusses the thematic unity of the texts. The poetic variations by

Baratynsky and Koptev from anthological collections, while formally limited to iambic verses and elegiac distich, are characterized by mixing genres and themes as a distinctive feature of the reform of lyrical genres.

Key words: Pletnev, Pecherin, Baratynsky, Koptev, Shcherbina, antiquity, romanticism, epigram, reception

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

For citation: Litinskaya, E. P. Greek anthology in the journal *Sovremennik* (1836–1866). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):71–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.960

REFERENCES

1. Al'mi, I. L. Collection of Yevgeny Boratynsky's poems *Twilight* as lyrical unity. *Topics in the study of literature. Method. Style. Poetics*. Vladimir, 1973. Issue 8. P. 23–81. (In Russ.)
2. Vasilyeva, I. E., Kisilier, M. L. "Greek myth" of Azov Greeks. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*. St. Petersburg, 2018. № 22 (1). P. 274–291. (In Russ.)
3. Zhatkin, D. N. Anthological epigrams by A. A. Delvig in the literary process of the XIX century. *University Proceedings. Volga Region. Humanities. Philology*. 2011;1(17):97–108. (In Russ.)
4. Kibal'nik, S. A. Russian anthological poetry of the first third of the XIX century. Leningrad, 1990. 270 p. (In Russ.)
5. Lyubzhin, A. I. Ancient authors in V. S. Pecherin's library. *Indo-European Linguistics and Classical Philology – XVII (readings in memory of I. M. Tronsky): Proceedings of the international conference, 24–26 June 2013*. St. Petersburg, 2013. P. 559–570. (In Russ.)
6. Mazur, N. N. Once again about the maiden rose (in connection with Baratynsky's poem "I Am not yet Ancient as a Patriarch..."). *Pushkin Readings in Tartu. Pushkin's era: Problems of reflection and commentary: Proceedings of the international conference*. Tartu, 2007. P. 345–378. (In Russ.)
7. Mal'chukova, T. G. The concept of "anthological genre" by V. Belinsky. *The Problems of Historical Poetics*. 1992;2:27–44. Available at: <https://poetica.petrus.ru/journal/article.php?id=2357> (accessed 12.07.2023). (In Russ.)
8. Mal'chukova, T. G. "Imitation of the ancients", "Epigrams to the taste of the ancients" and "Anthological epigrams" by Alexander Pushkin. *The Problems of Historical Poetics*. 1990;1:48–72. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2344> (In Russ.)
9. Mashevsky, A. Questions of Baratynsky *Literatura. Supplement to the newspaper Pervoye sentyabrya*. 2002;14: 8–12. (In Russ.)
10. Patroeva, N. V. Ancient images in the book of poems by E. A. Baratynsky *Russia and Greece: dialogue of cultures*. Petrozavodsk, 2020. P. 127–135. (In Russ.)
11. Rudakova, S. V. "Vse mysl' da mysl'!" as a conceptual work by E. A. Boratynsky. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012;5(1):276–281. (In Russ.)
12. Rudakova, S. V. The poem "I Am not yet Ancient as a Patriarch..." in the context of the book *Twilight* by E. A. Boratynsky. *Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Philology*. 2011;4:47–55. (In Russ.)
13. Savel'yeva, L. I. Antiquity in Russian romantic poetry. Poets from Pushkin's circle. Kazan, 1986. 78 p. (In Russ.)
14. Fieguth, R. Subjective and non-subjective in the cyclic subject of *Twilight* by E. A. Boratynsky. *Logos*. 2001;3:19–39. (In Russ.)
15. Fridman, N. V. Batyushkov's poetry. Moscow, 1971. 383 p. (In Russ.)
16. Hitrova, D. Ode as a madrigal: the description of one poem by Baratynsky. *Pushkin Readings in Tartu. Pushkin's era: Problems of reflection and commentary: Proceedings of the international conference*. Tartu, 2007. P. 331–344. (In Russ.)

Received: 21 August 2023; accepted: 29 September 2023

ОЛЬГА ИГОРЕВНА САВИНЫХ

кандидат филологических наук, независимый исследователь
(Нижний Новгород, Российская Федерация)
peu_plus@mail.ru

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ШАРЫПИНА

доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой зарубежной литературы Института филологии
и журналистики
Национальный исследовательский Нижегородский госу-
дарственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8585-8983; swawa@yandex.ru

ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В РУССКО-НЕМЕЦКИХ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ СЮЖЕТА О МЕДЕЕ XX–XXI ВЕКОВ

А н н о т а ц и я . Интермедиаальный дискурс в трансформациях сюжета о Мее XX–XXI веков рассмотрен с точки зрения его функционирования в процессе бинарных русско-немецких драматургических параллелей, что способствует продуктивному осмыслению рецепции константных компонентов мифа тем или иным национальным менталитетом. Многочисленные примеры проявлений интермедиаальности в литературе, кинематографе, живописи второй половины XX – начала XXI столетия, принимающие разнообразные формы, становятся подтверждением значимости явления для всего культурного процесса этого периода. В связи с этим актуальным представляется анализ античного сюжета о Мее с интермедиаальной точки зрения в произведениях авторов XX–XXI веков – Х. Х. Янна, Х. Мюллера, Т. Ланоя, В. Клименко, Л. Разумовской. Выводы исследования и предложенная методика анализа позволят углубить представление о трансформации сюжета о Мее в диахроническом и синхроническом аспектах. Данная методика может быть востребована и при анализе рецепции иных античных сюжетов и образов в литературном сознании XX и XXI веков. Благодаря авторскому мифотворчеству мы имеем дело с особой мировоззренческой парадигмой, которая сочетает в себе известные мифологические мотивы и образы, сквозь призму современных конфликтов вновь и вновь демонстрируя их вневременность и актуальность. Новизна темы исследования связана с тем, что на примере трансформации одного мифологического сюжета в диахроническом и синхроническом контексте продемонстрирована продуктивность анализа особого типа внутритекстовых взаимосвязей в художественном произведении, основанном на взаимодействии художественных кодов разных видов искусств. Появление новых синтетических видов медиаискусств, новых форм их взаимодействия требует новых методологических подходов к их постижению в различных национальных моделях картины мира эпохи мультикультурализма.

К л ю ч е в ы е с л о в а : миф, интерпретация, онтологическая интермедиаальность, трансформационная интермедиаальность, образ Мее, визуализация, аудиовизуальность

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда за счет гранта № 23-28-00559, тема № Н-238-2_2023-2024.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Савиных О. И., Шарыпина Т. А. Интермедиаальный дискурс в русско-немецких драматургических трансформациях сюжета о Мее XX–XXI веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 80–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.961

ВВЕДЕНИЕ

Каждая культурная эпоха порождает свою интерпретацию античной мифологии, и эпоха XX – начала XXI столетия как особый этап культуры в этом смысле не исключение, поэтому актуаль-

ность идеи адаптации содержания древних мифов к современным художественным формам, необходимость включения их в новый культурный дискурс ни у кого не вызывает сомнения. Интермедиаальные эксперименты с сюжетами,

основанными на мифе, дают представление о том, как поведут себя античные коды, помещенные в контекст современного мира. Новизна темы определяется как интермедиаальной направленностью исследования античной традиции в русско-немецких художественных взаимосвязях, так и диахронно-синхронным подходом к их анализу в русской и немецкой национальных моделях картины мира.

Интермедиаальный дискурс в трансформациях сюжета о Меее XX–XXI веков позволяет выявить ряд интересных закономерностей с точки зрения его функционирования в процессе бинарных русско-немецких драматургических параллелей, что способствует продуктивному осмыслению рецепции константных компонентов мифа тем или иным национальным менталитетом. Понимание особенностей модификации национальных аспектов античного кода в произведениях Х. Х. Янна, Х. Мюллера, Т. Ланоя, В. Клименко, Л. Разумовской и др., различных по времени и условиям создания, помогает осознанию метаморфозы функционирования античного мифа национальным самосознанием в эпоху мультикультурализма. Интермедиаальные эксперименты способствуют пониманию того, как поведут себя античные сюжеты, помещенные в художественный контекст современного мира, соединяющий вербальное и аудиовизуальное начала. Наиболее показательной в этом аспекте можно считать драматургическую практику, изначально имеющую синкретическую природу и, начиная с эпохи Античности, ярко демонстрирующую основные национальные культурные, социальные, политические установки и стремления. Обращение к русско-немецким театральным взаимодействиям определяется тем, что, несмотря на исторические катаклизмы, художественные и образовательные взаимосвязи сохранялись и развивались в XX веке в сфере драматургии и театра (эпический театр, политический театр, наследие Б. Брехта, Э. Пискатора, Х. Мюллера, Ф. Фюмана, Е. Б. Вахтангова, В. Э. Мейерхольда, А. Я. Таирова, К. С. Станиславского и др.). Яркое тому подтверждение – инварианты образа Мееи, который благодаря авторской творческой фантазии приобретает новые функции, дополняется новыми реалиями современной жизни, иными трактовками привычных мифологических ситуаций.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОБРАЗА МЕЕИ

Образ Мееи – один из наиболее загадочных и амбивалентных в древнегреческом мифологи-

ческом пантеоне. Само происхождение героини до сих пор вызывает споры в научной среде, это связано с тем, что возникновение сходного характера, воплощающего в себе доминирующее женское начало, вряд ли было бы возможным в патерналистском обществе, где доминировало мужское, а не женское и материнское начало. По этой причине кажется довольно странным и непривычным его появление и закрепление в патриархальной древнегреческой культуре. Рассмотрение образа Мееи, его возникновения в древнегреческой культуре, далекой от эгалитарного идеала, видится невозможным без обращения к вопросу о концепции матриархального строя, противоположного возникшему в связи с разделением труда и наступлением железного века патриархатному порядку. Это не только относит возникновение образа Мееи к древнейшим временам, традиционно характеризующимся особым культом женских божеств, Богини матери, установлением особой роли рождающего, плодородного начала, а также, как это ни парадоксально, делает образ героини удивительно созвучным современности с выходящими на первый план гендерными и гиноцентрическими проблемами и противоречиями. Кроме того, в научной литературе постоянно ставится вопрос о негреческом происхождении Мееи. В качестве первой версии, к которой отсылает значительная часть исследователей, рассматривается непосредственно Колхида и территории Кавказа, с которыми также связывают миф об Аргонавтах. Эта теория, ставшая практически классической, вызывает ряд вопросов и в действительности не имеет под собой достаточных археологических оснований. Роберт Грейвс указывает на ряд погрешностей, допущенных в данной теории, и в первую очередь несогласованность фактов с гипотетическим временем возникновения мифа об Аргонавтах [2]. Он пишет о том, что ко времени создания «Одиссеи» миф о путешествии Аргонавтов за золотым руном был хорошо известен грекам и «был на устах», приводя в качестве подтверждения включение Гомером в свой текст эпизода с Планктами. При этом сам Р. Грейвс, основываясь на существовании в мифе об Аргонавтах образа котла, часто фигурирующего также и в кельтской мифологии (в частности, в «Повести о Передуре»), и на использовании Мееей сходного атрибута в обряде мнимого омоложения Пелия, называет ее «богиней гиперборейской», пришедшей в Грецию с Британских островов. Однако утверждение о том, что котел был, как отмечают исследователи, «излюбленной те-

мой кельтской мифологии», является недостаточным: существуют предположения о наличии подобных котлов и в иных культурах. Единственный атрибут, фигурирующий в тексте, не может поставить окончательную точку в вопросе о генетическом происхождении образа Медеи. В качестве еще одной версии можно назвать гипотезу, предложенную А. Петросьяном. Исследователь отмечает, что «в мифе об Аргонавтах образы Айэта – царя Айа-Колхиды и его дочери Медеи сопоставимы с образами царя Яяти и его дочери Мадхави индийской и царя Эохайда и его дочери Медб ирландской мифологии» [4]. Кроме того, он проводит параллели между образами дочерей – Мадхави, Медб и Медея, возводя их к общему корню «*medhu- ‘опьяняющий (медовый) напиток’», и отмечает тот факт, что в малоазийской культуре овечья шкура является символом власти, что соотносится с одной из существующих интерпретаций функции золотого руна в греческом мифе. А. Петросьян предлагает переместить территорию в государство Хайаса. По его предположению, Колхида, упоминаемая в мифе, – это некий «блаженный мир», который позднее был отождествлен с конкретным царством. Хайаса, или современная Армения, возникает в его статье на основании восстановленных праиндоевропейских корней и установления фонетических связей между топонимами *Хайаса* и *Эйя* [4].

Таким образом, можно говорить о том, что Медея с крайне малой степенью вероятности является героиней собственно греческой мифологии. Вероятно, она была заимствована греками вследствие межгосударственных контактов, процесса покорения территорий на побережье Черного моря и только в дальнейшем была освоена греческой мифологией и ею же трансформирована.

Взаимосвязь этого образа с различными ментальными кодами, воплощенными в национальных ритуалах, предполагает широкие возможности использования современных вербальных и аудиовизуальных практик. Анализируемые нами авторы немецкоязычной и русской драматургии XX – начала XXI века прибегают к возможностям интермедиальности, отражающей идею синтеза для того, чтобы воссоздать целостный мир, противостоящий разрушению нравственно-родовых ценностей или миру мужской цивилизации; выразить стихийность и разрушительность силы, с которой сталкивается обыватель; оттенить и дополнить черты характера героя или ввести тему предрешенности

человеческой судьбы и многое другое. Интермедиальность, потребность в синтезе, наряду с обращением к мифу становится специфической особенностью, «универсальным художественным принципом», «доминирующей характеристикой современной художественной культуры»¹.

Перечисленные выше причины использования различных аспектов интермедиальности являются, однако, планом содержания, объясняют, какие авторские задачи она помогает решить. Анализ же плана выражения подразумевает выявление конкретных примеров использования интермедиальности в конкретных произведениях. Иными словами, ответив на вопрос, зачем авторы обращаются к интермедиальности, почему испытывают потребность в синтезе, необходимо понять, как в произведениях реализуется интермедиальность, а также почему авторы выбирают именно этот сюжет.

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ В РУССКО-НЕМЕЦКИХ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ОПЫТАХ О МЕДЕЕ XX–XXI ВЕКОВ

В анализируемых инвариантах сюжета о Медее можно отметить ряд примеров проявления трансформационной интермедиальности, при которой репрезентируемый элемент, взаимодействуя на смысловом уровне с репрезентирующим, предполагает существование в художественной ткани конкретного жанрового образования одного из видов искусства информации о кодах иного вида искусства: его элементах, мотивах или образной структуре. Иными словами, одно произведение искусства описывает или изображает другое искусство как форму творческой деятельности, его реалии, особенности хода работы или его результат – конкретную картину, скульптуру и т. д., подразумевает наличие конкретного референтного вида искусства или его элемента.

В качестве примера изображения другого вида искусства как собственно формы художественно-творческой деятельности, включения в структуру произведения информации о нем можно привести пьесу В. Клименко (публикуемого под псевдонимом Клим) «Театр Медеи» (2001)². В потоке сознания с трудом различимых читателями и зрителями старой и молодой героинь пьесы возникают фрагменты описания театральной жизни («я не виновата что театр превратился в клоаку я же талантлива да плюют прямо на сцену всюду бутылки»), особенностей поведения перед камерой («я говорила что я испу-

галась что когда снимали фильм я не понимала как это происходило что то включалось так бывает перед камерой»), закулисных выяснений отношений («но каждый раз я устраиваю истерику по поводу того что в театр хотят взять эту бездарную дуру только за то что она смазлива и каждый раз тут же на глазах директора пишу заявления об уходе он тут же сверху пишет резолюцию вместо уволенной старой карги такой то принять молодую актрису такую то»). Театр, являясь профессией и частью повседневной жизни героини, то и дело вклинивается в их воспоминания, фантазии, ощущения, принимая и прямое («сегодня театр пуст выходной день»), и переносное значение («жизнь тоже театр»). Таким образом, он становится не просто декорацией или реальностью, но и жизненной позицией, воплощением отношения героини к миру. Благодаря изображению другого вида искусства раскрывается образ актрисы. Несмотря на то что ее характер в пьесе противоречив, а отношение к театру у старой актрисы и молодой весьма различно, в данном случае обе они воплощают черты представителя интеллигенции («наверное, только театр – это любовь»). За счет аналогии с театральной ролью Медеи образ героини обретает царственность, возвышающую ее над обыденностью, а отсылки к колдовской сущности, возможность символического толкования ее поведения не способствуют отрицательному восприятию героини.

Подобные проявления интермедиаальности выделяются Й. Шрётером (трансформационная интермедиаальность), В. Вольфом (эксплицитная референция), а также отечественными исследователями, разделяющими точку зрения немецких авторов (например, референция – упоминание или обсуждение другого вида искусства в трактовке А. А. Хаминовой, Н. Н. Зильберман [6]).

Описание особенностей пространства театра как вида искусства можно встретить, кстати, и в произведениях иных жанровых разновидностей, например в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети». В данном случае, однако, это не реальное театральное представление, а взгляд на будничную жизнь как на театральную постановку, восприятие действительности с использованием терминологии, характерной для данного вида искусства:

«Он сидел возле дома и из темноты, как из зрительного зала на театральную сцену, смотрел в яркий прямоугольник распахнутой двери кухни. Свет был двойной и зыбкий: желтый от керосиновой лампы и низко-малиновый от очага. Прихваченные за день опасным весенним солнцем, лица казались густо нагримированными»³.

В переносном значении у Л. Улицкой используется слово *сцена* и при описании родины Медеи с ее многовековой историей: «...тусклая почва этой скромной сценической площадки всемирной истории». Подобные параллели не просто насыщают текст романа красочными сравнениями, умножая его художественные достоинства, но и позволяют ощутить масштаб изображаемого, включаемого в исторический контекст.

Кроме введения в ткань художественного текста описываемых реалий иного искусства, можно найти примеры отражения или воспроизведения отдельных элементов таких видов искусства, как живопись, танец, хореография, скульптура.

Обращение к танцу восходит к немецкой традиции описания «танцующего философа» Ф. Ницше. В произведении «Рождение трагедии из духа музыки, или Эллинство и пессимизм» Ф. Ницше, говоря о танце в связи с разграничением аполлонического и дионисийского начал, характеризует его как неотъемлемую часть дионисийства, проявления коллективного, родового инстинкта, архаического, иррационального начала, что соответствует призывам, например, Х. Х. Янна к освобождению подавляемых обществом первооснов человеческой природы. Тема танца возникает и в произведении «Так говорил Заратустра». В этом философском сочинении танец становится для автора путем к преодолению ничтожества человеческой природы, неким «символом, который наглядно выражает собой понятия жизни, становления, просветления и мудрости».

Упоминание танца в тексте пьесы немецкого драматурга Х. Х. Янна («*Medea*», 1926)⁴ возникает в связи с описанием прошлого героини. Являясь для греков не просто иноземкой, варваркой, но еще и представителем экзотической страны, Медея Х. Х. Янна владеет искусством, которое в наименьшей степени ассоциируется с классическим аполлоническим началом. Напротив, стихия танца сближает ее с экстатическим дионисийским началом, героиня воспринимается как «грозная темная сила, “черный избраннык”, мститель человеку и человечеству за его отказ от природы человека» [1: 12]. Танец, являющийся элементом ритуала, возникает в воспоминаниях Медеи о ее молодости:

«Die Schwarze Tempelhalle aber steht zu Kolchis, die Säulenangehäufte schwarze Halle steht zu Kolchis, darin des Helios Enklin tanzend Dienst tat» (Черный храмовый зал в Колхиде, загроможденный колоннами черный зал в Колхиде, в нем, танцую, несла службу внучка Гелиоса), «...in finsterer Halle, jungfräulich noch lebt ich, tanzend, in schwarzen Säulenhallen» (650) (...в мрачном зале, где

еще целомудренно я жила, танцую, в черном колонном зале) (Здесь и далее перевод с немецкого этой пьесы – О. И. Савиных).

Упоминание о нем становится и последним ужасным упреком, напоминающим Ясону о ее старости и жертвах, принесенных для него:

«Hier steht das fette schwärzlich graue Weib, hier meine Brüste, fett und schlaff zu gleich... Wollt Ich mich tanzen sehn, wie's schwappt an mir» (651) (Перед тобой толстая черная седая женщина, моя грудь, жирная и увядшая... Хочу ли я смотреть, как я танцую, как все колыхается у меня?).

Танцует героиня и после убийства детей: «Du mich gefunden, warn nicht in miene Augen Tränen mir gesprungen» (649) (Ты нашел меня танцующей, потому что в моих глазах прыгали слезы). Помимо сопровождения образа Медеи, танец возникает в предположении героини об отношениях Ясона с Главкой:

«Beginn doch so: Entkleidet wälzen vor Dir, mit Gold geschmückt die Braut sich, anfeuernd mit Gebärden in Dir den eignen Wunsch» (643) (Начни так: невеста нагая кружилась перед тобой, украшенная одним золотом, пробуждая своими движениями твое желание),

но в данном случае приобретает физиологический, эротический оттенок, что соответствует сущности образа Ясона. То же значение он приобретает и по отношению к утерянной привлекательности самой героини:

«Vor meinem Leibe wich die Schönheit und aller Glieder Schlankheit, dab ich nicht tanzen kann» (599) (Я больше не привлекательна, не стройна, не могу танцевать).

Отдельные элементы иного вида искусства включены в ткань пьесы и в спектакле Т. Ланоя «Мама Медея» («Mamma Medea», 2002)⁵. Так, действие первой части пьесы содержит отсылки к разновидности кукольного вида искусства – театру марионеток. «Черный ящик», сконструированный ганноверскими декораторами для спектакля, в котором герои древнего мифа становятся марионетками, отражает идею обреченности, а герои, предстающие перед зрителем впервые в виде восковых фигур, вызывают ассоциации с «живыми мертвецами» [7]. За счет обращения к идее марионетки раскрывается и образ Ясона, дегероизированного, предстающего по замыслу режиссера шутовской фигурой, для которой обретение золотого руна становится счастливой случайностью, а не заслугой. Интересно обыграно и наделено современным звучанием и роль золотого руна. Размещенное за витриной под охраной сигнализации в первой части пьесы, оно, с одной стороны, репрезентирует пространство музея в рамках театральной постановки,

расширяя его, с другой – задействует ассоциации с музейным экспонатом, наделяемым ироничным оттенком, но органично вписываемым в изысканный мир, воспроизводимый в первой части постановки. Слияние, соединение разных видов искусства, включение в художественную ткань, в текст драматургического произведения хореографических образов и танца активизируют зрительское и читательское восприятие, способствуют включенности древнего мифологического действия в современные реалии, расширяют художественные рамки образов и выявляют многомерность личности героини.

Анализируемые пьесы содержат интересный материал по включению в их художественную систему элементов онтологической интермедиальности, когда авторы произведений одного вида искусства применяют приемы другого вида (световые и цветовые характеристики, некоторые формы) для эффективного раскрытия сюжета и образов героев. Речь идет не об ином виде искусства, а только о его некоторых глубинных свойствах, что несколько не согласуется с традиционным суждением Г. Э. Лессинга о том, что у разных видов искусства, представляющих картину мира, есть только им свойственный арсенал средств. Онтологическая интермедиальность, тем более в XX и XXI веках, когда аудиовизуальные возможности несоизмеримо с прошлыми временами расширились, дает возможность применения приемов и элементов иного вида, оставаясь в рамках своего канона.

Прежде чем обратиться к конкретным поэтологическим примерам, определим, что для живописи, наиболее применимой в онтологической интермедиальности, и живописцев является наиболее специфическим. Живописец работает красками, а следовательно, определяющими, характерными приемами для него будут цветовые пятна, мазки, цвето- и светотени, своеобразие линий. Именно это способствует эмоциональному восприятию зрителей, определенным психологическим состояниям, возникновению чувств и эмоций.

Наличие своеобразных цветовых гамм, влияющих на эмоции зрителей и характеристики персонажей, свойственно драмам немецких авторов Х. Х. Янна, Х. Мюллера, бельгийца Тома Ланоя, чьи пьесы, в том числе «Мама Медея», с большим успехом идут в театрах Германии, а также современного российского автора В. Клименко.

Сумрак, недостаток воздуха и яркого цвета ощущаются на протяжении всей трагедии Х. Х. Янна («Medea», 1926). Везде преобладают

сумрачные, зловещие краски, только сама Медея предстает в красно-желтых бликах тлеющих углей:

«Seit einem halben Mond schließt sich Medea ein, ja meidet ganz des Landes Herrlichkeit. Sie sieht die Sonne nicht, schöpft kaum zur Nacht die kühle Luft in Sternenlicht gebadet. Ein blakend Feuer dampft in ihrer Halle Vorraum, vor dem sie hockt, und dem sie alles weicht, was in ihr lebt noch. Es ist der Spiegel dieser Welt, in den sie schaut, der schwanke schwelende» (600) (Уже полмесяца Медея запирается на замок. Она не видит солнца, лишь только ночью дышит свежим воздухом под светом звезд. Только какой-то очаг дымится в ее комнате, перед которым она сидит и которому посвящает все, что в ней еще живет. Это отражение этого мира, в которое она смотрит, колеблющееся, тлеющее).

Героиня также представлена в сумрачных тревожных красках – «ergrautes Nachtgespenst der Hölle» (636) (поседевший дух Ада), а темный цвет кожи африканки – это одновременно и тон траура («meine Leber ist Schwarz sie geworden durch Alter?» (597) (моя печень почернела от старости, не так ли?), «Bin ich der Toten gleich fast in meinen entfernten Gemächern, die in Trauer versinken sich schwärzen» (597) (Я скоро умру в своих покоях, почернею, погружусь в траур), и характеристика мрачных свойств ее натуры («Wie Deine Haut so schwarz ist auch Dein Tun» (619) (Твои деяния такие же черные, как и твоя кожа). Благодаря цвету не в последнюю очередь у читателей и зрителей складывается ощущение, что в душе Медеи растут темные чувства: («Wächst doch seit sieben Jahren schon in ihr ein großer Schatten, der gelb von Farbe ist, wie manche sagen. Ich aber glaube rot... (601) (Однако вот уже семь лет растет в ней большая тень, многие говорят, что она желтого цвета. Я думаю, что она красная...), приближающие расплату («Mein Grab wind Euch Zeichen, daß Ich zu leben als Menschen begonnen, denen ein Schicksal gegeben ist (588) (Моя могила будет символом того, что я начала жить, как люди, которым предначертана судьба).

Мрак дома Медеи тяготит Ясона, который не просто хочет покинуть супругу, но прежде всего уйти к свету, к иным краскам:

«Mein Haus ist eine finstre Unterwelt... Weil ich zum Licht mich sehne, will mich der Stein erdrücken (628) (Мой дом – это мрачная преисподняя... Из-за того что я тоскую по солнцу, меня раздавят камнем).

Мрачные краски соотносятся не только с состоянием души Медеи, но и соответствуют постоянному ощущению присутствия смерти и тлена. Текст трагедии изобилует подробностями

ми смерти, убийства, ослепления, что придает пьесе кровавые краски, напоминающие адский огонь преисподней:

«Schnitt von Hals den Kopf, riß ihm die Zunge aus, und trennte Ohren, Nase, Kinn und Augen riß sie aus dem Leichnahm und warf die Stücke in das Meer» (634) (Отрезала голову от шеи, вырвала его язык, и отделила уши, нос подбородок, и глаза, и бросила куски в море).

Отсутствие света, мрак сопутствует и другим героям. Так, ослеплен посол Креонта, для него «Die Welt hat sich vor meinem Blick verwandelt und Dunkelheit ist, was die andern Licht benennen» (625–626) (Мир изменился перед моим взором, и настала темнота, которую другие называют светом), а слуги в финале пьесы обречены Медеей на гибель в темном запертом доме

«Versinken in dem Unglück soll mit Euch in tiefste Tiefen das Haus. Alle Tore der Halle schlagen zu. Es wird finster» (652) (Пусть дом вместе с вами погрузится в пучину горя... Все двери зала захлопнутся, и наступит тьма).

Есть в светоцветовой палитре трагедии, однако, и светлое начало: молочно-белый окрас кобылицы, которую отец дарит старшему из сыновей, а также жеребец, который привозит дочь Креонта. Кобылица должна в проблемном поле пьесы ассоциироваться со страстью, силой инстинктов, этому же служит и жеребец дочери Креонта, пробудившей страсть юноши:

«Ein Duft von Pferd und Weib und Jugend schlug mir entgegen. Mein Augen schloß ich. Verwandlung ward in mir. Und Leidenschaft, ganz ungekannte brach aus» (605) (Мне в нос ударил запах лошади, женщины, молодости. Я закрыл глаза. Во мне происходило какое-то изменение. И вспыхнула совершенно незнакомая страсть).

Образы белых коней, появляющиеся в начале трагедии и в ее конце, когда Медея увозит трупы сыновей, воссоздают особое светоцветовое оформление действия и ассоциируются с божественными близнецами Ашвинами (в переводе с санскрита 'обладающие конями'), символизирующими рассвет и закат.

Иное смысловое наполнение дается темному началу в постановке пьесы Т. Ланоя «Mamma Medea» в Schauspielhaus Ганновера. Сцена в первом действии пьесы мало освещена, а световые эффекты прожекторов создают впечатление погружения в таинственную глубину веков, уводящую зрителей в естественный и прекрасный мир. Это мир красивых, цельных и естественных в своей сути героев. Их красота подчеркнута прежде всего изощренно изящными и элегантными нарядами: мерцающей призрачностью женских и подчеркнутой строгостью мужских ко-

стюмов, резко контрастирующих с неряшливо и грязно одетыми аргонавтами – искателями легкой наживы, изображающими неких «культуртрегеров», интеллектуальный багаж которых ограничивается драными джинсами, карманы которых набиты жвачкой и липким шоколадом, который в своеобразном экстазе размазывает по телу Ясон и его свита. Кстати, запах этой липкой грязи будет преследовать зрителей (особенно первых рядов), как во втором действии запах пригоревшей яичницы с кухни грязной коммуналки. Не случайно царь Ээт предостерегает «укорененных в родной земле» (так дословно можно перевести немецкое *Verwurzelten*) от лишенных отечества отщепенцев (в немецком это понятие покрывается одним словом *Heimatlose*)⁵. Мерцающая глубина бесконечности истории во второй части пьесы будет противопоставлена ярко и назойливо освещенной пошлости современного стандартизированного мира с аляповато ярко одетыми аргонавтами и обломками бытовой техники, грязными коробками, кожурой от бананов (натурально разбросанной по сцене), тефалевыми сковородками – мира, в который по доброй воле попадает соблазненная дешевыми стандартными сувенирами Медея. Во многом сцена может быть уподоблена полотнам сюрреалистов. Особо отметим липкую грязь неряшливых аргонавтов и грязные обломки деталей постиндустриального быта.

Грязь и дискомфорт преследуют зрителей и читателей пьесы Хайнера Мюллера. Учитывая традиционное значений слова *ландшафт* ‘рисунок, картина, изображающие природу’, можно сказать, что драматическое действие «Медея Материал Ландшафт с аргонавтами» («*Verkommenes Ufer Medeamaterial Landschaft mit Argonauten*», 1982)⁶ Х. Мюллера одето цветами крови и грязи. Исступленный монолог Медеи выстроен на назойливо повторяющихся физиологических подробностях убийств, предательства и измены:

«Язон ты хочешь / Моей упиться кровью», «Покрыла грязью кровь твоих врагов / Я грязью натирала для тебя / Ступени лестницы ведущей к славе / И если ты желаешь свить венки / Из внутренностей родичей моих»⁷ (408).

Поступки Ясона высветлили для Медеи особенности ее собственного положения и позволили вспомнить бесчисленные преступления и подтолкнуть к свершению нового. В памяти героини Х. Мюллера возникает «кровавый след» ее преступлений, который и окрашивает все существующее в кроваво-грязный цвет, вызывает в мозгу воспоминания прошлого, из которого тянется

цепочка смертей: «Спасибо за твою измену муж / Она вернула мне мои глаза / И перед ними вновь встают картины / Что были нарисованы тобой / В Колхиде сапогами аргонавтов» (409). Царственность колхидского наследия также принимает цвет преступления: «Наряд любви моя вторая кожа / Ограбленная вышила ее / Колхидским золотом раскрасив кровью / Со свадебного блюда из отцов / И братьев и убитых сыновей» (410). Эта цветоцветовая гамма, создающая красно-коричневый фон произведения, соотносится с сутью взаимоотношений Ясона и Медеи Х. Мюллера, которая основана на пагубных инстинктах («Пока не разорвал ты эту сеть, / Сплетенную из нашего влеченья / Она была для нас с тобой жильем») (408).

Сходное с пьесами Х. Х. Янна и Х. Мюллера цветовое решение отличает и пьесу В. Клименко «Театр Медеи» (2001), однако преобладающие в ней цвета скорее отражают тематику пьесы, нежели формируют мрачную атмосферу. Традиционно используемые для оформления пространства сцены и зрительского зала красный, черный, белый и золотой возникают на протяжении всего повествования, вызывая ассоциации с миром театра, которому принадлежит героиня, и намекая на ее восприятие мира как театра. Цвета возникают и в связи с описанием будней театральной жизни героини: «потом возник занавес черный занавес черный занавес с изображением луны мне кажется что это было вышито золотом но возможно что это было серебро», и в связи с происходящим в ее воображении или исполнением роли: «мы сидим на ней золотое платье», «красны красный закат», «сегодня очень красно заходит солнце». В данном случае золотой и красный цвета, вплетающиеся в поток сознания героини, сопровождают сцены, соотносящиеся с античным прообразом той, чью роль всегда мечтала исполнить актриса, отсылают к классическому периоду античной культуры и царскому происхождению Медеи. В этом же контексте трактуется и образ исполнительницы роли Медеи, для которой характерно благородство, идея о том, «что женщина ближе к богу». Эти моменты из воображаемой античной жизни, чередуясь с событиями повседневной жизни, как театральное представление софитами, освещаются золотом и светом: «в это утро было сильное солнце», «он выслал за мной огненную солнечную колесницу», «на ней золотое платье и солнечные лучи».

Постоянно окрашивается повествование и в серебряный цвет в связи с частым появлением

образа зеркала, стекла. Связываемый с луной, женственностью, он отсылает и к колдовской сущности образа Медеи, дает возможность символического толкования. Этот образ, неоднократно упоминаемый в пьесе («будущее оно там за этим зеркалом куда входит моя рука входит как в воду», «моя рука коснется зеркала коснется зеркала и оставит на нем исчезающий знак моей жизни»), может восприниматься, с одной стороны, в смысле похоти героини («Возможно это дочь, или они просто похожи»), с другой – как символ судьбы, иллюзорности мира-театра, истины и знания или причастности к сверхъестественным силам. Стекло же становится символом хрупкости, утонченности мира актрисы («в детстве все было для меня за стеклом мир был прекрасен, потому что к нему нельзя было притронуться»), которой приходится сталкиваться с жестокой и грубой действительностью («я начала потихоньку попивать опустилась»).

Стилистика и визуальная составляющая одной из самых одухотворенных «Медей» (1980-е) отражает содержание и пьесы Л. Разумовской⁸, чья героиня задумана как преданная и любящая, стремящаяся отстоять свои жизненные и духовные ценности. События развиваются на побережье, у рыбацкой хижины, им сопутствуют шум волн и крик чаек. Сама природа создает своеобразный аккомпанемент развитию событий и состоянию героев:

«Скалы. Рыбацкая хижина. На переднем плане окаменевшая от горя Медея. Время от времени на ее застывшее лицо, устремленное к морю, как волны на берег, набегают слезы», «Ясон остается один возле тела Медеи. Сильный удар волн о скалы и крики чаек».

Описание первой встречи Эгея с Ясоном и Медеей, прерывающее его рассказ об измене Ясона, вызывает в сознании отчетливую картину и соотносится производимым эффектом со сценой встречи Ясона и Медеи в романе «Медея. Голоса» К. Вольф⁹:

«И тогда я увидел вас! Вы шли в первом ряду рука об руку, высокие, загорелые, в белых одеждах, и невозможно было оторвать от вас взгляда. Рядом с вами шел двухлетний белоголовый мальчик, ваш первенец. Он с трудом поспевал за вами, и тогда отец взял его на руки и посадил на плечо, по-прежнему не выпускающая твоей руки» (16).

Если проводить параллель с конкретным направлением живописи, то стилистически пьеса решена в рамках немецкого или англий-

ского романтизма с его обращением к возвышенной тематике, культивированием природы и естественности человеческой натуры, природной чувственности, световоздушными пейзажами, отражением во внешних природных состояниях внутренних переживаний героя. Стоящая на берегу у скал с обращенным к морю лицом Медея, ожидающая Ясона на фоне шума прибоя и крика чаек, стилистически может быть соотнесена с картиной К. Д. Фридриха – символом романтизма в живописи. Его «Странник над морем тумана» при внешнем спокойствии отражает интенсивную и напряженную внутреннюю жизнь героя.

Примерами онтологической интермедиаальности, таким образом, является сама живописность драматургических отрывков, соотносимых с конкретными направлениями в живописи, ориентирующейся на визуальное восприятие, цветоцветовое воссоздание сцен и структурирование сюжета. Авторы охотно апеллируют к приемам визуализации: цвету, светотени, красочным мазкам, создающим определенную палитру художественного текста и сближающим литературное произведение с одним из живописных направлений, что способствует созданию необходимой драматургии атмосферы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Писатели, драматурги и режиссеры используют специфические свойства иного вида искусства для усиления чувственного, психологического эффекта восприятия образа Медеи, создания эмоционально развернутой характеристики героини, а также особой палитры произведения как такового. Используя приемы соответствующего живописного направления, монохромную цветовую гамму, размытость контуров, деформацию пространства или четкость линий, разнообразие и насыщенность цвета, мастера слова одновременно создают необходимую психологическую атмосферу и усиливают эмоциональную ауру воздействия на читателя, прогнозируя его отношение к происходящему. Благодаря авторскому мифотворчеству мы имеем дело с особой мировоззренческой парадигмой, которая сочетает в себе известные мифологические мотивы и образы, включенные в художественный контекст современного мира, соединяющий вербальное и аудиовизуальное начала выражения современных конфликтов, вновь и вновь демонстрируя их вневременность и актуальность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тимашков А. Ю. Интермедиаальность как авторская стратегия в европейской художественной культуре рубежа XIX–XX веков: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. наук. СПб., 2012. С. 3.

- ² Клименко В. А. Театр Медеи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://klimteatr.narod.ru/medea.htm/> (дата обращения 05.09.2016).
- ³ Улицкая Л. Медея и ее дети. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 119. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.
- ⁴ Jahn Hans Henny Werke in Einzelbänden / Hrsg. von Uwe Schweikert. – Hamburger Ausg. – Hamburg: Hoffman u. Campe. Dramen I. 1917–1929: Dramen, dramt. Versuche, Fragm. (Fragmente einer Offensive); Öffentlichkeit – Theater – Dramatiker / hrsg. von Ulrich Bitz. I Aufl. 1988. 1248 S. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.
- ⁵ Lanoye T. Mamma Medea nach Apollonios von Rhodos und Euripides. Deutsch von Reiner Kersten. Frankfurt am Main: Verlag der Autoren Frankfurt am Main, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.schultheatertexte.de/downloadable/download/linkSample/link_id/52/ (дата обращения 05.09.2016).
- ⁶ Müller H. Verkommenes Ufer Medeamaterial Landschaft mit Argonauten // Müller H. Stücke / Heiner MÜLLER; Hrsg. u. mit einem Essay von Joachim Fiebach. Berlin: Kunst u. Ges. (Henschelverl.), 1988. 222 S.
- ⁷ Мюллер Х. Медея. Материал // Мюллер Х. Проза. Драмы. Эссе. Диалоги. М.: РОССПЭН, 2012. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.
- ⁸ Разумовская Л. Медея [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://theatre-library.ru/files/r/razumovskaya/razumovskaya_7.doc/ (дата обращения 18.11.2016).
- ⁹ Wolf Ch. Medea. Stimmen: roman / Ch. Wolf. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. 217 S. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильчикова Т. Н. Идеи театрального синтеза в теоретической программе немецкого экспрессионизма // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4–2. С. 824–826.
2. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 624 с.
3. Невская П. В. «Медея» в аспекте визуальности: интерпретация и реинтерпретация // Филология, искусствоведение и культурология: тенденции развития: Материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 170–183.
4. Петросян А. Е. Миф об аргонавтах: индоевропейские параллели и история // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XX (2) (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы Междунар. конф., проходившей 20–22 июня 2016 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2016. С. 861–878.
5. Тишунина Н. В. Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Материалы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. № 12. СПб., 2001. С. 149–154.
6. Хаминова А. А., Зильберман Н. Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38–45.
7. Шарыпина Т. А. «Мама Медея» Тома Ланоя: бельгийский вариант в немецком контексте // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2006. № 1. С. 105–110.

Поступила в редакцию 08.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Olga I. Savinykh, Cand. Sc. (Philology), Independent Researcher (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
peu_plus@mail.ru

Tatyana A. Sharypina, Dr. Sc. (Philology), Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8585-8983; swawa@yandex.ru

INTERMEDIAL DISCOURSE WITHIN THE RUSSIAN-GERMAN DRAMATURGICAL TRANSFORMATIONS OF THE PLOT ABOUT MEDEA IN THE XX–XXI CENTURIES

Abstract. Intermedial discourse within the transformations of the plot about Medea in the XX–XXI centuries is examined from the point of its functioning in the process of the binary Russian-German dramaturgical parallels, which provides productive understanding of the reception of the constant components of the myth by certain national mentality. Numerous manifestations of intermediality in literature, cinema and painting of the second half of the XX and the early XXI centuries take various forms and confirm the significance of the phenomenon for the entire cultural process of this period. In this regard, it is relevant to analyze the ancient story of Medea from the intermedial point of view in the works of such twentieth- and twenty-first-century authors as H. Jann, H. Müller, T. Lanoy, V. Klimenko and L. Razumovskaya. The conclusions of the study and the proposed methods of analysis contribute to a deeper understanding of

the transformation of the story of Medea in the diachronic and synchronic aspects. This methodology can also be used for analyzing the reception of other ancient plots and images in the literary consciousness of the twentieth and twenty-first centuries. Thanks to the authors' myth-making, we are dealing with a special worldview paradigm that combines well-known mythological motifs and images, repeatedly demonstrating their timelessness and relevance through the prism of modern conflicts. The novelty of the research topic is connected with the fact that the example of one mythological plot transformation in the diachronic and synchronic contexts demonstrates the productivity of analyzing a special type of intratextual interrelations in a literary work based on the interaction of the artistic codes of different types of art. The emergence of new synthetic types of media art and new forms of their interaction requires new methodological approaches to investigating them within different national world picture models in the era of multiculturalism.

Keywords: myth, interpretation, ontological intermediality, transformational intermediality, image of Medea, visualization, audiovisuality

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation (project No 23-28-00559, topic No H-238-2_2023-2024).

For citation: Savinykh, O. I., Sharypina, T. A. Intermedial discourse within the Russian-German dramaturgical transformations of the plot about Medea in the XX–XXI centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):80–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.961

REFERENCES

1. Vasilchikova, T. N. Ideas of theatrical synthesis in the theoretical program of German expressionism. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2010;4-2:824–826. (In Russ.)
2. Graves, R. *Myths of Ancient Greece*. Moscow, 1992. 624 p. (In Russ.)
3. Nevskaya, P. V. *Medea* from the point of view of visuality: interpretation and reinterpretation. *Philology, art criticism, and cultural studies: development trends: Proceedings of the international research and practice conference*. Novosibirsk, 2013. P. 170–183. (In Russ.)
4. Petrosyan, A. E. The myth of the Argonauts: Indo-European parallels and history. *Indo-European Linguistics and Classical Philology (Readings in Memory of I. M. Tronsky): Proceedings of the international conference 20–22 June 2016*. (N. N. Kazansky, Ed.). St. Petersburg, 2016. Vol. XX. Part 2. P. 861–878. (In Russ.)
5. Tishunina, N. V. Methodology of intermedial analysis in the light of interdisciplinary research. *Methodology of humanitarian knowledge in the perspective of the XXI century: Proceedings of the international research conference, 18 May 2001, St. Petersburg. Series "Symposium"*. Vol. 12. St. Petersburg, 2001. P. 149–154. (In Russ.)
6. Khaminova, A. A., Zilberman, N. N. The theory of intermediality in the context of modern humanities. *Tomsk State University Journal*. 2014;389:38–45. (In Russ.)
7. Sharypina, T. A. *Mamma Medea* by Tom Lanoye: Belgian variant in the German context. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Philology*. 2006;1:105–110. (In Russ.)

Received: 8 August 2023; accepted: 29 September 2023

ЛЕОНИД ГЕННАДЬЕВИЧ КАЯНИДИ

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики филологического факультета
Смоленский государственный университет
(Смоленск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-4937-1908; leonideas@bk.ru

ТРАГЕДИЯ ВЯЧ. ИВАНОВА «ПРОМЕТЕЙ» В СВЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТА КАБИРОВ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Трагедия Вяч. Иванова «Прометей» не раз становилась предметом историко-литературного и герменевтического анализа, однако исследователи уделяли мало внимания подтекстуальному полю произведения, ограничиваясь эксплицированными самим Ивановым аллюзиями. Целью работы является установление одного из ритуально-мифологических подтекстов ивановской пьесы, а именно – взаимосвязи образа сынов Прометея, одного из ключевых акторов трагедии, с мифологическими Кабирами. Материалом исследования стал текст трагедии, эпистолярный Иванов, его научные работы, а также исследования кабирического культа Фридриха Велькера, Людвиг Преллера и авторов из Лексикона Рошера – те источники, знакомство с которыми Иванов документально подтверждено. Используются компаративистский, герменевтический, структурно-семантический методы, метод контекстуального и мотивно-тематического анализа. Результатом проведенного исследования стало обнаружение тесной взаимосвязи между образом сынов Прометея и Кабирами. Их объединяет связь с орфическим мистериально-дионисийским сюжетом растерзания Диониса титанами и его возрождения, мотив священного брака, участие в учреждении мистерий и первых ритуальных действий (бега с факелами, героической тризны, похоронного обряда, земледелия). Сыны Прометея предстают как первые люди. Подобно Кабирам, они образуют мистическую общину, которая носит благочестивый и богоборческий характер. Иванов вписывает свою трагедию в «Прометеиду» Эсхила и использует все три события, которые Велькер считал основным содержанием «Прометея-огненосца»: свадьба Прометея, кража огня, передача его людям. Сценическое пространство ивановской трагедии напоминает Лемнос – остров, где Прометей крал огонь и передавал его Кабирам.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Вяч. Иванов, Фридрих Велькер, Людвиг Преллер, культ Кабир, Прометей, Пандора, античная мифология, подтекст, символизм

Д л я ц и т и р о в а н и я : Каяниди Л. Г. Трагедия Вяч. Иванова «Прометей» в свете исследований культа Кабир в немецкой классической филологии XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 90–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.962

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Трагедия «Прометей» (1919) – одно из самых значительных произведений поэта-символиста и мыслителя Серебряного века Вячеслава Иванова (1866–1949). Исключительный статус ивановской трагедии среди многочисленных произведений, опирающихся на прометеевский миф, отмечал еще А. Ф. Лосев. Главную особенность и достоинство ивановского разворота темы с тысячелетней историей философ находил в возрождении античной интерпретации Прометея, которая имела не индивидуалистическое и цивилизаторское, а космогоническое измерение [6: 282–283].

Первый рецензент трагедии «Прометей» В. Я. Брюсов не без иронии отмечал, что необ-

ходимо быть «посвященным в недра классической мифологии и мифографии» [1: 398], чтобы понять произведение Иванова. Насущный характер создания комментария к ивановским трагедиям Ю. К. Герасимов обосновывал наличием «обширного и часто малоизвестного мифологического материала», на который опирается поэт [4: 180]. Томас Венцлова указывал на то, что Иванов использовал «многие труды поздних мифографов и компиляторов типа Павсания» [2: 107], однако, каких именно, не конкретизировал. Имеющиеся исследования ивановского «Прометея» лишь вскользь касаются его антично-мифологических подтекстов. Так, Доната Джилли Муреду утверждает в качестве основного источника

Иванова только Эсхила [10]; Мария Цимборска-Лебода приводит интересные наблюдения над символикой огня [8] и образом Пандоры у Иванова [7]; Сергей Кибальниченко в качестве главного подтекста ивановского «Прометея» утверждает концепцию дионисийства Ницше из «Рождения трагедии»¹.

Наше исследование посвящено, пожалуй, самой большой загадке ивановской пьесы, которая, кажется, ускользает от внимания исследователей: кто такие «сыны Прометея», одни из главных действующих лиц трагедии? Вопрос неспроста, поскольку они настолько значимы для Иванова, что при первой публикации трагедии в журнале «Русская мысль» (1915) она имела заглавие «Сыны Прометея».

СЫНЫ ПРОМЕТЕЯ – КАБИРЫ

Образ сынов Прометея Иванов называет своим «свободным созданием»². Однако это признание в значительной степени лукаво и призвано ретушировать антично-мифологические источники поэта. Из эпистолярия Иванова нам известно, что поэт тщательно собирал материал для своих произведений на античные темы. Так, работая над трагедией «Ниобея», он просил друга семьи М. М. Замятнину сделать выписки из Лексикона Рошера и Энциклопедии Паули, особое внимание обращая на античные первоисточники и визуальные изображения [5: 657–658]. Исследование подтекстуального слоя «Прометея» привело нас к убеждению, что образ сынов Прометея несет на себе определяющий отпечаток кабирической мифологии. Проще говоря, сыны Прометея у Иванова – это античные Кабиры, божества сложной религиозно-мифологической природы, первые люди, первые посвященные, основоположники мистерий. Наша статья является обоснованием этого тезиса. При этом мы будем опираться на исследования немецких классических филологов, которые внесли значительный вклад в осмысление культа Кабиров, прежде всего Фридриха Велькера и Людвиг Преллера, а также авторов из Лексикона Рошера (Лео Влоха и Карла Баппа).

Исследования Велькера и Преллера Иванов внимательно изучал и высоко ценил. «Чуткий Велькер, сроднившийся с греческою душой, – глубокий исследователь древнего трагического мифа и древней религии»³. В книге «Дионис и прадионисийство» Иванов назовет Велькера «критически-трезвым, но приверженным методу “вчувствования” психологом»⁴. Исследованиями Велькера по мифологии Иванов будет пользоваться при создании в 1924 году неоконченной трагедии «Антигона» [3].

Преллера Иванов характеризует как последователя Велькера, а его «Греческую мифологию» – как «ценное руководство»⁵, в котором обобщается литературный, археологический и эпиграфический материал.

Кабiry – одни из самых загадочных божеств Античности. В XIX веке считалось, что они имеют египетские и финикийские корни. Культ Кабиров был локализован на островах Эгейского моря (Самофракии, Лемносе, Имбросе, Фасосе), а также в городах, расположенных на севере Балкан и побережье Малой Азии (Фивах, Фессалониках, Пергаме и Милете), но являлся интернациональным. В поздней Античности он достигает наивысшего расцвета. Это было связано с синкретизмом кабирического культа, в котором смешиваются пеласгические, эллинские, азиатские и фракийские черты, а также с римской государственной мифологией: римляне относились с величайшим благоговением к Самофракии, так как считали ее метрополией Трои, поскольку Дардан, отец Троса, был уроженцем Самофракии. Варрон утверждает, что римские Пенаты происходят от Великих богов, то есть от самофракийских Кабиров: и те и другие изображались как два стоящих юноши с копьями в руках⁶.

ОБЗОР ТРАГЕДИИ «ПРОМЕТЕЙ»

Прежде чем анализировать ритуально-мифологические подтексты ивановской трагедии, дадим ее краткий обзор. Первый протагонист трагедии, Прометей, предстает как демиург, который создает человека из земли, пепла титанов и крови Диониса. Затем он учреждает три важнейших обряда: ритуальный бег с факелами, героическую тризну и жертвоприношение богам. Во время бега с факелами совершается первое преступление – убийство Архатом-Каином Авеля-Архемира, которое определяет люциферический, деятельно-созидательный и одновременно преступно-богоборческий характер человеческой культуры.

Вторым протагонистом у Иванова является Пандора. Хор мужчин и женщин, созерцающая жертвоприношение, устроенное Прометеем, обнаруживает на алтаре Пандору, закованную в цепи, которые держат Кратос (Власть) и Бия (Сила). Пандора одаривает человеческий род дарами любви, искусством песни и танца. В уста Пандоры вкладывается обширный космоантропологический монолог. Рассказывая о рождении и растерзании Диониса-Загрея, Пандора утверждает богосыновство человеческого рода и богочеловеческий характер человеческого бытия

и культуры. Человечество, возмущенное обманом Прометея, выдававшего себя за его родоначальника, и очарованное духовной прелестью Пандоры, бунтует против своего создателя. Пандора пытается образумить хор мужчин и женщин и показывает, что утверждение дионисийского бытия на земле (возвращение огненного сердца Диониса) возможно, только если оставить ее, богиню радости и любви, в плену у титана-богоборца. Человечество отказывается от такого сценария и отступает от Прометея, тем самым нарушается закономерный порядок бытия, Пандора разлучается с Прометеем. Вместо торжества Пандоры человечество своим мятежом против Прометея добивается только ее гибели и казни Прометея. В финале трагедии утверждается господство в мире титанических начал – Власти и Силы, а богоборческое и в то же время деятельно-созидательное дело Прометея должны продолжить его сыны, тайная община верных, которым поручено дело сохранения прометеева огня.

ИВАНОВ И ЭСХИЛ

Иванов встраивает свою трагедию в эсхилоскую «Прометеиду». Его пьеса завершается тем, с чего начинается «Прометей прикованный»: Власть и Сила ведут плененного титана на казнь. Иванов присоединяется к сформулированной Велькером точке зрения на состав эсхилоской трилогии: Πυρφόρος, Δεσμώτης, Λυόμενος. Его произведение занимает позицию «Прометея-огненосца». Велькер выделяет три основных эпизода Πυρφόρος: свадьба Прометея, кража огня и передача его человечеству (Welcker: 11). Нельзя сказать, что ивановское произведение ограничивается реконструируемой Велькером драмой, однако в нем сохраняются все три главных мотива Πυρφόρος. Согласно Велькеру, передача огня человечеству непосредственно связана с Кабирами. Прометей передает им огонь на Лемносе «как демонам огня, учителям кузнецов, под чьим покровительством находилось искусство обработки металла» (Welcker: 15). У Иванова лицами, которым Прометей передает огонь, являются как раз его сыны. Косвенную связь с Кабирами обнаруживает также любовная линия в трагедии, которая состоит прежде всего в отношениях между Прометеем и Пандорой.

КАБИРЫ И СВЯЩЕННЫЙ БРАК

В трудах немецких классических филологов о кабирической мифологии центральное место уделяется свидетельству Мнасеаса Патарского (Schol. Apoll. Rhod. 1, 917), согласно которому

Кабиры на Самофракии носили четыре имени: Ἀξίερος, Ἀξίόκερσα, Ἀξίόκερσος, Κάσμιλος. Первые три имени являются эпиклезами Деметры, Персефоны и Аида (так эти имена трактует античный комментатор); четвертое, Κάσμιλος, отождествляется с Гермесом.

Префиксоиды первых трех имен восходят к слову ἄξιος ‘священный’. Велькер трактует Ἀξίερος как мужеженское начало, Ἔρος διφυής, «двуприродный Эрос», «неиссякаемая жизнь» (Welcker: 240). С самофракийской Деметрой Велькер считает связанным разделение андрогинного существа на мужскую и женскую часть: Ἀξίόκερσα и Ἀξίόκερσος. Корень -kers- Велькер возводит к слову «брак»: κέρσαι – γαμήσαι, κέρσης – γάμος. Отсюда Ἀξίόκερσος трактуется как священный супруг, а Ἀξίόκερσα – как священная супруга⁷. Из анализа семантики кабирических имен делается вывод, что в самофракийском культе священный брак играл значимую роль, по образцу культа элевсинского⁸. Более того, матриониальные отношения мифологического Прометея некоторым образом связаны с кабирическим священным браком: жена Прометея носит имя Ἀξιοθέα (Tzetz. ad Lycophr. 1283), которое ассоциируется с самофракийскими эпиклезами Кабиров⁹ (Welcker: 12).

Для трагедии «Прометей» мотив священного брака очень значим. Напомним, что, согласно гипотезе Велькера, одно из трех событий эсхилоского «Прометея-огненосца» – брак Прометея и океаниды Гесионы. «Прометей», сознательно встраиваемый Ивановым в контекст эсхилоской трилогии, тоже содержит брачные мотивы. Так, образцом священного брака становится союз Зевса и Персефоны, от которого появляется Дионис-Загрей (этот орфический миф рассказывается Ивановым, чтобы показать божественный генезис человечества, его связь с Дионисом). В этом случае Зевс выступает в своей хтонической ипостаси Аида, Ἀξίόκερσος, а Персефона – как супруга Зевса, Ἀξίόκερσα.

Ἀξίερος (демиургическая ипостась Деметры) может быть отождествлена с Фемидой-Геей из ивановской трагедии, которая является матерью Прометея. Она помогает Прометею совершить разделение своего целостного духовно-душевного состава на две части – мужскую и женскую. Прометей отдает женскую часть своей души, секуляризует свою Аниму, а Фемида создает для нее телесную форму. Прометей, таким образом, предстает как Ἀξίόκερσος, а Пандора – как Ἀξίόκερσα. Пандора одновременно сестра и невеста Прометея: «Невесту, как Весну, убрали Оры; И снял с меня фату жених и брат...» (Прометей: 66, 67).

Ивановская Пандора сходна с Гесионой. Пандора приносит в мир, созданный Прометеем, любовь и удовольствия, главные из которых – песня и танец. Гесиона понимается Велькером как «Певица»: Ἠσιόνη от ἦσι, аориста от глагола ᾄδω ‘пою’ (Welcker: 12).

Третья форма священного брака, которая постулируется в рамках трагедии «Прометей», – это союз нового Диониса и умершей (плененной) Пандоры-Анимы, которую, явившись на земле за своим небесным огнем, хранимым сынами Прометея, Дионис-Жених должен воскресить (освободить).

КАБИРЫ, ДЕМИУРГИЯ ПРОМЕТЕЯ, ПАНДОРА

С Кабирами связано возникновение человеческого рода, и сами они являются первыми людьми: «Древние Кабиры [живут] как первый человек и его прекрасный сын» (Bloch: 2524). Так, известно, что в Фивах почитались два Кабира: Прометей и его сын Этней, которым Деметра вручает некий таинственный ларец. Мифологическая связь Кабиров с Деметрой указывает на родство элевсинских и самофракийских мистерий. Подобно тому как в Элевсине ставился на первый план вопрос о конце нашего бытия, так в кабирических мистериях – вопрос о возникновении человеческого рода (Bloch: 2541).

В Лексиконе Рошера анализируется чернофигурная чаша для питья второй половины IV века (Bloch: 2537). В ее правом углу изображен бородастый Дионис, названный Кабиром. Рядом с ним – ребенок, который черпает из кратера вино. Его имя – Παῖς ‘дитя’, ‘юноша’. Известно, что ему в дар приносили игрушки, особенно волчки. Посередине стоит ребенок Πρατόλαος и смотрит на пару слева: мужчину по имени Μίτος и женщину, названную Κράτεια. Πρατόλαος понимается как первый человек, Μίτος – нить. Орфей называет его семенем. Блох трактует Μίτος как ‘оплодотворяющая потенция’. Κράτεια имеет значение ‘порождающая’. Отмечается, что эта ваза связана с сюжетом сотворения человека, который сочетался на Лемносе с кабирическим культом.

Дионис-Кабир с этой чаши для питья определяет собой ивановский образ Зевса-Диониса, мистериальной ипостаси Бога Отца, который, проглатывая сердце Диониса-Загрея, спасает его сущность. Παῖς тождествен Дионису-Загрею, жертвенной ипостаси Диониса, которому Зевс передает власть над миром и которого титаны привлекают игрушками, чтобы принести в жертву. Пара Μίτος – Κράτεια соответствует ивановским Прометею и Пандоре, которые порождают человеческий род.

Эту вазу и анализ изображенного на ней можно трактовать как один из источников замысла ивановской трагедии, оригинальной особенностью которой является сопряжение мистериально-дионисийского сюжета (рождение Диониса, его растерзание титанами и возрождение) с прометеевским мифологическим сюжетом, одним из столпов которого является демиургия Прометея, в которой оказывается задействована и Пандора. Ивановский Прометей творит человеческий род из земли, смешанной с кровью Диониса-Загрея и пеплом титанов, а спасение богоборческого человечества связывается с явлением нового Диониса, который спасет пленную Пандору-Аниму-Землю.

Особенностью античной чаши является параллелизм между мужеженской парой справа и кабирической парой слева. Иванов трактует этот визуальный мотив как повторение мистериально-дионисийского сюжета в сюжете прометеевском. Прометей и Пандора в разных ситуациях трагедии берут на себя роль то Диониса-жертвы, то титанов-жрецов. Так, когда Прометей добывает небесный огонь, который необходим ему для завершения демиургии, он насильственно-титанически приковывает Пандору к скале. К ней слетаются, как молнии, олимпийские боги, и Прометей крадет огонь от этих молний. Здесь Пандора предстает как Дионис-жертва, а Прометей – как титаны. Но когда человечество отрекается от Прометея как своего демиурга и бунтует против законов мироздания, которые он установил, Пандора сама становится подобна титанам и казнит Прометея.

СВЯЗЬ КАБИРОВ С ДИОНИСОМ И ТИТАНАМИ

В мифологической традиции Кабиры отождествлялись как с титанами, так и с жертвенным Дионисом-Загреем.

Взаимосвязь Кабиров с Дионисом отражается в разных античных источниках. Так, Кабиры из одноименной драмы Эсхила, обитатели Лемноса, предстают как благие демоны, связанные с виноделием¹⁰ (Bloch: 2523). В «Деяниях Диониса» Нонна лемносские Кабиры Алкон и Эвримедон принимают участие в индийском походе Диониса (Nonn. 14, 17; 24, 93; 27, 120 и 327). Храм Кабиров в беотийском Анфедоне находился по соседству с храмом Диониса (Paus. 9, 22, 5). Дионис как учредитель посвящений может именоваться Кабиром (Bloch: 2527).

Велькер, Преллер, Блох уделяют пристальное внимание фессалийскому мифу о ритуальном убийстве Кабирами своего брата (Welcker: 253; Preller: 708; Bloch: 2534). Так, два брата, называ-

емые либо Кабирами, либо Корибантами, убивают третьего, заворачивают его голову в платок, а тело хоронят у подножия Олимпа. Этот мотив расчленения и обезглавливания героя-жертвы роднит кабирический миф с дионисийским. Кабиров-убийц Велькер отождествляет с титанами, а жертвенного Кабира – с Дионисом-Загрем. Преллер отмечает, что происходит слияние дионисийского и кабирического культа (Preller: 708), а Велькер устанавливает соответствие между смертью и захоронением Кабира в Македонии и растерзанием и захоронением Диониса в Дельфах: «Умершего Кабира Климент называет Дионисом, потому что смерть Диониса-Загрея сопоставляется со смертью Кабира как семантически, так и акционально» (Welcker: 254).

Велькер считал этот мистериальный сюжет «самым существенным в теологии Кабиров», религиозным средоточием праздника, который совершался на Лемносе при обновлении огня (Welcker: 250). «Таинства умирающего бога принадлежат Гефестовым Кабирам» (Welcker: 251).

Классические филологи указывают и на другие свидетельства, фиксирующие титаническую природу Кабиров. Так, Преллер отмечает, что в Пергаме Кабиры почитались как дети Урана, то есть относились к одному с титанами поколению богов. «Их (Кабиров. – Л. К.) называют старейшими среди демонов (πρεσβύτατοι δαιμόνων), которые населяли пергамскую область с незапамятных времен» (Preller: 708). В Лексиконе же Рошера приводится орфическая молитва, где представлены кабирические эпиклезы (θεοὶ μεγάλοι, δυνάτοί, ἰσχυροί) и называются имена Кабиров, тождественные именам Титанов: Κρόνος, Εἰάλετος etc. (Bloch: 2533).

Итак, в работах немецких классических филологов прослеживается идея взаимосвязи дионисийско-титанического и прометеевско-кабирического мифов. Иванов подхватывает ее и разрабатывает в своем ключе, в соответствии со своими мистико-философскими установками. Мистериальный миф о растерзании Диониса титанами используется Ивановым как архетипический сюжет, который продуцирует все мотивно-образные ситуации в ивановской трагедии, являющиеся видоизменным повторением исходного архетипа. Дионисийско-титанические отношения пронизывают все взаимоотношения действующих лиц трагедии.

Сыны Прометея, подобно Кабирам, антиномически совмещают в себе дионисийское и титаническое начала. Иванов называет их «зачинателями титанической трагедии, именуемой мировой историей» (Прометей: XVII).

История сынов Прометея обнажает богоборческий характер человеческой культуры. Прометей передает своим сынам похищенный небесный огонь, который в контексте трагедии символизирует дух, жизнь, божественную энергию, трансцендентное и истинное, дионисийское. Первым огонь получает Архемор, которого Иванов характеризует как «наиближайшее подобие самого Диониса в семье чад Прометеевых» (Прометей: XVII). Архемор подобен Кабиру-Дионису, приносимому в жертву остальными братьями-титанами в рассмотренном фессалийском мифе. Архат убивает своего благоговейного брата («горящей головней / В костер поверг Архемора» (Прометей: 29)) и силой, титанически, завладевает дионисийским огнем, от которого зажигается жертвенник Прометея, находящийся в его подземной пещере. Однако, едва донеся свой факел до жертвенника во время священного бега с факелами, Архат также умирает, в результате того что Эринния, мстя за Архемора, касается его горячей головней. Иванов так строит символическое повествование, чтобы показать диалектическое перетекание мистико-символических предикатов: сначала Архемор предстает как носитель дионисийского начала, хранитель священного огня и невинная жертва, а Архат – как носитель титанического, затем происходит смена ролей: Архемор предстает как жрец, убивающий брата, а Архат – как жертва. Более того, утверждая свою титанически-богоборческую природу, Архат на самом деле служит утверждению божественного начала, поскольку от факела, который он приносит к алтарю Прометея, возжигается подземный жертвенник, который символизирует божественно-дионисийское начало, скрытое внутри титанически-человеческого.

Огонь на тайном жертвеннике Прометея, то есть в средоточии человеческой природы, человеческой культуры, антиномически совмещает в себе священное и греховное начало. Он добывается Прометеем от небесных, трансцендентных богов, однако в результате убийства происходит его осквернение. Он становится греховным и святым одновременно, антиномическим, богоборческим. Прометей говорит: «И соучастье первой этой крови / На нас виной отныне тяготее» (Прометей: 29). Сыны Прометея разделяют вину Архата. Тут Иванов как будто следует за Велькером, который пишет:

«Окровавленного Кабира община призывает с окровавленными руками, по всей видимости, поскольку все причастились крови жертвы, которая испытывает священную смерть» (Welcker: 253).

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Связь сынов Прометея с Кабирами проливает свет на место действия ивановской трагедии. Родиной Кабиров считался остров Лемнос (Preller: 699; Bloch: 2523), а сами лемносские Кабiry были сыновьями Гефеста, который в контексте античной мифологии отождествлялся с Прометеем [9: 53]. В мастерской Гефеста на Лемносе, расположенной в горе Мосихл, откуда Прометей крадет огонь для людей, происходило, согласно гипотезе Велькера, действие «Прометея-огненосца», на которого, как мы уже установили, ориентировался Иванов. Иванов описывает место действия своей трагедии как скалистую местность, омываемую морем. Внутри скал находится пещера, где располагается подземная кузница, в которой трудится Прометей, создавая орудия для человечества.

Согласно мифологической традиции, под Мосихлом находился древний храм Гефеста, «в том самом месте, где впервые потек огненный поток и где Прометей, согласно Эсхилу, совершил свою кражу» (Preller: 145).

Лемнос считался местом зарождения мистерий (Preller: 699). Ивановский Прометей как раз и устанавливает первые ритуалы: священный бег, первое жертвоприношение, земледельческие обряды, похоронный обряд. Сыны Прометея становятся первыми посвященными и как бы апостолами его богоборческого учения.

Иванов не называет место действия ни островом, ни Лемносом. По всей видимости, ему важно было сохранить неопределенность, которая позволяла бы объединить черты различных античных локусов, связанных с культом Прометея, Гефеста и Кабиров (Лемнос, Самофракия, Аттика и др.), и сохранить важную для него синкретичность.

СЫНЫ ПРОМЕТЕЯ И ТЕЛЬХИНЫ, КОРИБАНТЫ, КУРЕТЫ

По мнению Велькера, кабирическими чертами наделены также такие мифологические персонажи, как Тельхины, Корибанты, Куреты (Welcker: 235). Они образуют единый класс мифологических существ и различаются в первую очередь географической приуроченностью: Кабiry связаны с Лемносом, Корибанты – с Самофракией, Куреты – с Критом, Тельхины – с Родосом.

Ивановские сыны Прометея наследуют от синкретического образа Кабиров ряд существенных черт. Подобно Тельхинам, Куретам и Корибантам, они являются священниками, жрецами, которые почитают страдающего бога: Тельхи-

ны – Апписа или Эпафа, Куреты и Корибанты – Диониса-Загрея, ивановские сыны Прометея – премирного Зевса-Диониса, заключившего в себя сердце Диониса-Загрея.

Сыны Прометея тоже образуют священническую общину. Вместе с Прометеем, который выступает в роли первосвященника, они приносят обманную жертву Зевсу-Крониду (аналог жертвоприношения в Меконе, описанного у Гесиода), но чтут при этом на самом деле трансцендентного Зевса, неведомого бога.

«Нет, мы воздвигнем / Из этих сосен жертвенник высокий; / Я сам зажгу священный пламень, жрец. / Готовьтесь же со мною быть завтра / Для принесенья первой нашей жертвы» (Прометей: 34).

Подобно Тельхинам, которые, будучи жрецами, навлекают на себя гнев Зевса (Welcker: 186–188), сыны Прометея совмещают благочестие и богоборчество. Они чтят Зевса премирного, единого невидимого бога, но при этом отказывают в почитании Зевсу-Крониду, той божественной инстанции, которой отдана власть над земным миром. Сыны Прометея служат огню, который символизирует трансцендентного бога, однако этот огонь они зажигают от факела первого убийцы Архата, тем самым оскверняя его и делая необходимым его очищение через эпифанию нового Диониса.

Кабiry связаны с огненной стихией и изображаются с факелами в руках (Welcker: 235). В качестве огненосцев сыны Прометея предстают и в трагедии Иванова. Они появляются на сцене в процессе ритуального бега с факелами, который повторяет бег Прометея после кражи небесного огня и символизирует преемственность и богоборческий статус человеческой культуры.

Куреты с помощью танца, ударяя мечами о щиты, исполняли священное служение (Welcker: 190). Во время самофракийских мистерий, как и во время мистерий Великой матери богов, совершались экстатические танцы Кабиров – Корибантов возле женской богини (Деметры = Кибелы) под аккомпанемент флейт, кимвалов и литавр. Велькер описывает коллегия Куретов в Эфесе, которая участвовала в танцевальных и жертвенных обрядах на ежегодных празднествах. Сыны Прометея родственны Куретам и в этом отношении. Они тоже совмещают танец и жертвоприношение. Когда Прометей, утомленный своим трудом, засыпает и является Пандора, связанная Кратосом и Бией, сыны Прометея участвуют в общем танце возле алтаря Пандоры, обручатся с нею кольцами, которые

надеваются на копыя, а затем, когда толпа мужчин и женщин выбирает себе в царицы Пандору и требует казнить Прометея, его сыны вонзают Пандоре в грудь семь копий. Это действие становится одновременно и мстью Пандоре за низвергнутого Прометея, и актом любви по отношению к Пандоре, которая низводится под землю Фемидой и отождествляется с подземным огнем – духовным началом бытия, которое охраняют сыны Прометея.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, с содержательной стороны сыны Прометея обладают многими родственными чертами с Кабирами, Корибантами, Куретами, Тельхинами, однако нигде в трагедии Иванов не называет

подобные мифологические имена, не оставляет прозрачных реминисценций. Вместе с тем обилие сходств между Кабирами и сынами Прометея не оставляет сомнения в наличии соответствующих ритуально-мифологических подтекстов. Объяснение умолчанию Иванова можно искать не только в герметической установке на понимание текста только посвященными, но в самой мифологической сущности Кабиров, которые в культовом отношении были «всего лишь формами, которые принимали в себя любое содержание» (Bloch: 2540). Этот синкретизм «великих богов» мог импонировать Иванову, который в своем творчестве стремился к максимальному синкретизму, обнажающему всеединство сущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кибальниченко С. А. Реализация «основного мифа» Вяч. Иванова в трагедии «Прометей»: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 182 с.
- ² Иванов В. Прометей. Трагедия. Петербург: Алконост, 1919. С. XII. Далее в круглых скобках указывается название и через двоеточие страница.
- ³ Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога. Глава II // Новый путь. 1904. № 2. С. 51.
- ⁴ Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. Баку: 2-я государственная типография, 1923. С. 255.
- ⁵ Иванов В. И. Эллинская религия страдающего бога... С. 51.
- ⁶ Welcker F. G. Die äschylische Trilogie Prometheus und die Kabirenweihe zu Lemnos. Darmstadt: Druck und Verlag von Leske, 1824. S. 228. Далее в круглых скобках указывается автор и через двоеточие страница.
- ⁷ Welcker F. G. Griechische Götterlehre. B. 1. Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1857. S. 329.
- ⁸ Bloch L. Megaloi Theoi // Roscher W.H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. B. 2,2. Leipzig: Teubner, 1894–1897. S. 2526. Далее в круглых скобках указывается автор и через двоеточие страница.
- ⁹ Vapp K. Prometheus // Roscher W. H. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. B. 3,1. Leipzig: Teubner, 1897–1902. S. 3041.
- ¹⁰ Preller L. Griechische Mythologie B.1. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1872. S. 696. Далее в круглых скобках указывается автор и через двоеточие страница.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюсов В. Я. Вячеслав Иванов. Прометей. Трагедия // Вяч. Иванов: Pro et contra. Т. 1. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2016. С. 396–398.
2. Венцлова Т. К вопросу о русской мифологической трагедии: Вячеслав Иванов и Марина Цветаева // Венцлова Т. Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 106–126.
3. Вестбрёк Ф. Фрагмент неоконченной трагедии «Антигона» Вячеслава Иванова // Europa Orientalis. XXI. 2002. 1. С. 170–211.
4. Герасимов Ю. К. Неоконченная трагедия Вячеслава Иванова «Ниобея» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л.: Наука, 1984. С. 178–203.
5. Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия. Переписка: 1894–1903. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1. 752 с.
6. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367 с.
7. Цимборска-Лебода М. Прометей и Пандора, или мифопоэтическая антропология Вячеслава Иванова (на материале трагедии «Прометей») // Mistrzowi i Przyjacielowi. Wrocław, 2010. С. 149–168.
8. Сумборска-Лебода М. «La tradition du feu»: le mythe de Prométhée et sa métamorphose dans la tragédie de Viatcheslav Ivanov Prometeï (Prométhée) // Représentations et symboliques du feu dans les théâtres européens (XVIe – XXe siècle). Paris: Honoré Champion, 2013. P. 137–149.
9. Duchemin J. Prométhée. Histoire du mythe, de ses origines orientales à ses incarnations modernes. Paris: Société d'édition «Les belles lettres», 1974. 218 p.
10. Murreddu D. G. The tragedy Prometheus by Vjačeslav Ivanov // Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter – Europäischer Kulturphilosoph. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1993. S. 127–162.

Поступила в редакцию 15.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Leonid G. Kayanidi, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-4937-1908; leonideas@bk.ru

THE TRAGEDY *PROMETHEUS* BY VYACHESLAV IVANOV IN THE LIGHT OF STUDIES OF THE CABEIRI CULT IN GERMAN CLASSICAL PHILOLOGY OF THE XIX CENTURY

Abstract. The tragedy *Prometheus* by Vyacheslav Ivanov has repeatedly become the subject of historical, literary, and hermeneutic analysis, however, researchers have paid little attention to the subtextual field of the work, limiting themselves to the allusions explicated by Ivanov himself. The aim of the research was to establish one of the ritual and mythological subtexts of the Ivanov's play, namely, the relationship between the image of the sons of Prometheus, one of the key actors in the tragedy, with the mythological Cabeiri. The material for the research was the text of the tragedy, Ivanov's epistolary, his research works, as well as the studies of the Cabeiri cult by Friedrich Welcker, Ludwig Preller and the authors of Roscher's *Mythological Lexicon* – it is a documented fact that all these sources were known to Ivanov. In the course of the research, the comparative, hermeneutic, and structural-semantic methods were used, as well as the method of contextual and motivic-thematic analysis. The result of the study was the discovery of a close relationship between the image of the sons of Prometheus and the Cabeiri. They are united by the relationship with the orphic mysterious Dionysian plot of Dionysus' laceration by the Titans and his rebirth, by the motif of the sacred marriage, and by the participation in the establishment of the mysteries and the first ritual actions (running with torches, heroic funeral feast, funeral rite, soil cultivation). The sons of Prometheus appear as the first people. Like the Cabeiri, they form a mystical community of a pious and god-fighting character. Ivanov inscribes his tragedy into Aeschylus' *Prometheia* and uses all three events that Welcker considered the main content of *Prometheus the Fire-Bringer*: Prometheus' wedding, stealing fire from Olympus and giving it to people. The stage space of Ivanov's tragedy resembles Lemnos – the island where Prometheus stole fire and passed it to the Cabeiri.

Key words: Vyacheslav Ivanov, Friedrich Welcker, Ludwig Preller, Cabeiri cult, Prometheus, Pandora, ancient mythology, subtext, symbolism

For citation: Kayanidi, L. G. The tragedy *Prometheus* by Vyacheslav Ivanov in the light of studies of the Cabeiri cult in German classical philology of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7): 90–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.962

REFERENCES

1. Bryusov, V. Ya. Vyacheslav Ivanov. Prometheus. Tragedy. *Vyacheslav Ivanov: Pro et contra*. Vol. 1. St. Petersburg, 2016. P. 396–398. (In Russ.)
2. Ventslova, T. Revisiting Russian mythological tragedy: Vyacheslav Ivanov and Marina Tsvetaeva. *Ventslova, T. Interlocutors at the feast*. Moscow, 2012. P. 106–126. (In Russ.)
3. Westbroek, P. A fragment of the unfinished tragedy *Antigone* by Vyacheslav Ivanov. *Europa Orientalis*. 2002;XXI(1):170–211. (In Russ.)
4. Gerasimov, Yu. K. Vyacheslav Ivanov's unfinished tragedy *Niobe*. *1980 Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House*. Leningrad, 1984. P. 178–203. (In Russ.)
5. Ivanov Vyacheslav, Zinovyeva-Annibal Lidia. Correspondence: 1894–1903. Moscow, 2009. Vol. 1. 752 p. (In Russ.)
6. Losev, A. F. The problem of symbol and realistic art. Moscow, 1976. 367 p. (In Russ.)
7. Cymborska-Leboda, M. Prometheus and Pandora, or mythopoetic anthropology of Vyacheslav Ivanov (based on the tragedy *Prometheus*). *Mistrzowi i Przyjacielowi*. Wrocław, 2010. P. 149–168. (In Russ.)
8. Cymborska-Leboda, M. “La tradition du feu”: le mythe de Prométhée et sa métamorphose dans la tragédie de Viatcheslav Ivanov Prometeï (Prométhée). *Représentations et symboliques du feu dans les théâtre européens (XVIe–XXe siècle)*. Paris, 2013. P. 137–149.
9. Duchemin, J. Prométhée. Histoire du mythe, de ses origines orientales à ses incarnations modernes. Paris, 1974. 218 p.
10. Mureddu, D. G. The tragedy *Prometheus* by Vjačeslav Ivanov. *Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter – Europäischer Kulturphilosoph*. Heidelberg, 1993. S. 127–162.

Received: 15 August 2023; accepted: 29 September 2023

ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА СМИРНОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0579-8774; esmirnova@petrsu.ru

ПЛИНИЙ-ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ: ОБРАЗ РИМСКОГО УЧЕНОГО-ЭНЦИКЛОПЕДИСТА В ЗАБЫТОМ ОЧЕРКЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Роль античного компонента в отечественной литературе второй трети XIX века оценивается современными учеными неоднозначно. Исследование образа Плиния Старшего в опубликованном в 1850 году очерке «Плиний естествоиспытатель» – одном из первых в русской словесности подробных обзоров жизни, творчества и мировоззрения знаменитого римского энциклопедиста – предпринято с целью уточнить и дополнить представления об особенностях рецепции античного культурного наследия в российской литературе середины XIX века. Анализ характерных черт портрета Плиния Старшего приводит к выводу о том, что повествователь, чье имя, к сожалению, остается неизвестным, новаторски изображает Плиния в непривычном для широкой читательской аудитории ракурсе: не только автором грандиозной «Естественной истории», но активным государственным деятелем и оригинальным мыслителем драматичной эпохи усиления монархии в Риме. Биография Плиния Старшего представлена как достойный подражания пример умения распоряжаться временем и успешного сочетания государственной службы с научными занятиями. В размышлениях Плиния Старшего о месте человека в окружающем его мире в качестве ключевых выделены выводы о жалкости человеческого честолюбия и катастрофических последствиях, к которым оно может привести. Раскрывая мировоззрение Плиния Старшего, автор середины XIX века одновременно приоткрывает читателю свое миропонимание, выбирая из «Естественной истории» примеры, наиболее созвучные собственным взглядам. Особую роль в очерке играют экскурсы о Плинии Младшем и комментарий к оценкам творчества Плиния Старшего у де Бюффона и Кювье: они призваны убедить читателей в том, что критический анализ идей классических писателей и полемика с ними не перечеркивают благорасположения к античным авторам и античное наследие сохраняет значение надежной основы для диалога времен, объединяющего представителей различных исторических эпох раздумьями над общими для всех веков проблемами.

К л ю ч е в ы е с л о в а : античность, рецепция, Древний Рим, Плиний Старший, «Естественная история», Плиний Младший, журнал «Библиотека для чтения»

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00423 (<https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Смирнова Е. Л. Плиний-естествоиспытатель: образ римского ученого-энциклопедиста в забытом очерке середины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 98–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.963

ВВЕДЕНИЕ

Очерк «Плиний естествоиспытатель», опубликованный в 1850 году в журнале «Библиотека для чтения»¹, занимает своеобразное место в отечественной словесности середины XIX века. С одной стороны, роль этого сочинения в истории российских изысканий о Плинии оказалась незавидной: решение разместить статью в отделении «Смесь», завершающем разделе журнала,

и без указания автора² обрекало текст на не самый большой интерес у читательской публики и безвестность у составителей библиографических обзоров по римской истории и литературе³. С другой стороны, именно этот малоизвестный очерк о Плинии Старшем стал одним из первых подробных обзоров биографии, литературного наследия и мировоззрения римского ученого-энциклопедиста в русской литературе, адресо-

ванных массовому читателю, и он, несомненно, заслуживает внимания в рамках исследования особенностей восприятия и переосмысления античного культурного наследия в отечественной словесности. Цель статьи – выявить характерные черты, формирующие образ Плиния Старшего в посвященном ему очерке середины XIX века, и раскрыть их роль в «разговоре о древних» (Плиний: 11), к которому пригласил автор своих читателей, учитывая, что в авторском выборе определенной исторической личности для повествования отражаются, как правило, раздумья о своем времени и стремление глубже понять смысл происходящего. Актуальность исследования определяется, во-первых, активизацией интереса к личности Плиния Старшего в связи с началом публикации первого полного русскоязычного перевода «Естественной истории» [10], а во-вторых, наличием в современной науке об античности дискуссии по вопросу о роли античного компонента в отечественной литературе второй трети XIX века [7: 154–182], [8: 116], [14: 7], [15: 122–125, 137–158].

* * *

В ряду античных писателей Плиний Старший оказался автором, чье литературное наследие не в самой большой степени повлияло на развитие российской словесности XVIII и первой половины XIX века. С одной стороны, грандиозное творение Плиния Старшего – «Естественная история» в 37 книгах – было созвучно эпохе Просвещения, отмеченной успехами в развитии естественных наук, верой в преобразующую силу познания окружающего мира и интересом к энциклопедической форме представления научного знания, предназначенного для самого широкого круга образованных читателей [3: 801–802, 805]. В высокообразованном слое российских любителей словесности, наук и художеств XVIII века труд Плиния был известен. На его сведения о живописи древних ссылается Г. Н. Теплов, а о скульптуре – Н. М. Карамзин. О своем стремлении «знать все тайны природы» после знакомства в юном возрасте с сочинением Плиния вспоминает Н. П. Николев [8: 180–181]. Выпискам из «сказания Плиния Секунда Старейшего» посвящает четырнадцатую главу в «Истории Российской» В. Н. Татищев, отмечая, что у Плиния есть главы «нужнейшие к Русской Истории и Географии»⁴. Татищев вкратце упоминает и об обстоятельствах гибели Плиния Старшего: «славный философ» умер «на горе Везувии, которую из любопытства хотя осмотреть, курением из оной задохся»⁵. С другой стороны, о широком интересе к «Естественной истории» Плиния Старшего в России XVIII века говорить

все же не приходится. Существенной преградой к глубокому знакомству с его трудом был не только объем сочинения или недостаточное знание латинского языка у значительной части потенциальных читателей, но и закрепившаяся к концу XVIII века убежденность в том, что сочинение Плиния безнадежно устарело. «Древний кумир исчез», – признавался Николев, прочитавший после «Естественной истории» Плиния труд Ж.-Л. де Бюффона о животных⁶. В сказании Плиния «по тогдашнему худому и недостаточному о вещах мира знанию басен много находится», – отмечал Татищев⁷.

Первая четверть XIX века стала новым этапом в восприятии жизни и творчества Плиния Старшего в отечественной словесности. Во-первых, в 1819 году был опубликован перевод на русский язык XXXII–XXXVII книг «Естественной истории», выполненный В. М. Севергиным⁸, с предисловием об истории изучения, издания и переводов сочинения Плиния в странах Европы и «кратким известием» о жизни писателя⁹. Во-вторых, усилился интерес к творчеству Плиния Младшего (племянника Плиния Старшего)¹⁰: в его «Панегирике императору Траяну», наилучшему принцепсу, легко обнаруживался материал для лестных сопоставлений с царствованием Александра I. Плиний Младший пользовался популярностью и как автор десяти книг писем, в которых значительное внимание уделялось литературному и научному творчеству, признаваемому достойнейшим занятием для любого благородного образованного человека. Одним из образцов подобного рода занятий в письмах Плиния Младшего выступал Плиний Старший:

«...я считаю счастливыми людей, которым боги дали или совершить подвиги, достойные записи, или написать книги, достойные чтения; к самым же счастливым тех, кому даровано и то, и другое. В числе их будет и мой дядя» (Plin. Ep. VI.16.3)¹¹.

Интересно, что начало именно этих строк предпослал в 1822 году эпитафией к своему «Краткому опыту истории русской литературы» Н. И. Греч¹². Наконец, активизация раскопок в Помпеях способствовала оживлению интереса к трагической гибели Плиния Старшего во время извержения Везувия. Выход в свет «Частной Реторики» Н. Ф. Кошанского¹³ зафиксировал тот набор сведений о Плинии Старшем как ученом римлянце, погибшем во время извержения Везувия вследствие увлеченности наукой, и его энциклопедическом труде «Естественная история» как важном памятнике древней учености, который стал неотъемлемой частью литературно-культурного компонента гимназического образования в Российской империи.

Однако и первая половина XIX века не стала временем активного изучения творчества Плиния Старшего в России: перевод Севергина оставался единственным, а ссылки на «Естественную историю» – характерными лишь для научных статей или публицистики, связанной с проблемами развития естествознания¹⁴. Плиний-естествоиспытатель с устаревшим набором сведений о природе потерял ореол непререкаемого авторитета в естественных науках [11: 157], отодвинув на некоторое время в тень Плиния-литератора, мастера энциклопедической формы представления научного знания [1: 1378–1379], и Плиния-мыслителя, современника становления императорского режима в Риме и укрепления идеи мирового государства, воплощенной в Римской империи [12: 104].

На этом фоне опубликованный в 1850 году в журнале «Библиотека для чтения» пространственный очерк «Плиний естествоиспытатель», повествующий о жизни, творчестве, а главное, взглядах Плиния Старшего на человека и его место в мире, представляет особый интерес как заметное отступление от общей тенденции равнодушия к некогда авторитетному римскому энциклопедисту, признак возрождения интереса к его труду и один из первых подробных обзоров его творчества в отечественной словесности, адресованный широкой читательской аудитории.

Начинается очерк вступлением, цель которого – привлечь внимание читателей к разговору о древних, вопреки тому что далекое прошлое мало интересует людей современных, вечно спешащих, погруженных в заботы и проявляющих интерес только к громким именам новейшего времени (Плиний: 11). Сетование на то, что древность – это удел ученых и редких любопытствующих, открывает статью неслучайно: оно отражает характерную для середины XIX века обеспокоенность превращением античного наследия из обязательного компонента культуры в предмет интереса только для узкого круга специалистов¹⁵. Свое обращение к Плинию Старшему автор очерка обосновывает так:

«Из всех древних оба Плиния оставляют по себе самое прочное и самое приятное воспоминание. Они еще на школьной скамье являются нам рука об руку <...> племянник рассказал нам незабвенную историю смерти дяди» (Плиний: 11).

Как видим, автор статьи уверен в том, что его читатели помнят из полученного в гимназии образования рассказ Плиния Младшего в письме к историку Тациту о последних днях Плиния Старшего (Plin. Ep. VI.16), и опирается на читательский опыт своей аудитории как фундамент для создания новых граней в образе римского ученого.

Переходя к рассказу о жизни и творчестве Плиния Старшего, автор статьи выделяет три момента, которым почти не уделялось внимания в школьных учебниках. Читатель узнает, что Плиний Старший был автором не только «Естественной истории», но и ряда других, не сохранившихся до Нового времени сочинений, в числе которых: «О метании дротиков с коня», «Германские войны» в 20 книгах, «История своего времени» в 31 книге, риторические и даже грамматические сочинения¹⁶. Важнейшей составляющей биографии Плиния Старшего являются сведения о том, что он был не только естествоиспытателем, но человеком военным и государственным, сведущим в юриспруденции. Разнообразие военных и гражданских должностей и занятий в карьере Плиния преподносится читателям как заслуживающее уважения, как «честь и достоинство Римлянина». Наконец, Плиний Старший характеризуется как гражданин, активный не только в государственной деятельности, но и в свободное от нее время: на досуге он беспрестанно читал, делал выписки и извлечения, «все время, не посвященное ученым занятиям, он считал потерянным» (Плиний: 12).

Акцент на умении Плиния Старшего распоряжаться временем, которое позволило ему, несмотря на раннюю смерть, прожить «столько, как не многим удавалось жить», заслуживает более подробного рассмотрения. Вопрос о сравнительной ценности государственной деятельности и занятий, посвященных изучению науки и мудрости, был поставлен уже в трактате Цицерона «Об обязанностях» (Cic. De off. I.153–155)¹⁷, и в его рассуждениях, как отмечает Я. Ю. Межеричкий, в зародыше обнаруживается идея, получившая развитие в последующей политико-философской мысли: досуг, посвященный изучению наук, может быть полезен государству [9: 44]. Тем не менее нормой для Цицерона и его современников оставалась жизнь, посвященная республике, а досуг рассматривался как нечто нежелательное, за исключением ситуаций, когда «надо всем властвует один человек и нет возможности ни дать совет, ни взять на себя ответственность», в связи с чем уход от политической деятельности к литературным или философским занятиям делается для добродетельных мужей оправданным (Cic. De off. II.2–4). В период ранней империи вопрос о соотношении жизни активной и жизни созерцательной приобрел новое звучание: сознательное отстранение от государственных должностей и участия в общественной жизни стало для определенной части представителей высших сословий Рима выражением политической позиции – неприятия происходящего и нежелания сотрудничать с императорской властью, край-

ним проявлением которого было самоубийство как путь к свободе [9: 46–47]. Л. Анней Сенека, философ, сенатор и воспитатель Нерона, прошедший путь от приближенного императора до подозреваемого в участии в заговоре, получившего приказ покончить с собой, в трактате «О досуге» обосновывает созерцательный, философский образ жизни, поскольку «не существует государства, которое может терпеть истинного мудреца, и нет мудреца, который смог бы вынести какое-либо реальное государство» (Sen. De otio. VIII.1–4). Призыв посвятить себя философскому досугу, достойной альтернативе как навязанным честолюбием ничтожным занятиям на государственной службе, так и потребительскому безделью, преисполненному роскошных излишеств, проходит и через «Письма к Луцилию» [9: 54–57].

В «Письмах» Плиния Младшего, написанных почти сорок лет спустя, в правление Траяна – в эпоху, которую Тацит назвал временем «редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает» (Tac. Hist. I.4)¹⁸, – вопрос решается иначе: Плиний Старший представлен как воплощение идеального умения совмещать исполнение должностей и интеллектуальные занятия в свободное от работы время¹⁹. Именно этот путь, который, по мнению Г. С. Кнабе, в Риме периода ранней империи был связан с представителями наиболее перспективной для развития римского государства силы в высших слоях общества [6: 38, 46–47], представляется идеальным автору очерка о Плинии Старшем в середине XIX века. Биография Плиния Старшего преподносится как пример жизни человека, успешно сочетавшего государственную службу с литературными и научными занятиями, а сам Плиний – как образцовый римлянин и вневременной идеал высокообразованного государственного деятеля, все свои интеллектуальные силы и время посвящающего благу отечества. Универсальность жизненного принципа, примером которого представлен Плиний Старший, подчеркивается в очерке нарушающим последовательность эпох выводом: «“Тот не рожден для славы, кто не знает цены времени”». Это изречение Вовенарга²⁰ было, кажется, правилом жизни Плиния» (Плиний: 12).

Подход автора статьи о Плинии-естествоиспытателе к характеристике «Естественной истории» примечателен, на наш взгляд, сочетанием традиций и новаторства. Традиционным можно считать сопоставление Плиния с Аристотелем не в пользу первого: «Плиний вовсе не Аристотель, то есть не непосредственный самобытный наблюдатель»; «Естественная история» – произведение книжной учености, «подробная опись всего, что бы было написано и говорено по предмету», а не опытная наука (Плиний: 13). Новаторством представляется

попытка показать читателям «Естественную историю» Плиния Старшего не только как обширный свод естествознания своего времени, но как сочинение, раскрывающее многогранный образ своего создателя, который, как истинный римлянин, старательно этот образ выстраивает, стремясь по нравиться современникам и заботясь о своей славе в веках. В статье подчеркивается:

«... прежде всего поражает нас сам автор и собиратель; он мастер своего дела <...> сила его пера нигде не ослабевает ни на минуту, даже в бесконечном описании стольких мелких, нередко утомительных подробностей. Он разнообразит их замысловатыми историческими рассказами, оживляет точностью и быстротой языка; украшает нравственными выводами» (Плиний: 13)²¹; «... на каждой странице открывается в нем глубокое чувство неизмеримости природы и римского величия» (Плиний: 14)²².

Несколько составляющих образа Плиния Старшего выделены в статье особо. По мнению автора очерка, во II книге «Естественной истории» в рассуждениях Плиния о мире и стихиях, несмотря на имеющиеся в них заблуждения и ложные понятия,

«нельзя не признать с первого разу <...> одного из образованнейших людей своего времени, такого человека, с которым ученый нашего века мог бы беседовать как со своим собратом» (Плиний: 14).

Автор статьи называет Плиния энтузиастом науки и находит крайне привлекательным его благоговение перед самоотверженными исследователями тайн природы из прежних времен, посвятившими себя труднейшим изысканиям «без всякой другой корысти кроме удовольствия принести пользу науке и потомству», и его верность кропотливым научным занятиям, невзирая на насмешки и даже презрение окружающих (Плиний: 15).

По всей видимости, внимание читателей к сочинениям Плиния на то, что его современникам, ослепленным страстью к наживе, обращенным к роскоши, неге и удовольствиям стола, не удастся прибавить ничего к открытиям древних, несмотря на неустанные заботы государя о развитии наук и искусств (Plin. NH. II.46), привлекается в статье неслучайно. Во-первых, оценки Плиния оказывались в некоторой степени созвучны характерным для 1830–1840-х годов размышлениям о соотношении достижений Античности и Нового времени, причем не в пользу последнего²³. Во-вторых, в них можно было усмотреть определенные параллели с оценкой состояния отечественной словесности в так называемый смирдинский период, которая была дана В. Г. Белинским. Исходя из наличия двух путей в творческой деятельности для тех, «кому природа при рождении положила на чело печать гения», – творить бескорыстно, трудиться безвоз-

мездно, терпеть гонения злых или же торговать своим божественным даром, положить цену на каждое слово²⁴, – Белинский отмечает, что главным распорядителем этапа в развитии русской словесности, начавшегося с выходом «Новоселья», стал А. Ф. Смирдин, который «одобряет и ободряет юные и дряхлые таланты очаровательным звоном ходячей монеты»²⁵. А далее указывает: «Есть люди, которые утверждают, что г. Смирдин убил нашу литературу, соблазнив барышами ее талантливых представителей»²⁶.

Еще одной важной чертой образа Плиния Старшего представлены в очерке такие «глубокие и оригинальные мысли», как вывод о жалкости человеческого честолюбия, которому сама природа определила ничтожную, в сравнении с бескрайними просторами водной стихии, арену для деятельности и обретения славы (Плиний: 16). Автор имеет в виду строки из II книги «Естественной истории», хотя и не приводит прямую цитату:

«Здесь мы исполняем свои обязанности, здесь применяем власть, желаем богатств, волнуемся, как свойственно людям, воюем, даже между собой, и, убивая друг друга, расширяем свои земли. <...> Расширивший как можно больше свои поля, изгнавший за их пределы былых жителей, будет ли он рад своему наделу? или если он сможет расширить владения в меру своей алчности, какую в конце концов их часть он займет своей могилой?» (Plin. NH. II.68)²⁷.

Рассуждения о несправедливости и в конечном счете бессмысленности войн за расширение территории в сочинении римского автора – их современника, участника и историографа – весьма любопытны²⁸. Но еще более интересно то, что на эти размышления считает важным обратить внимание своих читателей автор очерка о Плинии Старшем в середине XIX века. Вероятно, слишком живой отклик они могли найти в современниках последних лет правления Николая I.

Взгляды Плиния Старшего на вопрос о месте человека в природе рассматриваются в очерке и на примере его рассуждений в VII книге «Естественной истории». В статье приводится ряд мрачных образов, иллюстрирующих отмеченное Плинием Старшим противоречие: «Ничего нет в природе величественнее и вместе с тем жалче человека» (Плиний: 16)²⁹, – и упоминаются мыслители сходных с Плинием взглядов: «...он, кажется, помнит краски Лукреция и готовит предмет для размышлений Паскаля» (Плиний: 16). Одна из плиниевых картин (Plin. NH. VII.1.2) выделена особо:

«...он показывает нам человека как единственное животное, брошенное *нагим на нагую землю*, знаменующее свое вступление на свет слезами, не знающее радости до сорокового дня» (Плиний: 16).

Автор очерка указывает, что Плиний получил упреки «в склонности к мизантропической философии» от Ж. Л. Кювье, однако сам находит объяснение взглядам римского ученого: «...родившись в век бедствий и нравственного растления, Плиний перенес свои нравственные впечатления, свое негодование на общество и в изучение природы» (Плиний: 16). Отметим, что в этом пояснении отразилось характерное для литературы 1830–1840-х годов восприятие Рима эпохи империи как времени глубочайшего нравственного падения, всеобщего разочарования и попыток найти утешение для скорбящего духа либо в грубом смешении разнообразных богов в одном пантеоне, либо в области умозрений – в философских взглядах стоиков и Эпикура – при невозможности найти удовлетворение в поисках, так как настоящее исцеление и обновление приносит только христианство³⁰. Однако автор статьи о Плинии помимо конкретно исторического объяснения предлагает и более широкую, не ограниченную рамками одной исторической эпохи, трактовку взглядов Плиния Старшего и его «единомышленника» Паскаля:

«Бывают великие умы, которые, может быть, преувеличивают трудности и сами создают в себе противоречия, чтобы доставить себе мучение бороться с ними и радость восторжествовать над ними. Есть и философы, легче сживающиеся с окружающим миром, более созерцательные умы» (Плиний: 16).

Переходя к разбору приводимых Плинием занимательных фактов о великих людях, которые «возвышались над человечеством в каких бы то ни было отношениях», составитель очерка останавливается на созданных в «Естественной истории» образах Цезаря и Суллы, двух знаменитых диктаторов Римской республики (Plin. NH. VII.25; VII.43; VII.54). Первый был в высшей степени наделен силой духа, особенной энергией и «быстротой в мысли и действии, подобной огню», второй – «единственный досель человек... который осмелился принять прозвище Счастливого» (Плиний: 17). Однако для Плиния Старшего оба они, как подчеркивается в статье, не безупречны. Величие первого умалется пролитием человеческой крови, гибелью свыше миллиона человек в сражениях; счастье второго – его собственной кончиной, которая была «гораздо жесточе гибели тех, кого он обрек изгнанию и смерти», ибо в последние дни жизни ужасная болезнь терзала тело Суллы, но еще более ужасный страх, что кто-нибудь осквернит его могилу, вырыв после погребения его тело, как он когда-то велел вырыть тело своего политического соперника Мария, терзал его мысли (Плиний: 17–18).

В противовес Сулле и Цезарю воплощением подлинного величия, равного величию и могуществу народа, среди которого он родился, объявляется в статье образ Цицерона в изображении Плиния Старшего (Plin. NH. VII.30)³¹, поскольку Цицерон стал не только «светилом слова и наук», но был первым, кто стяжал прозвище отца отечества и заслужил триумф, не снимая тоги (Плиний: 18)³², то есть без масштабного кровопролития. Здесь вероятно отсылка к трактату Цицерона «Об обязанностях», в котором знаменитый оратор сравнивает заслуги на гражданском и военном поприще и вспоминает о своей роли в разоблачении заговора Катилины в 63 году до н. э., когда заговорщики были побеждены силой слова, а не оружия (Cic. De off. I.74–78). Цицерон цитирует строки из поэмы «О своем консульстве»: «...прекрасные слова, которые, как я узнал, бесчестные люди и завистники обыкновенно подвергают нападкам: “Меч, перед тогой склонись; ветвь лавра, склонись пред заслугой!”» (Cic. De off. I.77). Внимательный читатель вполне мог уловить в этой детали сопоставление с правлением Николая I – временем, когда первые места в государстве были отданы людям, облаченным в унифицированные мундиры³³, и совершенно не приветствовались фраки как символ вольнодумства, западничества и «внеслужебного» существования [13: 101–102, 108]. Драматические события «Весны народов» 1848–1849 годов придавали особую актуальность поставленному Цицероном и событиями из истории античного Рима вопросу о выборе средств при разрешении общественных конфликтов.

Дополнением к образу Цицерона в рассказах «Естественной истории», раскрывающих тему «самых возвышенных человеческих типов во всех сферах», выступает, по мнению автора очерка о Плинии Старшем, образ Менандра, «величайшего из комических поэтов» (Плиний: 18). Его величие проявилось в особенности в том, что милости царей египетских и македонских, всем щедротам и почестям, которыми его намеревались осыпать цари, он предпочел изучение наук – «сознание своего литературного достоинства, *conscientiam litterarum*, как говорит Плиний» (Плиний: 18), (Plin. NH. VII.30). Ценность литературного творчества подчеркнута также рассказом Плиния о спартанском флотоводце Лисандре, который приостановил наступление на афинян на время похорон великого трагика Софокла (Плиний: 18), (Plin. NH. VII.29).

Не останавливаясь подробно на описании животных, растений и недр земли у Плиния Старшего, за исключением сведений о папирусе (Плиний: 20)³⁴, автор очерка о римском энциклопедисте считает необходимым познакомить читателей с оценками Плиния Старшего в Новое

время на примере двух французских авторов – Ж.-Л. Л. де Бюффона (1707–1788) и Ж. Кювье (1769–1832). Граф де Бюффон, естествоиспытатель и популяризатор науки, автор «Всеобщей и частной естественной истории», преподносится как самый снисходительный из судей, который подчеркивает образованность, пронизательность ума, тонкий вкус и изящество слога Плиния Старшего. Жорж Кювье, естествоиспытатель и натуралист, автор «Этюд о природе», написанных под влиянием Бюффона, и один из составителей примечаний к переводу «Естественной истории» на французский язык, охарактеризован как судья строгий и беспристрастный, который оценивает не только заслуги, но и недостатки Плиния как ученого, упрекает его в излишнем пессимизме как мыслителя и не склонен преувеличивать достоинства его как литератора (Плиний: 19). Не отрицая справедливости оценок Кювье, автор статьи о Плинии дает понять, что его симпатии все же на стороне де Бюффона, который судит, как и подобает благородной душе из другого века, с чувством благорасположения, благодарности и искреннего участия к своему славному предшественнику (Плиний: 19).

Экскурс в творчество Плиния Младшего, «одной из самых очаровательных личностей в древнем мире», представленный в завершении повествования о Плинии Старшем, показывает, что ключевой проблемой, побудившей автора очерка к «разговору о древних», стал вопрос о достойном жизненном пути для образованного человека. Подчеркивая, что племянник Плиния Старшего – один из «самых близких к нашим понятиям» (Плиний: 20), составитель очерка идеализирует Плиния Младшего, создавая образ существа «вечно молодого, улыбающегося, краснощекого»; человека строгой нравственности и безукоризненной честности, мягкого сердца и великодушия; наместника, исполняющего поручения императора безусловно, но не бездумно; писателя, смягчающего мрачность Тацита своей добродушной грациозностью и похожего на своего дядю Плиния Старшего умеренностью и просвещенностью (Плиний: 21). «Письма» Плиния Младшего характеризуются как источник подробностей о семейной, общественной и ученой жизни честного и образованного римлянина в последние счастливые годы Римской империи; как свидетельство страсти к ученым занятиям и жажды доставляемой ими славы; как самое удачное чтение:

«...почти нет предмета из жизни, особенно из ежедневной умственной жизни, о котором вы не встретите у него оригинальную блестящую мысль, выражение художественное и чистое, как античный камень» (Плиний: 21).

Особенно подчеркивается то, что «есть между его письмами такие, которые дышат истинной христианской моралью» (Плиний: 22)³⁵. Акцент на письме Плиния Младшего о христианах (Plin. Ep. X.96) возвращает внимание читателей к проблеме крайне непростого выбора, который порою приходится делать человеку, ступившему на путь государственной службы. Плиний Младший представлен в статье как наместник, который был вынужден исполнять строгие эдикты против христиан, однако «часто останавливался в недоумении; человеколюбие его возмущалось, и он писал Траяну <...> что ни в ком из них не открыл никакой вины» (Плиний: 22).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ характерных черт портрета Плиния Старшего в очерке «Плиний естествоиспытатель» приводит к выводу о том, что повествователь, чье имя, к сожалению, остается неизвестным, новаторски изображает Плиния Старшего в непривычном для широкой читательской аудитории середины XIX века ракурсе: не только автором грандиозной «Естественной истории», но активным государственным деятелем и оригинальным мыслителем драматичной эпохи усиления монархии в Риме, который в своде естествознания своего времени сумел мастерски создать и собственный многогранный образ, обеспечив себе и своему труду немеркнущую славу. Биография Плиния показана как достойный ответ высокообразованного, критически мыслящего, трудолюбивого и честолюбивого человека, для которого важно оставить о себе память в потомках, на сложнейший вопрос о соот-

ношении жизни активной и жизни созерцательной; как достойный подражания пример успешного сочетания государственной службы с учеными занятиями. В размышлениях Плиния Старшего о месте человека в окружающем его мире в качестве ключевых выделены выводы о жалкости человеческого честолюбия и катастрофических последствиях, к которому оно может привести, не гарантируя ни счастья, ни успокоения, ни свободы.

Раскрывая взгляды Плиния на место человека в природе, автор очерка одновременно рассказывает о себе, выбирая из «Естественной истории» Плиния то, что созвучно собственным размышлениям: о сравнительной ценности славы, достигаемой на общественном или военном поприще, и признания, которое может даровать литературная или научная деятельность; о показателях успеха и истинного величия в политике и творчестве. Включая в очерк о Плинии Старшем экскурс, посвященный Плинию Младшему, автор показывает, что вопрос о том, насколько универсальным и применимым во все исторические эпохи является выбор в пользу совмещения государственной деятельности и ученых занятий, остается открытым. Вместе с тем из комментариев к оценкам творчества Плиния Старшего у де Бюффона и Кювье с очевидностью следует, что критический анализ идей классических писателей и полемика с ними не перечеркивают благорасположения к античным авторам. Античное наследие представлено как основа для диалога времен, объединяющего представителей различных исторических эпох раздумьями над общими для всех веков проблемами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Плиний естествоиспытатель // Библиотека для чтения. 1850. Т. 102. Отд. 7. С. 11–22. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках (Плиний: страница).
- ² Ответ на вопрос об авторстве статьи «Плиний естествоиспытатель» нам, к сожалению, приходится оставить открытым. Не удалось обнаружить подтверждений версии о том, что автором статьи мог быть С. С. Куторга, один из первых и лучших популяризаторов естественно-научных знаний в России, сотрудничавший с «Библиотекой для чтения» в 1845–1860 годах. Предположения об авторстве О. И. Сенковского или Э. И. Эйхвальда – авторов ряда публикаций «Библиотеки для чтения» по вопросам естествознания, активно использовавших в своих работах сведения «Естественной истории» Плиния, также не подтвердились: в перечнях трудов обоих ученых данной статьи нет.
- ³ Статья не упомянута в указателях: [Нагуевский Д. И.] Библиография по истории римской литературы в России с 1709 по 1889 г. С введением и указателями / Издал Д. И. Нагуевский. Казань, 1889. XI, 48 с.; [Малеин А.] Библиографический указатель книг и статей по римской истории на русском языке // Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1903. С. I–XXV.
- ⁴ [Татищев В. Н.] История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Кн. 1. Ч. 1. [М.]: Напечатана при Императорском Московском университете, 1768. С. 135–136.
- ⁵ Там же. С. 135.
- ⁶ [Николев Н. П.] Дополнительные примечания на Лиро-Дидактическое сочинение // Творении Николая Петровича Николаева, Императорской Российской академии члена. Ч. 3. М.: В Университетской типографии, 1796. С. 221.
- ⁷ [Татищев В. Н.] История российская... С. 136.
- ⁸ Каия Плиния Секунды. Естественная история Ископаемых тел, переложенная на Российский язык, в азбучном порядке и примечаниями дополненная трудами В. Севергина. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1819. XVI, 363 с.

- ⁹ Там же. С. I–X.
- ¹⁰ В начале 1820-х годов были опубликованы переводы сочинений Плиния Младшего, выполненные Як. Толмачевым: «Похвальное слово императору Траяну» (1820) и «Переписка Плиния с Траяном» (1823). См.: [Нагуевский Д. И.] Библиография... С. 31.
- ¹¹ Здесь и далее цитаты из сочинений Плиния Младшего приводятся по изданию: Письма Плиния Младшего. Кн. I–X / Изд. подгот. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур; [Примеч. М. Е. Сергеенко и др.]. М.: Наука, 1982. 407 с.
- ¹² [Греч Н. И.] Опыт краткой истории русской литературы. СПб.: В типографии Н. Греча, 1822. VI, 391 с.
- ¹³ [Кошанский Н. Ф.] Частная реторика. Н. Кошанского. СПб.: Имп. Акад. наук, 1832. XII, 162 с.
- ¹⁴ Фабрикация бумаги, О. И. Сенковского // Библиотека для чтения. 1835. Т. 11. Отд. 4. С. 17–21; О пестроте архитектурной у древних Греков // Библиотека для чтения. 1837. Т. 23. Отд. 3. С. 64; Об исторической истине и достоверности, Н. И. Надеждина // Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. Отд. 3. С. 172; [Эйхвальд Э. И.] О древнейших обиталищах племен славянских, финских, турецких и монгольских в Южной России, по Геродоту // Библиотека для чтения. 1838. Т. 27. Отд. 3. С. 71–73, 76; Герцен А. И. О землетрясениях // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 355–356; Его же. Публичные чтения г-на профессора Рулье // Там же. Т. 2. М.: Изд.-во АН СССР, 1954. С. 140, 144; Его же. Письма об изучении природы // Там же. Т. 3. М.: Изд.-во АН СССР, 1954. С. 209, 211–217, 219.
- ¹⁵ В качестве примеров приведем две цитаты: 1) Из рецензии на труд по истории театра у древних народов: «Спасибо г-ну М. К. за то, что он решился целой книгой толковать об этом у нас, где... так мало заботятся о древних»: Опыт истории театра у древних народов. С рисунками и планом театра. Сочинение М. К. // Библиотека для чтения. 1849. Т. 97. Отд. 5. С. 32; 2) Из рассказа о путешествии по Италии: «Не пугайтесь меня, я не археолог. Я не умею восхищаться горами античного мусора <...> не заставлю вас отыскивать красоты в какой-нибудь статуе, до того обгложенной временем, что – не говорю уже об утраченных руках, голове и ногах, – самое туловище похоже на новозеландского фетиша»: Письма из Италии. Салерно. Развалины Пестума. В. Яковлева // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. Отд. 1. С. 201.
- ¹⁶ Перечень сочинений Плиния Старшего содержится в одном из писем Плиния Младшего (Plin. Ep. III.5.3–6); он обширнее списка трудов, упомянутых в очерке.
- ¹⁷ Здесь и далее цитаты из Цицерона приводятся по изданию: Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер. с лат. и коммент. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1993.
- ¹⁸ Правление Траяна (97–117) у Тацита, Плиния Младшего, Ювенала противопоставляется правлению Домициана (81–96), когда «наполовину задушенный мир терзался последним Флавием. Рим пресмыкался пред лысоголовым Нероном» (Juv. I.4.37–38); когда «нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать» (Tas. Agr. 2); когда «рабство... повлекло за собой невежество и забвение в области многих благородных знаний <...> За эти годы мы отупели и согнулись: для будущего мы сломаны» (Plin. Ep. VIII. 14.2; 14.9).
- ¹⁹ Любопытно, что почти десятилетний перерыв в карьере Плиния Старшего при Нероне и его предпочтение заняться в эти годы изучением спорных грамматических форм латинского языка, результатом которого явился труд «Сомнительные речения» в 8 книгах, Плинием Младшим не акцентируется.
- ²⁰ Люк де Клапье де Вовенарг (1715–1747) – французский философ и моралист, мастер афористического жанра, считавший главным принципом жизни человека широкую деятельность всех его душевных сил. Подробнее см.: [4: 393–395].
- ²¹ Эта особенность писательской манеры Плиния как выражение тщательно выстраиваемого авторского замысла является предметом исследовательского интереса и в XXI веке [17: 99–130].
- ²² Вывод о романоцентричности «Естественной истории» Плиния Старшего не утратил актуальности [16: 25–30].
- ²³ Например, см.: Последний день Помпеи, сочинение Г. Болвера // Библиотека для чтения. 1836. Т. 14. Отд. 2. С. 143–144.
- ²⁴ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 31.
- ²⁵ Там же. С. 98.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Здесь и далее цитаты из «Естественной истории» приводятся по изданиям: Плиний Старший. Естественная история. Кн. II / Пер. с лат. Б. А. Старостина // Архив истории науки и техники. Вып. 3. М.: Наука, 2007. С. 287–366; Гай Плиний Цецилий Секунд. Естественная история. Кн. VII / Пер. с лат. А. Н. Маркина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. № 1. С. 94–102; 2012. № 3. С. 155–166.
- ²⁸ В рассуждениях Плиния Старшего, по всей видимости, нашла отражение дискуссия о том, насколько необходимы Риму дорогостоящие и сопровождающиеся большими потерями походы за Рейн, в земли германских племен [5: 138, 155–156].
- ²⁹ Отсылка к строкам из VII книги «Естественной истории»: «Первенство же по праву будет отдано человеку, ради которого могущественная природа, кажется, породила все остальное, воздав суровой платой за свои столь щедрые дары» (Plin. NH VII.1.1).
- ³⁰ [Крюков Д. Л.] О трагическом характере истории Тацита // Москвитянин. 1841. Ч. II, № 3. С. 122–123, 128; Белинский В. Г. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 290–291; Герцен А. И. Из римских сцен // Герцен А. И. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 1. М.: Изд.-во АН СССР, 1954. С. 183–184; Его же. Письма об изучении природы // Там же. Т. 3. М.: Изд.-во АН СССР, 1954. С. 205, 209–210.

- ³¹ Современный перевод указанного фрагмента следующий: «Приветствую тебя, кто первым из всех был назван “отцом отечества”, кто первым по заслугам получил триумф в тоге и лавры красноречия, кто стал отцом латинского языка и наук и (как написал о тебе диктатор Цезарь, некогда твой противник) добыл себе славы больше всех триумфов, ибо расширить границы римского духа – более значительное деяние, чем [раздвинуть пределы] империи».
- ³² Тога была почетной одеждой римских граждан в мирное время, триумф – торжественное вступление в столицу победоносного полководца и его войска – даровался, как правило, в случае гибели более пяти тысяч врагов.
- ³³ Положение о гражданских мундирах: [Утв. 27 февраля 1834 г.]. СПб., 1834. 149 с.
- ³⁴ Имеется в виду фрагмент Plin. NH, XIII, 74–82: «...единственное свидетельство о процессе изготовления папируса в древности», ставшее предметом многочисленных комментариев и дискуссий. Подробнее см.: [2: 9].
- ³⁵ Имеется в виду письмо Плиния Младшего к императору Траяну о христианах (Plin. Ep. X.96)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбрехт М. История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияния на позднейшие эпохи: В 3 т / Пер. с нем. А. И. Любжина. Т. 2. М.: Греко-Латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2004. 704 с.
2. Антоненко Е. В., Солопов А. И. Principatus medio (Plin. NH. XIII. 74). К проблеме интерпретации описания производства папируса у Плиния Старшего // Вестник древней истории. 2007. № 1 (260). С. 9–19.
3. Дорофеев Д. Ю. Василий Михайлович Севергин как переводчик Плиния Старшего: к истории рецепции античного наследия в контексте русского естествознания XVIII века // ΣΧΟΛΗ (Scholē). 2022. Т. 16, № 2. С. 791–813.
4. Жирмунская Н. А. Вовенарг и его размышления о человеке // Вовенарг Л. Размышления и максимы. Л.: Наука, 1988. С. 377–409.
5. Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 223 с.
6. Кнабе Г. С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М.: Наука, 1981. 208 с.
7. Кнабе Г. С. Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: Российск. гос. гум. ун-т, 2000. 240 с.
8. Любжин А. И. Римская литература в России в XVIII – начале XX века. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2007. 221 с.
9. Межеричкий Я. Ю. Iners otium // Быт и история в античности. М.: Наука, 1988. С. 41–68.
10. Естественная история. Т. I. Кн. I–II / Изд. подгот. Е. В. Илюшечкина, А. В. Подосинов и А. В. Белоусов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2021. 600 с.
11. Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший: Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с.
12. Старостин Б. А. Плиний Старший и его «Естественная история» // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. Т. 28, № 3. С. 104–110.
13. Толстогузов П. Н. Фрак в тексте русской культуры XIX века // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2017. № 2 (27). С. 100–111.
14. Успенская А. В. Античность в русской поэзии второй половины XIX века: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 452 с.
15. Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 544 с.
16. Veagon M. The Elder Pliny on the human animal: Natural History Book 7. Oxford: Clarendon Press, 2005. 515 p.
17. Darab Á. The anecdotal narration and encyclopedic thought of Pliny the Elder's *Naturalis Historia*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020. 161 p.

Поступила в редакцию 11.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Ekaterina L. Smirnova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0579-8774; esmirnova@petsu.ru

**PLINY THE NATURALIST: THE IMAGE OF THE ROMAN SCHOLAR AND ENCYCLOPEDI-
ST IN A FORGOTTEN MID-NINETEENTH-CENTURY ESSAY**

Abstract. The role of the ancient component in the Russian literature of the second third of the XIX century is controversial for modern researchers. The study of the image of Pliny the Elder in the essay “Pliny the Naturalist” published in 1850 – which is one of the first detailed reviews of the life, works, and worldview of the famous Roman

encyclopedist in Russian literature – was conducted in order to clarify and supplement the views on the features of the reception of ancient cultural heritage in Russian literature of the mid-XIX century. The analysis of the characteristic features of the portrait of Pliny the Elder in the studied essay leads to the conclusion that the narrator, whose name, unfortunately, remains unknown, innovatively portrays Pliny from a point of view unusual for the general reader: not only as the author of a grandiose *Natural History*, but as an active statesman and an original thinker of the dramatic era of the strengthening of the monarchy in Rome. The biography of Pliny the Elder is presented as a worthy example of the ability to manage time and successfully combine public service with academic pursuits. In the reflections of Pliny the Elder on the place of man in the surrounding world, the conclusions about the deplorable nature of human ambition and the disastrous consequences it may have are highlighted as the key ones. Revealing the worldview of Pliny the Elder, the mid-nineteenth-century author at the same time reveals his own worldview to the reader, choosing examples from the *Natural History* that most closely correspond to his own views. A special role in the analyzed essay is given to an excursus about Pliny the Younger and a commentary on the assessments of Pliny the Elder's works by de Buffon and Cuvier: they are meant to convince readers that a critical analysis of the ideas of classical writers and polemics with them do not negate favorable attitude to ancient authors, and the ancient heritage remains a solid foundation for the dialogue of times, uniting the representatives of various historical periods through reflections on the problems common to all centuries.

Key words: antiquity, reception, ancient Rome, Pliny the Elder, *Natural History*, Pliny the Younger, *Library for Reading journal*

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>).

For citation: Smirnova, E. L. Pliny the Naturalist: the image of the Roman scholar and encyclopedist in a forgotten mid-nineteenth-century essay. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):98–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.963

REFERENCES

1. Albrecht, M. A history of Roman literature from Andronicus to Boethius with special regard to its influence on later eras: In 3 vols. (A. I. Lyubzhin, Trans.). Vol. 2. Moscow, 2004. 704 p. (In Russ.)
2. Antonets, E. V., Solopov, A. I. *Principatus medio* (Plin. NH. XIII. 74). Towards the interpretation of Pliny's description of the manufacture of papyrus. *Journal of Ancient History*. 2007;1(260):9–19. (In Russ.)
3. Dorofeev, D. Yu. Vasily Mikhaylovich Severgin as translator of Pliny the Elder: on the history of the reception of ancient heritage in the context of Russian natural history in the 18th century. *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 2022;16(2):791–813. (In Russ.)
4. Zhirmunskaya, N. A. Vauvenargues and his reflections on man. *Vauvenargues, L. Reflections and maxims*. Leningrad, 1988. P. 377–409. (In Russ.)
5. Egorov, A. B. Rome on the verge of eras. Problems of the birth and formation of the principate. Leningrad, 1985. 223 p. (In Russ.)
6. Knabe, G. S. Cornelius Tacitus. Time. Life. Books. Moscow, 1981. 208 p. (In Russ.)
7. Knabe, G. S. Russian antiquity. The content, role, and fate of the ancient heritage in the culture of Russia. Moscow, 2000. 240 p. (In Russ.)
8. Lyubzhin, A. I. Roman Literature in Russia in the XVIII – early XX centuries. Moscow, 2007. 221 p. (In Russ.)
9. Mezheritsky, Ya. Yu. Iners otium. *Life and history in antiquity*. Moscow, 1988. P. 41–68. (In Russ.)
10. Natural history. Vol. I. Books I–II. (E. V. Ilushechkina, A. V. Podosinov, A. V. Belousov, Eds.). Moscow, 2021. 600 p. (In Russ.)
11. Podosinov, A. V., Skrzhinskaya, M. V. Roman geographical sources: Pomponius Mela and Pliny the Elder. Texts, translations, commentary. Moscow, 2011. 504 p. (In Russ.)
12. Starostin, B. A. Pliny the Elder and his *Natural History*. *Studies in the History of Science and Technology*. 2007;28(3):104–110. (In Russ.)
13. Tolstoguzov, P. N. Dress coat in the text of the XIX century Russian culture. *Bulletin of Priamursky State University named after Sholom-Aleichem*. 2017;2(27):100–111. (In Russ.)
14. Uspenskaya, A. V. Antiquity in Russian poetry of the second half of the XIX century: Diss. Dr. Sc. (Philology). St. Petersburg, 2005. 452 p. (In Russ.)
15. Frolov, E. D. Russian science on antiquity: Historiographical essays. St. Petersburg, 1999. 544 p. (In Russ.)
16. Beagon, M. The Elder Pliny on the human animal: *Natural History Book 7*. Oxford, 2005. 515 p.
17. Darab, A. The anecdotal narration and encyclopedic thought of Pliny the Elder's *Naturalis Historia*. Cambridge, 2020. 161 p.

Received: 11 August 2023; accepted: 29 September 2023

КСЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА КЛИМОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0105-6543, kaklimova@gmail.com

ПИЩЕВОЙ КОД ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ: (НЕ)РЕАЛИЗОВАННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

А н н о т а ц и я . Традиционная пища как базовый элемент этнической идентичности рассматривается на примере греческих ресторанов Москвы и национальной кухни понтийских греков, проживающих на территории России. Актуальность и новизна исследования обусловлены практически полным отсутствием научных исследований пищевого кода понтийской традиционной культуры и соответствующей лексики. Целью статьи является интерпретация вербальных, предметных и акциональных элементов греческой пищевой культуры по методике этнолингвистического и социально-антропологического анализа. Работа основана на полевых данных, собранных в ходе обследования московских греческих заведений общественного питания в 2018–2023 годах и экспедиций 2022–2023 годов в греческие населенные пункты района г. Сочи, в Ставропольский край, Карачаево-Черкесию и район г. Новороссийска. Было зафиксировано более 100 аутентичных наименований понтийских блюд (*сирон, шурван, фустрон* и пр.), при этом для разных языковых групп (грекофоноромеев и туркофонов-урум) используются параллельно два названия (*таноменон шурван – айран аши, цумур – бязиргян аши* и пр.). В условиях всеобщей урбанизации и глобализации специфические этнические пищевые традиции российских греков постепенно утрачиваются, уступая место общекавказской кухне (шашлык, жареное мясо и пр.), однако в руральной культуре и в местах компактного проживания греков они сохраняются и по сей день. Традиционная греческая культура в заведениях общественного питания приспособляется к российским реалиям, а также стремится сохранить и продемонстрировать свою этническую аутентичность, при этом все эти культурные составляющие подаются через призму российского восприятия греческих традиций, с заметным уклоном в субъективизированную внешнюю «квазиаутентичность». На уровне пищевого кода греческая этническая идентичность как в Москве, так и в регионах компактного проживания греков на юге России в местах общественного питания проявляется только в виде стереотипного общегреческого меню, включающего понтийскую составляющую, оставаясь, таким образом, дуалистически реализованной и нереализованной одновременно.

К л ю ч е в ы е с л о в а : пищевой код, пищевая культура, полевые исследования, греки России, понтийские греки, культурная идентичность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Климова К. А. Пищевой код греческой культуры в России: (не)реализованная этническая идентичность // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 108–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.964

ВВЕДЕНИЕ

Традиционная греческая пищевая культура состоит из множества компонентов, сложившихся в ходе сложных исторических и социальных процессов на территории современной Греции и за ее пределами, в регионах проживания греческой диаспоры¹ (Россия и другие страны бывшего СССР, Италия и пр.). Пищевая традиция является неотъемлемой частью греческой культуры в целом,

а блюда греческой кухни могут выполнять множество функций: физиологическую, эстетическую, символическую, ритуальную, магическую, идентификационную. При исследовании ритуально-символических значений элементов пищевой культуры раскрываются механизмы кодирования и создания особого пищевого кода культуры в этнолингвистическом понимании этого термина (см. работы Н. И. и С. М. Толстых [12: 24–25]).

В настоящей статье представлен сопоставительный анализ двух вариантов реализации культурно-символических значений элементов греческого пищевого кода на территории РФ: в греческих ресторанах г. Москвы и на примере национальной кухни понтийских греков, проживающих на территории России². Работа основана на полевых данных, собранных в ходе обследования московских заведений общественного питания с греческим этническим компонентом в 2018–2023 годах и экспедиций 2022–2023 годов в греческие села района г. Сочи³, в Ставропольский край, Карачаево-Черкесию⁴ и район г. Новороссийска. Нами было отмечено, что греческие этнические пищевые традиции сохраняются не только в ритуально-обрядовой сфере (в виде меню традиционных свадеб, поминок (например, традиции приготовления поминального блюда из вареной пшеницы *кокия – едик*⁵, ср. *кутья*), календарных праздников (например, новогодний / крещенский пирог с запеченной внутри монеткой *чурек / пита – кете* и пр.)), но и в повседневной жизни.

ГРЕЧЕСКАЯ КУХНЯ В РЕСТОРАНАХ МОСКВЫ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Московские рестораны с национальной греческой кухней не только предлагают блюда средиземноморской кухни, но и демонстрируют пример презентации греческой этнической идентичности в современном урбанистическом иноязычном пространстве⁶, наиболее популярными из них являются рестораны «Molon Lave», «Порто Миконос», «Пита & Сувлаки», «Ева», «Пифагор», «Сито», «Мераки» и др. Большую роль в формировании их национального характера играют не только представленные в них блюда национальной кухни, но и номинации этих блюд: *гирос, сувлаки, мусака, каламаракья тиганита, хорьятики, пиперья гемисти* и пр., при этом стратегии номинации блюд подразделяются на определенные категории:

1. Названия на греческом языке, транслитерированные кириллицей (*каламарак(ь)я тиганита, юварлак(ь)я, мелидзаносалата, с/шоколатопита* и пр.). Русифицированные номинации одного и того же греческого блюда варьируются в зависимости от ресторана: *дзандики* («Пита & Сувлаки», «Molon Lave», «Порто Миконос» и др.), *дзандыки* («Gokos», «Greka Gyros»), *тцацики* («Пифагор»).

1.1. Названия специфических греческих блюд, не имеющих аналогов в русской кулинарной картине мира: *гирос, сувлаки, мусака, клефтико, меломакарона*.

1.2. Названия блюд, имеющих относительные аналоги в русской кулинарной картине мира:

псаросуна – ‘рыбный суп’; *филетака провато* – ‘баранья вырезка’; *хирины бризола* – ‘свинья отбивная’; *пататес тиганитес* – ‘картофель фри’; *соколатопита* – ‘шоколадный пирог’. Такой тип номинации – сознательный коммерческий прием, увеличивающий «градус этничности» ресторана за счет использования аутентичной греческой лексики в меню.

2. Переводные названия, чаще всего полученные путем калькирования («деревенский» салат (*χωριάτικη σαλάτα*) – дословный перевод названия «греческого салата» и пр.).

3. Русифицированные варианты, принятые и закрепившиеся в русскоязычном сообществе («греческий», «критский» салат и пр.).

4. Комбинированные названия блюд, сочетающие транслитерированные греческие и русские элементы: *хирино на гриле* ‘свинина на гриле’ («Порто Миконос») и др.

5. Фантазийные названия, отсылающие к образу греческой культуры: десерт «Афинские развалины» в ресторане «Пифагор».

6. Названия новых блюд, сочетающих элементы греческой и русской культуры (*гирос по-русски*: с курицей, помидорами и солеными огурцами (греческое кафе «GRILLGYROS») и пр.).

Выбор тех или иных способов номинации позиций в меню обусловлен общей маркетинговой политикой заведения: кафе-бистро предлагают русскоязычным посетителям более простое для языкового восприятия меню и не стесняются вводить новые, коммерчески привлекательные позиции (*гирос по-русски*), в то время как более дорогие рестораны, воссоздающие полную атмосферу Греции, используют в меню греческие названия даже блюд, имеющих русские эквиваленты. Помимо пищевого кода для репрезентации этничности применяются и дополнительные средства: декор интерьера с обилием античных мотивов, цветовая (бело-голубая) гамма, музыка, тематические мероприятия (вечера греческих народных танцев, живая греческая музыка, греческие национальные праздники). При этом традиционная греческая культура в таких заведениях подается через призму восприятия греческих традиций в России, с заметным уклоном в субъективизированную «квазиаутентичность», приспособленную к российским реалиям.

ПИЩЕВОЙ КОД ТРАДИЦИОННОЙ ПОНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ДАННЫМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2022–2023 ГОДОВ

Национальная кухня понтийских греков отличается завидным разнообразием и многообразием. Работа по полевому этнолингвистическому исследованию языка и культуры греков России проводилась в основном

по программе А. А. Плотниковой [10], однако для изучения повседневной и ритуальной пищевой культуры понтийских греков нами был составлен специальный этнолингвистический вопросник, включающий более 100 общих вопросов, разделенных на тематические разделы: режим питания (в течение суток, в рамках годового цикла, включающий сведения о названиях приемов пищи и частей трапезы, о календарных или окказиональных постах); предписания или запреты на употребление определенных видов пищи или напитков, животных или растений; обрядовая пища семейного цикла (родильная, детская, свадебная, поминальная); обрядовая пища календарного цикла (рождественская, крещенская, пасхальная и пр.) и ее символические функции; обрядовая пища, связанная с сельскохозяйственными и скотоводческими практиками; повседневная пища; безалкогольные и алкогольные напитки; лекарственные травы и вещества; табак; названия посуды и инструментов для приготовления и хранения пищи; терминология технологии приготовления пищи (чистить, нарезать, натирать, варить, жарить, печь и пр.). В ходе полевой работы было собрано 114 уникальных названий блюд (*сирон*, *шурван*, *фусторон*, *киндеяс*, *чумур*, *поранья*, *пишия* и пр.) и напитков (*хошаф*, *ксиаглан*, *чалхаман* и пр.) понтийской кухни, более 100 развернутых кулинарных рецептов и нарративов о традиционной понтийской пищевой культуре. Рецепты национальной кухни греков Кавказа и Причерноморья с параллельными названиями (в понтийском греческом и тюркском вариантах) представлены в ставшей уже библиографической редкостью книге знатока и носителя греческой традиции из г. Эссендуки С. И. Политова [11].

Наиболее популярными понтийскими блюдами являются: *ше(и)рван* (кисломолочный суп с кукурузной или перловой крупой), *сирон* (особое блюдо из запаренного лаваша с кисломолочной заправкой, в настоящее время выполняющее в некоторых регионах в том числе функции ритуального праздничного блюда), *хавиц* (кукурузная каша с сыром, ср. грузинская каша *элрджи*), *киндеяс* (вареная крапива с манной крупой), *фусторон* (омлет из взбитых яиц и зеленого лука) и др.

Названия одного и того же блюда могут значительно варьироваться в зависимости от региона фиксации лексемы. Так, распространенный в понтийской культуре суп из крупы на кисломолочной основе может называться разнообразными терминами, этимологически восходящими к тур. *çorba* 'суп, похлебка': *шурван*, *шерван*, *шорван*, *шурван*, (*σιρβάν*, *σοιρβάν*, *τσοιρβάν*, *τσοιρβάν*), а также *таноменон фаин* (*τανομένον φα(γ)ίν*) или (в среде тюркоговорящих греков-уру-

мов) *айран аши* (*ayran aşı*). Разнится и рецептура приготовления *шурвана*, нами зафиксированы локальные варианты с использованием кукурузной, перловой или пшеничной муки или со специфическими греческими изделиями из переработанной муки под названием *трахана* (ср. греч. *τραχανάς* или *кускус*). Заправка, которую добавляют в суп в конце варки, также имеет разные варианты: разведенный водой *паикетан* (особый вид сушеного творога), айран или кефир. Специи, которыми заправляют суп, разнообразны: чабер (*филпирон*), мята, петрушка. Вторичное, ритуализованное использование блюд повседневной кухни обусловлено необходимостью подчеркнуть этническую составляющую обряда, так, в с. Красная Поляна фиксируется приготовление *сирона* и *шурвана* в качестве свадебных или поминальных блюд.

В городском пространстве, а именно в местах общественного питания (кафе, столовых, ресторанах), всех обследованных регионов представлены в основном такие общеизвестные блюда греческой кухни, как *гиро(с)*⁷ всех видов (блюдо их мелконарезанного мяса (курицы, свинины, ребе говядины), картошки фри, помидоров и соуса дзадзики, завернутых в питу, ср. шаурма), *сувлаки* (шашлычки из курицы или свинины на деревянных шпажках), *скепасти* (мясо с овощами в двойной пите), *мусакас* (запеканка из фарша, баклажанов и картофеля под соусом бешамель), *греческий салат* и пр. Среди названий заведений также преобладают номинации с компонентом «гирос»: «Гиро и кофе», «Гиро smak», «Гиро на углях», «Гиро Мария», «Гиро-хаус», «The King of Gyros», «Gyros King», «Gyros Plus», «Grand Gyro», «Mr. Gyros» и пр. или названия, отсылающие к общегреческой истории и культуре: «Олимп», «Акрополь», «Зевс», «Санторини», «Эллада», «Горгиппия», «Сытый грек», «Ггесо» и пр. Ключевым отличием принципов номинаций греческих кафе и ресторанов юга России в сравнении с Москвой является яркая тенденция апелляции к византийской составляющей греческой культуры, что связано с этническим самосознанием понтийских греков и эндэтнонимом *ромей* / *ромеисса* (дословно «римлянин» / «римлянка», так называли себя в том числе жители Византийской империи до ее распада), который до сих пор используется в среде греков России. Таким образом, в Кавказских Минеральных Водах, Геленджике и Анапе появляются многочисленные названия кафе и ресторанов типа «Византия», «Константинополь», «Трапезунд» и пр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Греческие этнические пищевые традиции сохраняются не только в ритуально-обрядовой

сфере (меню традиционных свадеб, поминок, календарных праздников и пр.), но и в повседневной жизни. Нами было зафиксировано около 100 аутентичных наименований понтийских блюд, при этом для разных языковых групп (грекофонов-ромеев и туркофонов-урумов) используются параллельно два названия (*таноме-нон шурван – айран аши, цумур – бязиргян аши, мантин – хянгал* и пр.).

В условиях всеобщей урбанизации и глобализации специфические этнические пищевые традиции российских греков постепенно утрачиваются, уступая место общекавказской кухне (шашлык, жареное мясо, супы и пр.), однако в местах компактного проживания греков (регион Сочи и Кавказских Минеральных Вод) подобные традиции сохраняются в семейно-бытовой культуре и по сей день.

Основным компонентом презентации греческой этничности в руральной культуре является общегреческая национальная кухня, в частности такие узнаваемые блюда, как *гирос, мусакас и дзадзики*, кофе *фратте* и *фредо*. В оформлении греческих ресторанов практически всегда наблюдается сочетание элементов разных исторических эпох с неизменным присутствием античных мотивов. Для региона Кавказа нами также было отмечено яркое присутствие византийских мотивов, что отсылает к общепонтийской культурной исторической идентичности и самоназванию этнической группы (*ромей*). Для репрезентации собственной этничности в среде греческой диаспоры на праздниках и торжественных мероприятиях используется преимущественно общегреческая кухня. Это отражает общую тенденцию репрезентации эт-

ничности понтийских греков, ориентированную на связь с «большой родиной», современной Греческой Республикой, что выражается, в частности, в стремлении изучать литературный новогреческий язык вместо понтийского диалекта.

Традиционная греческая культура в заведениях общественного питания, с одной стороны, приспосабливается к российским реалиям, а с другой стороны, стремится сохранить и продемонстрировать свою этническую аутентичность всеми возможными способами: интерьером, мебелью, музыкой, костюмами официантов и – самое главное – кухней. Все эти культурные составляющие, начиная с меню ресторана, подаются через призму стереотипного российского восприятия греческих традиций, с заметным уклоном в субъективизированную внешнюю «квазиаутентичность». Именно поэтому в Москве, Ессентуках, Сочи, Красной Поляне, Геленджике и Новороссийске можно отведать множество разных видов *гироса* и *сувлаки*, но ни в одном меню, к сожалению, не обнаруживаются понтийские блюда *шурван, киндея* или *хавиц*. Единственное место, где в ходе полевых исследований в июле 2023 года нам удалось обнаружить в меню понтийское блюдо *сирон*, – это кафе «Горгиппия» в поселке Витязево Анапского района (Краснодарский край).

Итак, на уровне пищевого кода греческая этническая идентичность и в Москве, и в регионах компактного проживания греков проявляется только в виде стереотипного общегреческого меню, исключая понтийскую составляющую, оставаясь, таким образом, дуалистически реализованной и нереализованной одновременно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Язык и традиционная культура греков, проживающих на территории России и стран бывшего СССР, неоднократно становилась объектом научных исследований, основанных на полевых материалах. Подробному описанию языка понтийских греков была посвящена докторская диссертация Ф. А. Елоевой (Елоева Ф. А. Понтийский диалект: На материале греческих бесписьменных говоров Грузии и Краснодарского края: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1997. 30 с.). Вопросами национально-языковой идентичности занимались В. В. Баранова [1] и Д. Зубалов [15], подробному описанию культуры и истории греков России и Украины посвящена монография Ю. В. Ивановой [5], на английском языке – работы А. Брайера [13] и А. Попова [14], на греческом языке – работа К. Фотиадаса [17], коллективная монография под редакцией И. Хасиотиса [18] и др.
- ² Изучению этнических кафе в последнее время уделяется много внимания. По определению, данному Е. А. Варшавер и А. Л. Рочевой, этническим считается кафе или ресторан, удовлетворяющий трем условиям: «наличие блюд национальной кухни; присутствие среди посетителей представителей видимых меньшинств (как минимум, по отдельным событиям или с некоторой регулярностью), видимые меньшинства должны быть и среди работников кафе» [2: 108]. Понятие национальной кухни, являющееся ключевым для определения ресторана как этнического в иноэтническом окружении, уже неоднократно было предметом научного исследования. В частности, общим вопросам этнологического исследования этнических кафе посвящена диссертация А. А. Пустарнаковой (Пустарнакова А. А. Репрезентация этнических других в городском пространстве: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Самара, 2008. 18 с.); Е. Ю. Гуляева исследовала армянские рестораны Санкт-Петербурга [3], [4]; армянские кафе и рестораны в Греции изучал Й. Кузас [16].
- ³ Подробный обзор экспедиции в греческие поселения района г. Сочи в июле 2022 года с указанием числа информантов, обследованных населенных пунктов и полученных данных см. [8].
- ⁴ Подробные данные об экспедиции в греческие населенные пункты региона Кавказских Минеральных Вод и Карачаево-Черкесии см. [9].

⁵ Подробнее о поминальной пище понтийский греков г. Сочи см. [7: 172–173].

⁶ О результатах этнолингвистического обследования греческих ресторанов Москвы (номинаций блюд и пр.) в 2018–2020 годах см. [6].

⁷ Встречаются два варианта: общегреческий *гирос* и характерный для российских территорий *гиро* с усечением конечного *с* в именительном падеже мужского рода, вероятно, возникшим под влиянием морфологии понтийского диалекта греческого языка (ср. понтийские имена и фамилии типа Нико, Христо, Попандопуло, Димидиди и пр.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова В. В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья. М., 2010. 287 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-0709-4
2. Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтнических мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3 (121). С. 104–114.
3. Гуляева Е. Ю. Кулинарные практики и этничность (по материалам наблюдений и интервью с армянами Петербурга) // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 24–40.
4. Гуляева Е. Ю. Что делает ресторан этническим? (на примере армянских ресторанов в Санкт-Петербурге) // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 67–94.
5. Иванова Ю. В. Греки России и Украины. СПб., 2004. 623 с.
6. Климова К. А. Пита, гирос и сувлаки: что делает ресторан греческим? Этнолингвистическое исследование греческих ресторанов Москвы // Россия и Греция: языковые и культурные связи. М., 2020. С. 32–35.
7. Климова К. А., Никитина И. О. Похоронно-поминальный обряд понтийских греков г. Сочи (по полевым материалам 2022 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17, № 3–4. С. 160–178. DOI: 10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.09
8. Климова К. А., Никитина И. О. Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. Вып. 3–4. С. 249–260. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06
9. Климова К. А., Никитина И. О. Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // Славянский альманах. 2023. Вып. 3–4. (В печати).
10. Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 2009. 160 с.
11. Политов С. И. Кухня греков Кавказа и Причерноморья. Эссенцуки, 2007. 88 с.
12. Толстая С. М. К понятию культурных кодов // Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфуловича Байбурина. Studia Ethnologica AB 60. СПб., 2007. С. 23–31.
13. Вугер А. The Pontic Greeks before the diaspora // Journal of Refugee Studies. 1991. Vol. 4. Issue 4. P. 315–334.
14. Роров А. Culture, ethnicity and migration after communism: The Pontic Greeks. Routledge, 2016. 232 p. DOI: 10.4324/9781315575513
15. Zoumpalidis D. Russian language – Greek identity: a sociolinguistic approach to the Pontic Greek community in Russia // Negotiating linguistic, cultural and social identities in the post-Soviet world, Soviet world. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien, 2013. P. 227–246. DOI: 10.3726/978-3-0353-0473-2
16. Κούζας Γ. Арμενικά εστιατόρια στην Αθήνα: διερευνώντας τις κοινωνικές και πολιτισμικές όψεις της κατανάλωσης αρμενικών προϊόντων στον σύγχρονο αστικό χώρο // Θέματα ρωσικής και αρμενικής λαογραφίας από τη Ρωσία, την Αρμενία, την Ελλάδα και τον ευρύτερο Παρευξείνιο χώρο (19ος – 21ος αιώνας). Θεσσαλονίκη, 2018. Σ. 635–667.
17. Φωτιάδης Κ. Ο Ελληνισμός της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Αθήνα: Ηρόδοτος, 1999. 328 σ.
18. Χασιώτης Ι. Κ. (επιμέλεια). Οι Έλληνες της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 1997. 688 σ.

Поступила в редакцию 28.07.2023; принята к публикации 04.09.2023

Original article

Ksenia A. Klimova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0105-6543, kaklimova@gmail.com

FOOD CODE OF GREEK CULTURE IN RUSSIA: (UN)REALIZED ETHNIC IDENTITY

Abstract. This paper explores the significance of traditional food as a fundamental element of ethnic identity, focusing on Greek restaurants in Moscow and the cuisine of the Pontic Greeks residing in southern Russia. The research topic is of great relevance and novelty due to the lack of studies on the food code of traditional Pontic culture and the

corresponding vocabulary. The objective of this study is to analyze the verbal, material, and behavioral aspects of Greek food culture using ethnolinguistic and socio-anthropological methods. The study is based on data collected during field-work conducted at Greek restaurants in Moscow between 2018 and 2023, as well as during expeditions to the Greek settlements in the Sochi region, Stavropol Territory, Karachay-Cherkessia, and Novorossiysk region in 2022–2023. Over 100 authentic names of Pontic dishes were documented, such as *siron*, *shurvan*, and *fustron*. It was observed that in different language groups (the Greek-speaking Romei and the Turkish-speaking Urums) parallel names are used for certain dishes (e.g., *tanomenon shurvan* – *airan ashi*, *tsumur* – *byazirgyan ashi*, etc.). In the context of urbanization and globalization, specific food traditions of Russian Greeks are gradually diminishing and being replaced by Pan-Caucasian cuisine, which includes dishes like barbecue, fried meat, and soups. Greek cultural elements in food establishments adapt to Russian realities while also striving to maintain and demonstrate their ethnic authenticity. However, these cultural components are presented through a subjective Russian perception of Greek traditions, creating a “quasi-authentic” external perception. In terms of the food code, Greek ethnic identity is manifested primarily through a stereotypical Pan-Greek menu that lacks the Pontic component. Consequently, the Greek ethnic identity, both in Moscow and regions with a concentrated Greek population in southern Russia, remains simultaneously realized and unrealized.

Key words: food code, food culture, field research, Russian Greeks, Pontic Greeks, cultural identity

For citation: Klimova, K. A. Food code of Greek culture in Russia: (un)realized ethnic identity. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):108–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.964

REFERENCES

1. Baranova, V. V. Language and ethnic identity. The Urums and Rumei of the Azov region. Moscow, 2010. 287 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-0709-4 (In Russ.)
2. Varshaver, E. A., Rocheva, A. L. Café communities as an environment for the ethnic integration of migrants in Moscow. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2014;3(121):104–114. (In Russ.)
3. Gulyaeva, E. Yu. Culinary practices and ethnicity (through observations materials and interviews with Armenians of St. Petersburg). *Ethnographic Review*. 2012;5:24–40. (In Russ.)
4. Gulyaeva, E. Yu. What makes an ethnic restaurant ethnic?: Armenian restaurants in St. Petersburg. *Forum for Anthropology and Culture*. 2017;32:67–94. (In Russ.)
5. Ivanova, Yu. V. Greeks of Russia and Ukraine. St. Petersburg, 2004. 623 p. (In Russ.)
6. Klimova, K. A. Pita, gyros, and souvlaki: what makes restaurant a Greek one? Ethnolinguistic study of Greek restaurants in Moscow. *Russia and Greece: language and cultural ties*. Moscow, 2020. P. 32–35. (In Russ.)
7. Klimova, K. A., Nikitina, I. O. Funeral and memorial rites of Pontic Greeks of Sochi (based on 2022 field materials). *Slavic World in the Third Millennium*. 2022;3–4(17):160–178. DOI: 10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.09 (In Russ.)
8. Klimova, K. A., Nikitina, I. O. The traditional culture and the language of the “Russian Greeks” in Sochi: a review of an ethnolinguistic expedition. *Slavic Almanac*. 2022;3–4:249–260. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06 (In Russ.)
9. Klimova, K. A., Nikitina, I. O. Traditional culture of the Romei and Urums (based on the materials of an ethnolinguistic expedition to the Greeks of Caucasian Mineralnye Vody). *Slavic Almanac*. 2023;3–4. (In print). (In Russ.)
10. Plotnikova, A. A. Materials for the ethnolinguistic study of the Balkan Slavic area. Moscow, 2009. 160 p. (In Russ.)
11. Politov, S. I. Cuisine of the Greeks of the Caucasus and the Black Sea region. Essentuki, 2007. 88 p. (In Russ.)
12. Tolstaya, S. M. On the concept of cultural codes. *Collection of articles celebrating the 60th anniversary of Albert Kashfulovich Baiburin. Studia Ethnologica AB 60*. St. Petersburg, 2007. P. 23–31. (In Russ.)
13. Bryer, A. The Pontic Greeks before the diaspora. *Journal of Refugee Studies*. 1991;4(4):315–334.
14. Попов, А. Culture, ethnicity and migration after communism: The Pontic Greeks. Routledge, 2016. 232 p. DOI: 10.4324/9781315575513
15. Zoumpalidis, D. Russian language – Greek identity: a sociolinguistic approach to the Pontic Greek community in Russia. *Negotiating linguistic, cultural and social identities in the post-Soviet world*. Oxford, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Wien, 2013. P. 227–246. DOI: 10.3726/978-3-0353-0473-2
16. Κούζας, Γ. Αρμενικά εστιατόρια στην Αθήνα: Διερευνώντας τις κοινωνικές και πολιτισμικές όψεις της κατανάλωσης αρμενικών προϊόντων στον σύγχρονο αστικό χώρο// Θέματα ρωσικής και αρμενικής λαογραφίας από τη Ρωσία, την Αρμενία, την Ελλάδα και τον ευρύτερο Παρευξείνιο χώρο (19ος – 21ος αιώνες). Θεσσαλονίκη, 2018. Σ. 635–667.
17. Φωτιάδης, Κ. Ο Ελληνισμός της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Αθήνα, 1999. 328 σ.
18. Χασιώτης, Ι. Κ. (επιμέλεια). Οι Έλληνες της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Θεσσαλονίκη, 1997. 688 σ.

Received: 28 July 2023; accepted: 4 September 2023

ИННА ОЛЕГОВНА НИКИТИНА

аспирант факультета антропологии
Европейский университет в Санкт-Петербурге
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-2696-8362; solreyne@gmail.com

РИТУАЛ *ГУРБАН* В РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ГРЕКОВ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД

А н н о т а ц и я . Статья посвящена ритуальному жертвоприношению животных (*гурбан*), которое практикуется греками, проживающими на территории Кавказских Минеральных Вод. Актуальность исследования обусловлена введением в научный оборот нового полевого материала, собранного в ходе нескольких экспедиций 2023 года. Новизна заключается в использовании антропологического подхода для анализа ритуала, который ранее рассматривался преимущественно в русле историко-генетического подхода. Описан сценарий ритуала и его основные характеристики. Обычно жертвенным животным является баран, бычок или петух, а жертва совершается на престольный праздник, мясо при этом необходимо раздать на милостыню. Рассматривается также рецепция традиции жертвоприношений среди самих греков. На основании бесед с информантами выделены различные элементы аргументации за или против *гурбана*, которые апеллируют к истории происхождения ритуала (ветхозаветной или турецкой). Сейчас некоторые греки сознательно отказываются проводить ритуал и воспринимают его как чуждую (религиозно или культурно) традицию. Против *гурбана* выступают и представители РПЦ, но тем не менее для многих греков он остается важным элементом религиозной жизни и продолжает совершаться.

К л ю ч е в ы е с л о в а : греки России, греки Грузии, Кавказ, народная религиозность, жертвоприношение, *гурбан*, полевые исследования

Б л а г о д а р н о с т и . Авторская работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>. Выражаю благодарность студентке филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Марии Пелевиновой за совместную полевую работу и неизменно продуктивное обсуждение.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Никитина И. О. Ритуал *гурбан* в религиозной жизни греков Кавказских Минеральных Вод // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 114–119. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.965

ВВЕДЕНИЕ

Греческое население, которое проживает сейчас в регионе Кавказских Минеральных Вод, – это потомки греков-беженцев из Османской империи, попавших на грузинские территории Российской империи. Переселение происходило волнами, большая часть которых пришлась на XIX век и была связана с русско-турецкими военными конфликтами. В Российской империи греки обосновались преимущественно на Цалке¹, которая тогда была приграничным районом в грузинской области Триалети [3: 133]. В начале XX века начался новый виток миграций: в связи со строительством ГЭС на реке Храми несколько поселений было расселено в Ставропольский край, в район Ессентуков [4: 12]. После этого на протяжении XX века греческие семьи периодически переезжали из Грузинской ССР, пока в 1990-е годы не начался массо-

вый отъезд греков из Грузии в Грецию и Россию (по большей части – в регион Кавказских Минеральных Вод), связанный с политической нестабильностью и националистическими настроениями. За этими словами стоят непростые личные истории. Не всегда переезд сопровождался должной подготовкой: кому-то приходилось бросать свои дома и даже родных и уезжать, опасаясь за жизнь и будущее детей. Отъезд из Грузии – не первая миграция греков, но при переездах на новое место им свойственно привозить с собой традиции или, по меньшей мере, воспоминания о них. Так, в ходе экспедиций по изучению похоронно-поминальной обрядности греков России² информация, которую мы записывали, с каждым разом превосходила наши ожидания. Для греков Грузии всегда была важна локальная идентичность (например, память о местах выхода предков с османских территорий,

различия говоров и т. п. [4: 3]), а традиции (в том числе и православные) сохранялись на протяжении нескольких веков вопреки внешним условиям, не всегда этому благоволящим. Одной из таких традиций стало ритуальное жертвоприношение животного – тот самый *гурбан*, о котором и пойдет речь в этой статье.

Еще во время первой экспедиции в Сочи мы с коллегами узнали о существовании жертвоприношений животных среди греков России. При посещении храма св. Георгия в селе Лесное информант поведал нам о том, как раньше на престольный праздник вокруг этой церкви водили барана, а потом закалывали его и раздавали отваренное мясо семи семьям. Но теперь, сказал он, уже лет десять как этого не делают, потому что священники запрещают. Насколько иначе ситуация складывается в Кавказских Минеральных Водах, куда я впервые приехала зимой 2023 года в составе этнолингвистической экспедиции. Сразу же по приезде выяснилось, что многие местные греки до сих пор совершают жертвоприношения, несмотря на неодобрение со стороны представителей РПЦ. Мой второй приезд в эти места пришелся на апрель – май того же года³. Тогда я довольно много расспрашивала про *гурбан* (именно так этот ритуал называется на тюркском диалекте⁴), а 6 мая мы с коллегой смогли наблюдать его проведение возле часовни в честь св. Георгия. В ходе разговоров с местными греками выяснилось, что *гурбан* является как значимой частью их религиозной жизни, так и предметом споров. В рамках статьи мне кажется важным посмотреть не только на то, как ритуал проводится, но и порассуждать о том, как изменилось его восприятие среди греков за последние десятилетия.

Но начну я с описания ритуала – коль скоро я видела его часть своими глазами и слышала о нем пару десятков раз из уст собеседников, мое описание будет скомпоновано из разных свидетельств и воспоминаний (которые отстоят друг от друга по времени, расстоянию и историческому контексту). *Гурбан* можно классифицировать как проявление так называемой народной или вернакулярной религиозности [7] (термин здесь не столь важен) в том смысле, что это не церковный обряд, а «низовая практика». Его проведение не регламентировано никакими догматическими текстами или правилами, то есть о «правильности» его проведения судить могут исключительно сами участники ритуала – греки. Этот ритуал не унифицирован, и его идеального образца не существует – тем интереснее антропологу смотреть на то, как в рассказах информантов конструируются представления о «правильном» и «неправильном» *гурбане*.

ГУРБАН КАК ОБЕТ ВСЕВЫШНЕМУ

Итак, *гурбан*⁵ – это ритуальное жертвоприношение животного. С тюркского *gurban* (вариант произношения *qurban*⁶) буквально переводится как ‘жертва’, эта же лексема для обозначения ритуала была заимствована понтийским диалектом греческого языка – *γουργάν* [*γургάν*]. Жертва посвящается Богу или определенному святому. Если посвящение делается святому, то жертва приносится на престольный праздник в храме этого святого. Среди самых почитаемых среди греков святых, на чей праздник делают *гурбан*, можно выделить св. Георгия и Богородицу:

[СПИ, м., 1949 г. р., зап. Ессентуки⁷]: [Не только на святого Георгия же делают *гурбан*?] Чаще всего на святого Георгия обязательно, а на другие праздники – когда сон увидят. А так у нас, у цалкинцев, два основных: Богородица и святой Георгий.

Среди других популярных святых – Дмитрий, Николай, Илья, Пантелеймон. Обряд может выполняться и на большой церковный праздник (например, на Пасху):

[С, м., 1967 г. р., род. Ессентуки, зап. Ессентуки]: На любой можешь сделать праздник, если ты обозначил, что сделаешь в такой-то праздник.

Чаще всего жертвенным животным является баран (*барашка*), реже – петух или бычок. Чтобы быть принесенным в жертву, животное должно подходить под определенные критерии: оно должно быть мужского пола и не иметь физических изъянов, также очень желательно, чтобы животное было молодым и не допущенным к случке. Некоторые информанты отмечали, что значение имеет также цвет животного: черный баран считался лучше белого. Они объясняли это тем, что черный окрас встречается реже и потому расценивается как более подходящая жертва Богу в силу своей редкости.

В рассказах информантов *гурбан* представляется как обет, обещание, которое человек дает Богу или святому. Обет можно дать в любой день, а жертву сделать нужно именно в праздник того святого, которому жертва обещана. Вероятно, святой здесь выступает скорее проводником между человеком и Богом, но из некоторых рассказов можно сделать вывод, что и сами святые могут наделяться агентностью и способностью оказать помощь. Итак, жертва приносится в обмен на помощь Бога или святого: например, *гурбан* делают, если кто-то в семье заболел или просто столкнулся с неприятностями:

[ЭФФ, м., 1947 г. р., род. Джениси (Грузия)]: [У вас в Грузии так делали?] Да, да, да. У нас в Грузии постоянно – если где-то что-то чуть не так, он обязывается перед Всевышним и держит специально барашку. И потом, когда время приходит, то время, именно на какого

святого это сделано, и в то время его режут и раздают людям бедным.

Также гурбан могут делать не заранее, чтобы попросить помощи, а постфактум, в благодарность после того, как Господь помог человеку. Например, один информант рассказывал о том, как чуть не попал в автокатастрофу и чудом спасся. После этого он сделал три жертвы разным святым, каждый из которых как бы получал благодарность за спасение. Так, он сделал гурбан на св. Георгия, так как «он на коне, всегда на помощь приходит раньше других», на Успение Богородицы («она мать, она сохранила») и в день св. Софии, так как икона именно этой святой была у него в машине.

Во время наблюдения за ритуалом 6 мая мы обратили внимание на то, что присутствующие приветствуют друг друга фразой *gabul olsun* 'да будет это принято'. Когда мы расспрашивали о значении этой фразы, нам говорили о том, что имеется в виду пожелание того, чтобы жертва была принята Богом.

СЦЕНАРИЙ РИТУАЛА

В праздник, с утра, жертвенное животное привозят к церкви. Часто на рога барану повязывают красную ленту, красными лентами также украшают деревья вокруг храма. Люди, за которыми мы наблюдали 6 мая, – те, которые делали гурбан в день св. Георгия, привозили барана в багажнике, доставали его оттуда и вели к часовне⁸. Там они привязывали животное к дереву и сами заходили в часовню помолиться. Затем барана следует обвести вокруг церкви трижды: обычно его ведет старший мужчина в семье (или тот, кто приносит жертву), но в процессии может принимать участие вся семья, и даже любой желающий. Иногда помолиться в часовню заходили уже после того, как совершили обход с животным. Когда обход и молитва завершены, животному отрезают часть уха (петуху – гребешок) и кровью из нее ставят кресты на лбах всем участникам ритуала. Ни одного из пяти баранов, которых привозили к той часовне, где мы наблюдали ритуал, не забивали там же. При этом рядом с часовней были навес для трапез и навес с крюками для разделки туш.

По рассказам информантов, во время их проживания в Грузии животное забивали прямо возле церкви и там же устраивали трапезу. Сейчас так стараются не делать, и животное забивают дома или в другом месте. Относительно забоя также существуют определенные правила: туша должна быть разделана по суставам, не ломая костей. Сами кости (и иногда шкуру) надлежит закапывать в таком месте, где не ходит человек, – сейчас это соблюдают не всегда.

После разделки мясо отваривают, из приправ добавляют только соль:

[ЭИФ, м., 1956 г. р., род. Джениси (Грузия)]: И в гурбане, когда варишь, там ничего лишнего не должно быть: мясо и вода чуть-чуть. [Ничего не добавляют?] Нет! ни лука, ни... аб-со-лют-но. [А соль добавляли? Даже соль нет...?] А! Ну, соль, да. Соль добавляют, чтобы люди могли кушать, а.

Отваренное мясо нужно раздать семи соседским семьям. Подчеркивается, что в первую очередь следует поделиться с нуждающимися людьми: бедными, больными, сиротами, беременными женщинами. Раньше, когда тушу раздывали у храма, часть жертвы могли отдать просящим там милостыню. Можно также раздавать соседям сырое, а не отваренное мясо, сразу после разделки туши. Обычно делающий гурбан также устраивает у себя во дворе (или у церкви) трапезу, которая, по словам информантов, должна быть скромной и желательно безалкогольной.

РЕЦЕПЦИЯ РИТУАЛА: БЛАГОЧЕСТИЕ И ТРАДИЦИЯ

Внимание стороннего слушателя и наблюдателя, конечно, притягивает (и временами даже поражает) первая часть обряда – обход церкви с жертвенным животным и кресты из крови на лбу. Но по внутренней логике ритуала эта часть лишь предваряет самое важное – безвозмездную раздачу пищи, по сути, милостыню, и следующую за ней скромную трапезу. Гурбан делается именно ради милостыни – это благое, богоугодное дело. Определение гурбана как акта благочестия важно и в свете «правильности» ритуала: информантами «правильная» трапеза в честь гурбана позиционировалась как крайне скромная, лишённая излишеств (алкоголя, избыточных угощений, музыки и танцев). Нарушения такого порядка, то есть превращение ритуальной трапезы в *шашлык* (с акцентом на веселье и *пьянку*), воспринимаются сейчас как «отход от традиции»:

[ЛВТ, м., 1962 г. р., род. Гунья-Кала (Грузия), зап. Эссентуки]. Всем раздали, две-три кастрюли сварили. Это был 2000 год. **Вот так мы жертвоприношение делали, дома никого не собирали, всегда раздавали, никто дома не пил, не устраивал пьянку.**

И здесь мы подходим к вопросу о том, как кровавая жертва сочетается с «современной православной верой». Вопросом этим задаюсь не только я, но и мои информанты. Возможно, особо остро он встал около 30 лет назад – когда греки переехали из Цалки в Россию. В связи с тем что священники РПЦ не одобряют проведение жертвоприношений на территории церкви, с 1990-х годов среди греков, переехавших на Кавказ из Грузии, гурбан проводится реже:

[ЭИФ, м., 1956 г. р., род. Джениси]: Значит, Георгий, каждую осень я гурбан делал святому Георгию, в деревне, каждый год. А потом сюда переехал – бычка каждый год. Не каждый, через год бычка резал. **А потом здесь батюшка говорит, что это уже не надо делать.**

Некоторые из информантов говорили о том, что сознательно отказались от проведения гурбана под влиянием слов священнослужителей. Священник, с которым мне удалось поговорить, резко отрицательно относится к практике жертвоприношений. Он связывает проведение гурбана в Грузии с «низким уровнем церковного просвещения». Сам батюшка регулярно проводит беседы с прихожанами, призывая их отказаться от гурбана, мотивируя это тем, что со времен Христа приемлемо лишь бескровная жертва. Такое религиозно-догматическое объяснение запрета жертвы часто повторяется и информантами. В их рассказах встречаются слова о том, что гурбан – наследие Ветхого Завета, а после того как Иисус Христос принес себя в жертву, все последующие жертвы должны быть бескровными. Эта объяснительная модель должна работать как религиозный запрет, но он не воспринимается абсолютным, так как в игру здесь вступает другое понятие – традиция. Этим словом греки будто бы оправдывают ритуал, который не вписывается в рамки догматического православия. То есть гурбан – это традиция, и продолжалась она, поскольку в Грузии почти не было священников, не было пресловутого «церковного просвещения», не было религиозного авторитета, который мог бы ее остановить:

[ЗНН, ж., 1970 г. р., род. Гунья-Кала (Грузия), зап. ст. Эссентукская]: [А вам рассказывали, почему гурбан делают?] А, это из Ветхого Завета. Поэтому так остались, потому что все равно в Турции они придерживались вот этих традиций, и в Турции гурбан всегда был, **а они еще делали из Ветхого Завета.** Да, поэтому так и осталось. **Это больше как традиция,** ну, в это они верили, что они делают гурбан, Господу, этот... Они не понимали, что Иисус Христос... [... сделал себя в жертву...] Да. Они... Все равно **было неоцерковленное время.** Потому что было... коммунизм. Не давали возможности.

Именно поэтому, по мнению некоторых греков, старшее поколение продолжает делать гурбан – это устоявшаяся, привычная традиция, от которой не так просто отговорить. Мало того, что кем-то гурбан воспринимается как традиция, а не религия, среди контраргументов часто фигурирует его чуждость, принадлежность иной культуре. Конечно, чуждость гурбана подчеркивается его атрибуцией к турецкой традиции:

[АЧ, ж., 1972 г. р., род. Гунья-Кала (Грузия), зап. ст. Эссентукская]: [Соб.: А гурбан вы делаете?] А гурбан мы делаем, но это у нас как... **турецкий обычай.** Но уже стараемся не делать.

[ААК, ж., 1941 г. р., род. Эссентуки, зап. Эссентуки] [Соб.: А вот то, что у вас делают жертвоприношение в храмах, барашки]. Сейчас это отменяется уже. **Говорят, это турецкая традиция была.**

Некоторые греки считают, что традиция принесения животного в жертву была перенята их предками именно от турок во время проживания на территории Османской империи. Такое объяснение вписывает гурбан в их религиозную практику подобно тому, как вынужденный переход на турецкий язык вписан в исторический нарратив тюркоязычных греков (согласно этому нарративу, на территории Османской империи греки были поставлены перед выбором: сохранить язык или сохранить веру, то есть либо принять ислам, либо перейти на турецкий язык).

Интересно, что один информант связывал проведение гурбана (который подозрительно похож на мусульманский *курбан*) с банальной необходимостью выживания греков среди осман. Он рассказывал об этом так: когда турки приходили грабить греческие деревни, они забирали весь скот – тогда греки говорили им, что одно из животных предназначено в жертву (это *курбан*) и его нельзя забирать, потому что оно обещано Богу. Для мусульман, которые также приносят животных в жертву, такое объяснение должно было считаться валидным. Таким образом, греки вынужденно переходили на понятный врагу язык, «на один язык» с турками, с целью сохранить себе хоть какую-то пищу, чтобы спастись.

Конечно, среди моих информантов были и те, кто выступает в защиту гурбана. Главным доводом здесь становится атрибуция этой практики к Ветхому Завету, что воспринимается ими как легитимирующий фактор с точки зрения религии:

[ЭИФ, м., 1956 г. р., Джениси (Грузия)], [ВВК, м., 1948 г. р., Велиспири (Грузия)]:

ЭИФ: Значит, в деревне самый-самый раньше гурбан делали, гурбан остался еще не Новый Завет, а со Старого Завета, понял? Но Иисус Христос придя, он не...

ВВК: Ты расскажи, как мы в деревне раньше делали!

ЭИФ: Да, я об этом начало говорю. **Вот многие говорят: «гурбан это турецкий». Нет! Это не турецкий! Это именно христианский.**

Существует мнение, что в Новом Завете не содержится прямого запрета на принесение кровавых жертв (например, апостол Павел выступает не против жертвоприношений как таковых, а против их посвящения идолам) [1: 97]. Многие информанты также говорили о том, что прямого запрета на проведение гурбана в тексте Писания не содержится, а значит, с точки зрения христианской религии эта практика является допустимой.

Вопреки представлениям некоторых информантов, ислам не изобрел такой архаичный ритуал, как жертвоприношение животных. Более того, обряды, схожие с гурбаном, встречаются не толь-

ко у греков Кавказа и Закавказья. Во многих областях Греции и греческого мира фиксируются *κουρπιάνια* [kurbáˈnja] – ритуальные жертвоприношения животных, см., например, [6]. Одним из частных случаев таких жертвоприношений является *χοιροσφαγία* [higosfaíˈa] ‘закалывание свиньи’ в рамках празднования Масленицы [8]. Схожие ритуалы существуют и среди других христианских групп, например армян [2: 183] и осетин [5: 39–42]. При этом сами греки нечасто упоминают о том, что жертвоприношения практикуются, скажем, армянами – многие попросту об этом не знают.

О происхождении и истории гурбана написана статья византиниста Н. Д. Барабанова «Благочестивые заклятия» [1]. Несмотря на довольно эклектичную теоретическую рамку о природе жертвоприношений (которая включает в себя, кажется, все существовавшие теории: от Тайлора до психологов), эта статья предлагает обширный исторический материал о гурбане с множеством примеров из византийских источников. Текст посвящен именно публичным жертвоприношениям в Византии, которые автор рассматривает как элемент приходского православия. Автор не соглашается с мнением С. Георгуди, которая воспринимает новогреческие *курбанья* как реликты архаики в рамках «теории пережитков», то есть возводит их напрямую к древнегреческой религии [1: 90–91]. Барабанов видит в современных греческих жертвоприношениях большую роль Византии, когда происходило прививание ветви античности на древо

христианства [1: 96]. Несмотря на то что в начале статьи он старается откеститься от «теории пережитков», в выводах заключает, что «структура ритуала представляет собой упрощенный вариант древнегреческой церемонии», адаптированный к «христианскому сознанию» [1: 113].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На мой взгляд, в то время как возведение ритуала к древнегреческой архаике может привлекать некоторых исследователей вне зависимости от его современного состояния, моих информантов генезис гурбана начал интересовать скорее в целях его оправдания (или, наоборот, в целях предания забвению), когда легитимность обряда оказалась под сомнением. Именно поэтому и стал популярен нарратив о том, что гурбан – ветхозаветная, а значит, «исконно христианская» практика. Как мне кажется, во время проживания греков в Грузии в первую очередь в ритуале осмыслилось не его происхождение (будь оно из Ветхого Завета или от турок), а само ритуальное действие, направленное на контакт с Богом. Эта практика вписывалась в представления о христианском благочестии, она считалась и многими продолжает считаться богоугодной. Об этом нам говорит и место ее проведения (храм, часовня, прихрамовая территория), и время (православные праздники, дни святых), и сопроводительная молитва, и, собственно, посвящение Богу. При этом, несмотря на свой амбивалентный статус в современном православном контексте, традиция продолжает сохраняться – на то она и традиция.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Отсюда название *цалкинские греки* применительно к грекам Грузии. В речи моих информантов это наименование зачастую применяется исключительно к грекам-тюркофонам, хотя с Цалки приехали не только носители тюркского диалекта, но и грекофоны (носители понтийского диалекта греческого языка), просто последних там изначально проживало меньше.
- ² Три полевые экспедиции, состоявшиеся в 2022–2023 годах в несколько регионов компактного проживания греков на территории России: в район г. Сочи, в Кавказские Минеральные Воды (Ессентуки, Минеральные Воды, Пятигорск, окрестные станицы и села) и греческие села Карачаево-Черкессии, а также в регион городов Анапа, Новороссийск и Геленджик. Таким образом, часть материала для статьи собрана в рамках данного исследования, выполненного за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.
- ³ Эта полевая работа была проведена при поддержке Европейского университета, которому я выражаю свою огромную благодарность.
- ⁴ Часть греков перешла на тюркский диалект во время проживания на территории Османской империи. Для части моих информантов этот говор – первый выученный язык. Отмечу, что часть носителей понтийского диалекта греческого языка (которые составляют другую языковую группу греческого населения Кавказа) говорила мне, что гурбан есть «только у цалкинцев».
- ⁵ Русская графика не располагает средствами для передачи того, каким именно образом мои информанты произносят это слово. Г ближе к фрикативному [ɣ].
- ⁶ Ввиду того, что тюркский говор греков является бесписьменным, в своем тексте я пользуюсь графикой современного турецкого и иногда азербайджанского языков с намерением передать фонетические особенности.
- ⁷ Здесь и далее используется следующая система при шифровке информантов: инициалы, пол, год рождения, место рождения и/или записи интервью. В тексте расшифровок в квадратных скобках помещаются вопросы собирателя.
- ⁸ Отмечу, что то место, где я наблюдала ритуал, было именно часовней, а не церковью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанов Н. Д. Благочестивые заклятия. Традиции публичных жертвоприношений в византийском приходском православии // Византийский временник. 2004. № 63 (88). С. 89–113.

2. Гу щ я н Л. С. Структурные компоненты панаира приазовских греков и вардавара ростовских армян (Сравнительный аспект) // Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010–2011 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 180–185.
3. Д ж у х а И. Г. Мариупольские, цалкинские, понтийские... (Что мы знаем друг о друге). М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2016. 336 с.
4. И в а н о в а Ю. В. Этносоциальные проблемы греческого населения Грузии (часть вторая) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1991. 29 с.
5. Этнокультурные бренды Осетии: Справочное пособие / Сост. З. В. Канукова, Э. В. Хубулова, Л. А. Чибиров. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016. 219 с.
6. G e o r g o u d i S. Sanctified slaughter in modern Greece: The “kourbania” of the saints // The cuisine of sacrifice among the Greeks. Chicago: University of Chicago Press, 1989. P. 183–203.
7. P r i m i a n o L. N. Vernacular religion and the search for method in religious folklife // Western Folklore. 1995. № 54, № 1. P. 37–56.
8. Τ σ ο ύ ρ α Α. Χοιροσφαγία: Ένα έθιμο και η παιδευτική του διάσταση: Μεταπτυχιακή Διατριβή. Πάτρα: Πανεπιστήμιο Πατρών, Σχολή Ανθρωπιστικών Επιστημών, 2012. 71 σ.

Поступила в редакцию 15.08.2023; принята к публикации 29.09.2023

Original article

Inna O. Nikitina, Postgraduate Student, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2696-8362; solreyne@gmail.com

THE *GURBAN* RITUAL IN THE RELIGIOUS LIFE OF THE GREEKS OF THE CAUCASIAN MINERALNYE VODY REGION

Abstract. This paper studies the ritual sacrifice of animals (*gurban*) practiced among the Greeks inhabiting the Caucasian Mineralnye Vody region. Introduction of the new field materials makes this paper scientifically relevant. The novelty of the research is defined by the anthropological approach which is used in the paper to analyze the ritual mainly considered within the historical-genetic approach. The research is based on data collected during two field trips in 2023. Based on the collected materials, the scenario of the ritual and its main characteristics are described. Usually the sacrificial animal is a ram (or a lamb), a young bull or a rooster, and the sacrifice is performed on a religious feast, while the meat is to be given as alms. The article also aims to analyze the reception of this tradition among the local Greeks. On the basis of conversations with the informants, various arguments for and against the *gurban* ritual are identified, with the pros and cons linked to the genesis and origin of the ritual (the Old Testament or Turkish traditions). Now some Greeks deliberately refuse to perform the ritual and perceive it as an alien tradition (from a religious or cultural perspective). Representatives of the Russian Orthodox Church also oppose the *gurban*, however, for many Greeks it remains an important element of their religious life and continues to be performed.

Keywords: Greeks of Russia, Greeks of Georgia, Caucasus, folk religion, sacrifice, *gurban*, field studies

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant (project No 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>). The author expresses her deep gratitude to her colleague Maria Pelevinova, a student of Philology at Moscow State University, for invaluable shared field experiences and discussions.

For citation: Nikitina, I. O. The *gurban* ritual in the religious life of the Greeks of the Caucasian Mineralnye Vody region. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):114–119. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.965

REFERENCES

1. B a r a b a n o v, N. D. Pious sacrifices. Traditions of public sacrifice in Byzantine parish orthodoxy. *Vizantiyskiy Vremennik*. 2004;63(88):89–113. (In Russ.)
2. G u s h c h y a n, L. S. Structural components of the Panair of the Azov Greeks and the Vardavar of the Rostov Armenians (Comparative aspect). *Lavrov collection. Proceedings of the XXXIV and XXXV Central Asia and the Caucasus Readings (2010–2011). Ethnology, history, archaeology, cultural studies*. St. Petersburg, 2011. P. 180–185. (In Russ.)
3. D z h u k h a, I. G. Mariupol, Tsalka, Pontic... (What do we know about each other). Moscow, 2016. 336 p. (In Russ.)
4. I v a n o v a, Y u. V. Ethno-social problems of the Greek population of Georgia (Part 2). *Studies on applied and urgent ethnology*. Moscow, 1991. 29 p. (In Russ.)
5. Ethnocultural brands of Ossetia: Handbook. (Z. V. Kanukova, E. V. Khubulova, L. A. Chibirov, Eds.). Vladikavkaz, 2016. 219 p. (In Russ.)
6. G e o r g o u d i, S. Sanctified slaughter in modern Greece: The “kourbania” of the saints. *The cuisine of sacrifice among the Greeks*. Chicago, 1989. P. 183–203.
7. P r i m i a n o, L. N. Vernacular religion and the search for method in religious folklife. *Western Folklore*. 1995;54(1):37–56.
8. Τ σ ο ύ ρ α, Α. Χοιροσφαγία: Ένα έθιμο και η παιδευτική του διάσταση: Μεταπτυχιακή Διατριβή. Πάτρα: Πανεπιστήμιο Πατρών, Σχολή Ανθρωπιστικών Επιστημών, 2012. 71 σ.

Received: 15 August 2023; accepted: 29 September 2023

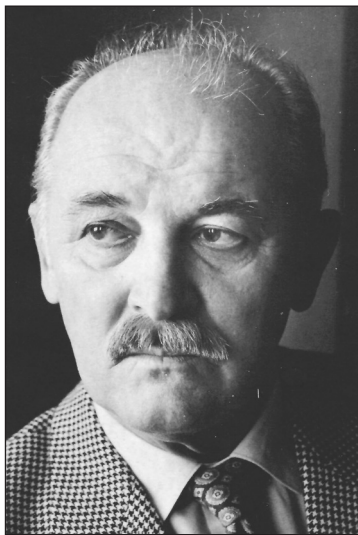

Фото С. Майстермана

ЛЕВ ИВАНОВИЧ МАЛЬЧУКОВ

(04.10.1938 – 22.05.2023)

Ученый-германист,
доктор филологических наук, профессор

Есть люди, о которых можно говорить и писать только в настоящем времени. Настолько ярко и органично они прошли свой жизненный путь, озарив светом, огнем познания, глубиной чувств всех, кто соприкоснулся с ними. Таким был и останется в нашей памяти, мыслях, воспоминаниях Лев Иванович Мальчуков.

4 октября выдающемуся ученому-германисту, харизматичному оратору, человеку-оркестру, блистательному театральному критику исполнилось 85 лет, 55 из которых он служил в Петрозаводском государственном университете.

Статьи к юбилею одного из самых «нетривиальных преподавателей» филологического факультета должны и обязаны быть неформальными. Авторы их – в прошлом студенты Льва Ивановича в разные его жизненные циклы и даже исторические этапы нашей страны – продолжают его традиции на ниве филологии и преподавания.

Приехав по распределению после окончания романо-германского отделения Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова в 1962 году вместе со своей женой, Татьяной Георгиевной Мальчуковой, Лев Иванович принес в наш университет дух культурной столицы, поставив высокую планку как для себя, лектора, а впоследствии профессора и организатора специализированной кафедры, так и для студентов, которые открывали на его лекциях целый мир западной культуры и литературы. Лев Иванович выступил своего рода связующим филологическим звеном между вы-

дающимися германистами В. М. Жирмунским, Н. Я. Берковским, лекции которых он слушал в ЛГУ, и нами, студентами Петрозаводского государственного университета. Его педагогической специализацией стали курсы по истории зарубежной литературы эпохи Средних веков и Возрождения, затем XVIII–XX столетий, а в последние годы и курсы по современной зарубежной литературе и переводоведению. Студентам нефилологических специальностей Л. И. Мальчуков читал курсы по западноевропейской культуре.

Лев Иванович – человек поразительной эрудиции, приобщал нас не только к германистике, но и к гуманитарным междисциплинарным исследованиям как таковым. Поскольку сам он всегда рассматривал явление в широчайшем контексте (философии, культурологии, страноведения), то и студенты учились видеть художественное произведение в кругу других гуманитарных дисциплин. На занятиях по зарубежной литературе Лев Иванович в своем причудливом рисунке мысли уводил далеко за пределы темы лекции, выстраивая различные параллели между немецкой и русской, англоязычной и русской, скандинавскими и русской литературой; выходил и за пределы собственно литературы, погружая в мир музыки и театра, живописи и кинематографа. Тем самым он словно вторил замыслу одного из любимых музыкантов – Рихарда Вагнера, который своим творчеством воплотил уникальный про-

ект (воспользуемся этим современным словом) «Gesamtkunstwerk». Через нас, студентов многих поколений, Л. И. Мальчуков распространял методы и практики филологического исследования, которых мы стараемся придерживаться и которые пытаемся развивать.

Лев Иванович – оригинальный ученый, внесший значительный вклад в развитие отечественной германистики и сравнительного литературоведения, а также в развитие филологической школы Петрозаводского государственного университета. В последние годы разрабатывал теорию кросскультурных взаимодействий и явлений трансгрессии в художественном произведении, изучал творчество современных зарубежных авторов (Г. Грасса, Б. Шлинка). Его научные интересы охватывали теорию и историю зарубежной и русской литературы XIX–XX веков, творчество Т. и Г. Манн, Г. Гауптмана, Б. Брехта, Л. Толстого, Б. Пастернака, А. Белого, а также генезис поэтики «интеллектуально-искусства» в свете философии неоплатонизма. Он исследовал ситуацию перелома / рубежа в художественной культуре Германии, немецкоязычную литературу модерна и постмодернизма, литературу трансграничья, феномен северной прозы. Научные идеи профессора Мальчукова нашли отражение в монографиях, учебных пособиях и многочисленных статьях. Мыслительный процесс не прекращался до последних дней его жизни, о чем свидетельствуют многочисленные выписки из прочитанных книг и пометки, сделанные в работах коллег. Они заслуживают своего изучения и осмысления.

Лев Иванович являлся членом Общества имени Томаса Манна, Международного общества имени Шиллера (Марбург), Российского союза германистов. Принимал участие в программах академического обмена, с 1997 года руководил подготовкой аспирантов и соискателей, выступал с лекциями в Тюбингенском университете, МГУ и др.

В 1992 году после защиты докторской диссертации по творчеству братьев Манн Лев Иванович стал заведующим кафедрой германской филологии и внедрил двойные специализации. «На этой стезе – руководителя – коллеги помнят Льва Ивановича как очень тактичного и деликатного, уважающего мнение других и не принимающего важных решений без коллегиального обсуждения. Его отличало чуткое и бережное отношение к членам кафедры, стремление защищать их интересы, а также колоссальная эрудиция, мудрость, искрометное чувство юмора и неиссякаемый оптимизм», –

вспоминает доцент Т. С. Давыдова. Как отметила доцент С. В. Васильева: «В каждом из своих сотрудников на кафедре германской филологии он видел индивидуальность, независимо от ранга и степени, и умел обращать лучшие качества и умения на благо общего дела. Такие люди всегда являются украшением академического пространства, наше уважение к ним безмерно!» Все это создавало уникальный образ заведующего, лектора, старшего товарища, наставника, научного руководителя, Учителя с большой буквы.

Лев Иванович был многогранен. Он ярко проявлял себя в общественной жизни не только своего факультета и университета, но и Республики Карелия. Был активным членом методического совета республиканского правления общества «Знание» по гуманитарным наукам: читал лекции школьникам, учителям русского языка и литературы, общественности. Принимал участие в организации общегородских литературных и литературно-музыкальных вечеров, выступал на радио и телевидении. На протяжении нескольких десятилетий вел активную литературно-театрально-критическую деятельность. Был председателем секции театральных критиков и членом правления Карельского отделения Союза театральных деятелей, в 1972–1977 годах – членом художественного совета Русского драматического театра. Рецензии Л. И. Мальчукова на театральные постановки, книги и пьесы карельских писателей публиковались на страницах республиканской и центральной печати.

За большие заслуги перед Республикой Карелия и Российской Федерацией Льву Ивановичу Мальчукову были присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки РК», «Заслуженный деятель культуры РК», «Почетный работник высшего профессионального образования РФ».

Светлая память уникальному и любимому преподавателю, крупному ученому-германисту, человеку «высоких стремлений», который осветил своим присутствием каждого, с кем общался, прожившему полную смысла, поисков и свершений жизнь – Льву Ивановичу Мальчукову.

*О. Г. Абрамова,
канд. филол. наук, директор Института филологии
ПетрГУ*

*А. Е. Кунильский,
доктор филол. наук, профессор Института филологии
ПетрГУ*

*Н. Г. Шарпенкова,
доктор филол. наук, зав. кафедрой германской
филологии и скандинавистики ПетрГУ*

EDN: HIVGBA

ЧЕЛОВЕК ИЗ СЕМИДЕСЯТЫХ

К этому факту нельзя привыкнуть до сих пор: в мае этого года не стало Льва Ивановича Мальчукова.

Не ошибусь, если скажу, что подписанные его именем театральные рецензии, журнальные статьи, отчеты о художественных выставках и переводы с немецкого олицетворяли для всей читающей Карелии трудноуловимую сейчас атмосферу 70-х.

Сама манера его общения и с читателями, и со студентами была, если так можно выразиться, эссеистичной. Она проникалась тонкой импровизацией, основанной на богатой эрудиции и смелых, однако всегда выверенных сопоставлениях самых разных фактов из самых разных областей искусства в целом. Максима Иммануила Канта «Красота есть то, что нравится нам без пользы и разума» усваивалась петрозаводской интеллигенцией с голоса профессора Мальчукова. На своих лекциях Лев Иванович любил широкие, как бы внезапные – на первый взгляд! – общекультурные контексты и обобщения и, нужно добавить, ценил вкус к таким обобщениям у студентов. Его подходы и интерпретации учили восприятию того в литературной науке, что принадлежит уже искусству. И без подобных обобщений науки о литературе просто нет.

Однако дело не только в этом. Длительное профессиональное изучение всякой другой культуры все же добавляет к личности ее исследователя какие-то черты наций, которым принадлежит эта культура. Специалист по литературе Германии начала XX века, Лев Иванович, дерзну сказать, представлял своей индивидуальностью и поведением не столько берлинский, сколько венский (а может, и швейцарский) стиль, не лишенный какого-то изящного космополитизма. Все это выражало дух открытости и терпимости 70-х. Это был своеобразный период уникального и хрупкого компромисса.

Именно тогда открытость и доброжелательный интеллектуализм главенствовали на всем европейском гуманитарном горизонте, считаясь,

подчеркнем, хорошим тоном. Все это виделось в заметках Льва Ивановича об инсценировке Русским театром пьесы Ф. Дюрренматта «Визит старой дамы», и еще более – в его ироничных интонациях, передававших смех Гейне над спортивным шовинизмом «папаши Яна» – вождя немецкой молодежи 1840-х годов.

Впрочем, некоторые особенности обстановки Карелии открывали окно и в англоговорящий мир, и открывали часто неожиданно. В Петрозаводск каким-то неизвестным образом, очевидно, по ленд-лизу во время войны, попало редкое прижизненное издание Киплинга 1927 года с предисловием Генри Джеймса. Оно и потребовалось мне для ответа на данный Львом Ивановичем к экзамену специальный вопрос. Готовясь к нему, я наткнулся на стихотворение, по-видимому, никогда не переводившееся на русский язык. Бравурное повествование о том, как солдаты-индусы вырезают бирманскую деревню за убийство их командира, лейтенанта из английского захолустья, и складывают на его могиле пирамиду из бирманских черепов, безупречно излагало манифест расизма прямо-таки пещерного свойства. На страницах букинистического издания Генри Джеймс называл Киплинга «истинным представителем англосаксонской породы». Значительно позже, когда обстоятельства привели меня к необходимости работать в Дагестане, разбор «Могилы с сотней голов», сделанный мною на экзамене Льва Ивановича, предстал тем компонентом моей написанной там книги, без которого она не могла бы существовать.

Еще Шекспир уподобил человеческую жизнь театру и актерам в театре. Лев Иванович Мальчуков был артистом за кафедрой, человеком театра. Слово Мальчукова зажигало магический фонарь, освещавший панораму великой культуры Европы.

С уходом Льва Ивановича в культуре Карелии закончились 70-е годы – и стали легендой...

*Евгений Тарланов,
доктор филол. наук, профессор
Петрозаводск*

СЕДЬМАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ И ГРЕЦИЯ: ДИАЛОГИ КУЛЬТУР»

Международная научная конференция «Россия и Греция: диалоги культур» состоялась в ПетрГУ уже в седьмой раз. Идея конференции, как и все в ПетрГУ, связанное с античностью и классической филологией, родилась у Татьяны Георгиевны Мальчуковой в 2006 году. Актуальность темы уже тогда была подтверждена широкой географией участников и высоким статусом многих из них (например, в пленарном заседании участвовали генеральный консул Греции в Санкт-Петербурге Димитриос Летсиос и академик РАН Н. Н. Казанский). Год от года конференция привлекала к себе все больше ученых. Уровень международной окончательно закрепился за конференцией в связи с активным участием в ней представителей Греции, прежде всего – Афинского национального университета им. И. Каподистрии. Установившиеся научные и партнерские русско-греческие связи оказались настолько прочными, что, несмотря на крайне нестабильную международную ситуацию последних лет, вопрос о прекращении или приостановке конференции даже не ставился. Греческие ученые в лице Т. С. Борисовой и О. Д. Александрополу вошли в оргкомитет, активно побуждая к участию своих коллег. Интерес к конференции в этом году был как никогда высоким. Заявки на участие подали не только давние друзья и партнеры кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики (традиционно это кафедра классической филологии и кафедра древних языков МГУ им. М. В. Ломоносова, Крымский федеральный университет, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского). Впервые участниками, в том числе в очном формате, стали представители Мариупольского государственного университета им. А. И. Куинджи, Института российской истории РАН, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Смоленского государственного уни-

верситета, и это далеко не весь список. Греческие вузы были представлены Афинским национальным университетом им. И. Каподистрии (11 докладов) и Фракийским университетом им. Демокрита.

На пленарном заседании прозвучали доклады, отражающие целый спектр культурных, исторических, языковых связей России и Греции: «Византийские интеллектуалы при дворе Софии Палеолог и их вклад в развитие теории “Москва – Третий Рим”» (О. Г. Ульянов, Москва), «Античный код современной отечественной прозы поколения “тридцатилетних”» (Г. М. Алтынбаева, Саратов), «Греческая тема в журнале Ф. Достоевского “Гражданин”» (А. А. Скоропадская, Петрозаводск), «Икар, Геракл и Пандора: к вопросу о прецедентности мифонимов в новогреческом языке» (И. В. Тресорукова, Москва), «Данные греческих списков Евангелия (по изданию Нестле – Аланда) в анализе языковых разночтений ранних церковнославянских списков» (Л. Г. Панин, Новосибирск), «Интермедиаальный дискурс в русско-немецких драматургических трансформациях сюжета о Медее XX–XXI вв.» (Т. А. Шарыпина, Н. Новгород), «Между двух миров: образ грека в контексте рассказа “HELLADOS” Нодара Думбадзе» (С. Г. Амириди, Греция), «Мотив принесения умиловительной жертвы в творчестве современных греческих писателей» (Л. С. Банах, Симферополь) и др.

Дальнейшая работа конференции шла по секциям «Классическая филология», «Византистика», «Неоэллинистика», «Греческая тема в мировой литературе и культуре», «Культурно-исторические связи России и Греции», в которых участвовали литературоведы, лингвисты, филологи-классики, историки, культурологи. Научное сообщество в очередной раз показало, что Россия и Греция являются примером многоуровневого и взаимообогащающего диалога.

*А. А. Скоропадская,
кандидат филологических наук, доцент ПетрГУ
skoropadskaja@petsu.ru*

Scientific information

*Anna A. Skoropadskaya, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
skoropadskaja@petsu.ru*

**SEVENTH INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“RUSSIA AND GREECE: DIALOGUES OF CULTURES”**

CONTENTS

Seventh International Scientific Conference “Russia and Greece: Dialogues of Cultures”

Editorial note*Zakharov V. N.*

LESSONS OF THE ATHENS SCHOOL IN PETROZAVODSK 7

RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA*Danilina N. I.*

PRAGMATIC COMPONENT IN THE EIGHTEENTH-CENTURY LANGUAGE OF SCIENCE (BASED ON MIKHAIL LOMONOSOV'S TEXTS) 8

CLASSICAL, BYZANTINE AND NEO-HELLENIC PHILOLOGY*Popova T. G.*

BYZANTINE VERSIONS OF THE LIFE OF ST. JOHN CLIMACUS: THE ISSUE OF THE HAGIOGRAPHIC CANON EVOLUTION 13

Chernysheva M. I.

HIERONYMIC CORE IN THE SYSTEM OF BYZANTINE-SLAVONIC NAMES 20

Anashkin A. V.

MORPHOLOGY AND SEMANTICS OF PERFECT FORMS IN THE BYZANTINE CANONICAL QUESTION-AND-ANSWER (EROTAPOKRISEIS) LITERATURE 28

Zabudskaya Ya. L.

INVENTING BARBARITY: TRANSLATIONS, COMMENTARIES, AND INTERPRETATIONS OF EURIPIDES' *IT* 74–5 36

Leybenson Yu. T., Mamudov E. R.

LEXICAL, CULTURAL AND HISTORICAL REALITIES OF THE *HERMENEUMATA PSEUDODOSITHEANA* TEXTS 43

Prikhodko E. V.

HOMER IN THE POETRY OF THE DESCENDANTS OF THE “GLORIOUS SOLYMOI” 49

RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION*Altyubaeva G. M.*

ANCIENT CODE OF ASYA VOLODINA'S NOVEL *THE PROTAGONIST* 57

Naumchik O. S.

ANCIENT CODE IN HENRY LION OLDIE'S DILOGY *THE GOLDEN BOW* 65

Litinskaya E. P.

GREEK ANTHOLOGY IN THE JOURNAL *SOVREMENNİK* (1836–1866) 71

WORLD LITERATURES*Savinykh O. I., Sharypina T. A.*

INTERMEDIAL DISCOURSE WITHIN THE RUSSIAN-GERMAN DRAMATURGICAL TRANSFORMATIONS OF THE PLOT ABOUT MEDEA IN THE XX–XXI CENTURIES 80

Kayanidi L. G.

THE TRAGEDY *PROMETHEUS* BY VYACHESLAV IVANOV IN THE LIGHT OF STUDIES OF THE CABEIRI CULT IN GERMAN CLASSICAL PHILOLOGY OF THE XIX CENTURY 90

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH*Smirnova E. L.*

PLINY THE NATURALIST: THE IMAGE OF THE ROMAN SCHOLAR AND ENCYCLOPEDIIST IN A FORGOTTEN MID-NINETEENTH-CENTURY ESSAY 98

ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY*Klimova K. A.*

FOOD CODE OF GREEK CULTURE IN RUSSIA: (UN)REALIZED ETHNIC IDENTITY 108

Nikitina I. O.

THE *GURBAN* RITUAL IN THE RELIGIOUS LIFE OF THE GREEKS OF THE CAUCASIAN MINERALNYE VODY REGION 114

Memory*Abramova O. G., Kunilsky A. E., Sharapenkova N. G.*

IN MEMORY OF LEV I. MALCHUKOV 120

Tarlanov E. Z.

MAN OF THE SEVENTIES 122

Scientific information*Skoropadskaya A. A.*

SEVENTH INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “RUSSIA AND GREECE: DIALOGUES OF CULTURES” 123

РОССИЯ И ГРЕЦИЯ: ДИАЛОГИ КУЛЬТУР

Сборник включает материалы, представленные на VI Международной конференции «Россия и Греция: диалоги культур», посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Т. Г. Мальчуковой. В сборник вошли статьи по актуальным для современной гуманитарной науки вопросам тысячелетнего взаимодействия культур России и Греции, в которых рассматриваются различные аспекты классической филологии, византистики, неоэллистики, а также рецепции греческой темы в русской литературе и культуре.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных факультетов.

Россия и Греция: диалоги культур : материалы VI Международной конференции : электронный сборник научных статей / отв. ред. Е. П. Литинская ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2022. – 1 CD-ROM.

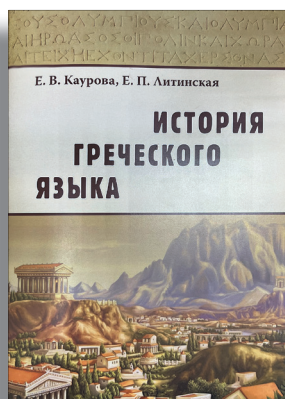
О. В. Смыка

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ ИЗ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В книге публикуются исследования «Аргонавтики» Аполлония Родосского и переводы позднеантичной и византийской поэзии, выполненные сотрудником кафедры древних языков исторического факультета МГУ Ольгой Викторовной Смыка (1945–2022).

Для историков и филологов, преподавателей и студентов вузов, а также для всех, интересующихся античной и византийской поэзией.

Смыка, О. В. Исследования и переводы из позднеантичной и византийской литературы / О. В. Смыка ; отв. редактор А. В. Подосинов. – Москва : Издательство Московского университета, 2023. – 287 с.

Е. В. Каурова, Е. П. Литинская

ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Учебное пособие предназначено изучающим греческий язык и входит в цикл предметов по направлению подготовки «Филология». Материал пособия соотносится с основными этапами развития греческого языка в диахроническом и лингвокультурологическом аспектах: от крито-микенской эпохи до современности. Каждый раздел содержит теоретические данные с характеристикой особенностей того или иного периода в истории греческого языка и сопровождается практическими материалами по переводу и анализу оригинальных отрывков.

Каурова, Елена Владимировна. История греческого языка : учебное пособие / Е. В. Каурова, Е. П. Литинская ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2023. – 61 с.

Никос Казандзакис

КАПИТАН МИХАЛИС

Никос Казандзакис – признанный классик мировой литературы и едва ли не самый популярный греческий писатель XX века. Роман «Капитан Михалис» (1953) является вершиной творчества автора. В центре произведения – события критского восстания 1889 года, долгая и мучительная борьба населения острова против турецкого гнета. Впрочем, это лишь поверхностный взгляд на сюжет. На Крите разворачивается квинтэссенция Войны как таковой: последнее и главное сражение Человека за Свободу. На русском языке публикуется впервые.

Казандзакис Н. Капитан Михалис / Никос Казандзакис. – М.: Выргород, 2021. – 656 с.

